

НОРА
ОЛЬВИЧ

КНИГА ПЕРВАЯ

Лабиринты

МОЕЙ

Души

18+

Нора Ольвич

**Лабиринты моей
Души. Книга первая**

«Автор»

2026

Ольвич Н.

Лабиринты моей Души. Книга первая / Н. Ольвич — «Автор»,
2026

В темноте заброшенного дома затаилась тайна. Смерть её родственницы оказалась лишь вершиной айсберга, а тихий чердак в заброшенном доме – началом бесконечного лабиринта, где она осталась одна наедине со своими страхами из прошлого. Роман «Лабиринты моей Души» – это та история, которая заставляет нас задуматься о себе, о своих возможностях и о цене, которую мы готовы заплатить за свободу.

© Ольвич Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава — Первый аккорд	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	50
Глава 12	55
Глава 13	61
Глава 14	67
Глава 15	74
Глава 16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Нора Ольвич

Лабиринты моей Души. Книга первая

Глава — Первый аккорд

Слишком высокий аккорд... тишина

Слышно было как где-то

Внутри

Лопнула та струна

И встревоженным сердцем

Пауза взята

(Навсегда?)

Ночь окутывает мир своей темнотой, когда я, наконец, решаюсь написать, а вернее, начать главу моей новой книги. Слова стекают с клавиш и ложатся ровными строками на экран, словно ручеёк, исследующий свой путь по белому листу бумаги. Листы бумаги сменяют монитор, а в руках перо, жёсткое и на удивление лёгкое, что скрипит по листу бумаги; отчётливо и как-то даже пронзительно, стараясь самостоятельно давать ответы на вопросы неугомного сознания.

Загадочные звуки, которые так беспощадно проникают в наши сновидения. Откуда они берутся?

Как будто перестук тысячи закрывающихся дверей машин, одновременно донёсшихся к нам в ночном сне. Непреклонный и напористый, он словно никогда не должен был утихнуть. Фигуры в тёмном, они повсюду; и я бесконечно долго описываю этот звуковой аккорд, который может ворваться в безмятежные сны каждого.

Кто осмелился заснуть, стараясь забыть вновь прожитой день своей жизни, утекающей словно сквозь пальцы?

Он продолжительный и очень громкий и по очереди раздающийся со всех концов мира. Перестук.

Но это не было всем, что послужило вдохновением для моего произведения. Хотя вначале был именно звук. А после неторопливые капли дождя, медленно срываясь со скорбящего неба, напоминали наши слёзы, льющиеся на перекрёстках миров. Они стекали по лобовому стеклу моей машины, будто напоминая о тяжёлой утрате.

В самых тёмных моментах нашей жизни, когда сердце разбито вдребезги, они накапливались и собирались в одном месте. И небо, будто сочувствуя нашей боли, печально проливалось дождь, безумно похожий на наши слёзы.

Моих снов и мрачных откровений хватило бы на целую книгу. Книгу о безутешных ночных размышлениях, о том, как мир в тёмной ночи приобретает таинственное и даже жуткое измерение.

Книгу, которая заставит читателей задуматься о своих собственных сновидениях, связующих нас с загадочным, покинутым миром, которой был когда-то реальностью.

Проснувшись, ощущала жуткий холод в душе. В который раз он вновь опустошает мне разум и будто вновь отнял надежду на новую жизнь. Боялась и не могла бороться с подступающими непредсказуемыми видениями.

Бессвязные и не ускользающие в небытие к полудню из памяти, они заполняли сознание и были столь реальными, что казались действительностью; просто второй жизнью.

«... если бы я могла проснуться, как только это начнётся вновь».

В одиночестве смотрела на улицы ночного города, где свет от рекламных огней смешивался с тёмной стороной проулков, будто отвоёвывая в борьбе у темноты свои права, и чувствовала, что сердцебиение, ускоряясь, старается заполнить память новыми звуками.

Хотелось отвлечься и слышать приглушённую музыку; улицы удивительно, но были полны жизни. Субботняя атмосфера летней ночи большого города на самом берегу океана, как передать её особый, пленительный и неповторимый уклад?

Он был живописным, светящимся в разных цветах от ламп и огней, а ещё от стремящихся вдаль по автостраде машин, что создавало потрясающую, особую атмосферу. Всё это было на самом деле, как каждый новый день, как новый мир; жизнь неутомимо текла, и каждый день был открытием, конечно же, для тех, кто стремился сделать это открытие для себя и для своих близких, видя нечто чудесное в каждом восходе солнца.

Вечерние же часы были особенно мною любимы, светило заходило за горизонт, и небо окрашивалось в различные оттенки оранжевого и красного. Морская вода казалась притягательным изумрудом с отблесками золота: вдали можно было увидеть светящиеся огни кораблей, стоящих на рейде. Высотки. Как необыкновенно видеть из окон последних этажей закаты и представлять себя в Ницце или, допустим, в Венеции.

Всё было по-другому, нежели в другом месте.

Высокое бескрайнее небо необыкновенного сине-голубого цвета и очень яркое солнце, желающее каждый день по возможности глубже дотянуться своими безудержными лучами до дна морского.

Я любила этот город.

Качнув головой, почувствовала тяжесть украшения. Мысленно рука уже тянулась к блокну. Муза нашёптывала образы.

— Оленька...

Зазвучал в голове наперекор всему, опуская на землю, тяжёлый шёпот мужа. Он не отпустил даже спустя месяц после...

— Отчего ты мой подарок носить не желаешь? Они тебе не нравятся? Ты тётке своей Дарье Алексеевне говорила о серьгах? Я выполнил наш договор, ты живёшь ни в чём, не зная нужды. Тебе нужно только ждать меня, время пролетит незаметно. Адвокат говорил вчера о досрочном...

— Георг, Дашу уже, как четыре месяца похоронили соседки в посёлке. Я же говорила тебе. Вот и письмо прислали. Ты же не хотел моего отъезда. А сейчас я на могилку собралась и дом пора оформлять на себя, завещание найти нужно.

— Марат отвезёт, сама за руль не садись. Похороны вредны в твоём положении, потому и не пустил. О памятнике скажу кому надо. Адрес дома напиши.

Его собственнический взгляд окинул совсем ещё плоский животик жены, а после всю фигурку в сером невзрачном костюмчике.

— Сына родишь, век пылинки с тебя сдувать буду.

— Спасибо, ты лучше домой возвращайся быстрее. К родам успеешь, адвокат действительно всё сможет сделать?

Смущённо и словно желая стряхнуть с себя лишнее, будто неосознанно стремясь к лучшему, но только не понимая где оно, слушала низкий и уверенный голос мужа.

— Ты же понимаешь, что не в адвокате дело? Оленька, мы же договаривались, два года. Терпи.

Слеза совсем непрошенная скатившись замерла на воротничке рубашки, как капелька дождя, и впиталась в уютную ткань трикотажа.

Утренние недомогания напоминали об интересном положении всё чаще, и токсикоз был каждое утро верным спутником уже очень продолжительное время.

Одиночество.

Пустая квартира, которая когда-то была полна жизни; гостей, друзей супруга с их подружками и жёнами. Большой наш свадебный портрет, писанный будто шёлком. Георг был на нём будто живым воплощением себя. Его строгий взгляд иногда сверлил мне спину, и я не любила подолгу находиться в гостиной; а ещё работа на дому связанная с переводами финансовых документов для компаний занимающихся перевозкой автомашин, прогулки под присмотром старинного друга мужа — Марата, звонки его сводной сестры — Лары, и посещения врача.

Большие кадры чёрно-белых фото картин в мастерской, оставленные на стадии подготовки к собственной выставке в холле самой огромной гостинице в городе. Музыка, неземные звуки которой настраивая разум на волны гармонии, помогали иногда привести мысли в порядок и развеять сомнения.

Всё чаще глюкофон звучал космосом и волнами океана в моей спальне, возможно, раздражая соседей за стеной.

Оценивающие взгляды прохожих в парке, иногда казавшиеся совсем не случайными. Было такое ощущение, что они читают мои мысли, проникают в самые глубины души и знают про меня всё. Иногда я задумывалась, что может быть, они видят что-то большее, чем просто внешность. Возможно, совсем у некоторых есть способность чувствовать настрой человека, и они вместе со мной на мгновение погружались в бездну не восприятия происходящего.

Тот мир, его не вернуть, когда ведающие женщины отдавали себя без остатка своей второй половине, дарили всю свою энергию, которую брали из эфира Вселенной и их такого прекрасного ещё когда-то мира.

А мужчины любили так, что полная гармония этих двух существ, которые были венцом совершенства Творца, заставляла биться в унисон сердца, питая Вселенную и эфир небывалой по составу нематериальной энергетической сущностью, наполняющей всё живое и определяющее само понятие жизни.

Кто стал первым отступником, кто решился изменить устоявшийся порядок, у какого древнего появилось две ведающих, а может быть и больше?

Мысль, что женщины, они такие доверчивые, и их легко обмануть, а мужчины по природе своей не моногамные и достойны большего, действительно была открытием отступников.

А затем, обессиленные, и опустошённые ведуньи умирали, потеряв интерес к жизни, узрев тупик, предательство и серость. Узнав, что не уникальны для своей второй половины,

увядали как цветы в поле, оставляя своих детей на произвол, не успев передать им все таинства их народа.

Когда впервые родилась ведьма, с особым даром? Скользящая, по волнам временных просторов и миров, готовая уйти сразу практически после рождения, как только всем своим нежным, готовым к созиданию сердцем почувствует ложь? Никто вам точно не скажет.

Ведающие искали другие миры, пытаясь освободиться от мужчин, которые стали для них неимоверной тягостью. Цепями и оковами, которые в будущем не могли уже справляться со своим предназначением.

Миры, которые примут их со всеми их достоинствами и недостатками, женщины решали поставленные перед собой задачи и совершенствовались.

Вампиры.

Кто впервые так назвал мужчин их мира?

А ведь он опустел...

Мужчины, проснувшись в одно не совсем прекрасное утро, поняв, что они одни, ощутили зов. Он раздирал им души. И каждый из них, как бы, теряя частичку бесконечной гармонии ни мог уже постичь истину, не мог существовать, как прежде.

А затем...

Голод! Это чувство, оно было постоянно. Началась полная деградация. Энергия Вселенной стала заменима.

Кровью.

Животных и себе подобных. Полная мутация. Голод и поиск, вечный поиск истинной, для своего сердца. А если всё безуспешно, то, всё исправить могла, кровь, её безудержные потоки, для утоления чего-то необъяснимого.

Они стали по сути своей убийцами, независимо от уровня интеллекта и социального положения.

Умные и изворотливые, их практически невозможно убить и приручить. В их сердцах живёт месть кому-то неосознанному, и неукротимая тяга найти свою единственную.

А ещё легенда.

Они знали, многие верили, а некоторые по истечении многих веков считали её всего лишь, чьим-то вымыслом, или просто красивой сказкой.

«При встрече с единственной, предназначенной тебе Вселенной сердце, познавшее только жестокость, что жаждало кровь многие годы, начинает биться, только для неё; и ответное чувство избранной насытит и вернёт разум, разрушая тьму изгоя».

А ещё, их душил страх от осознания того, что душам проклятых и предавших, им не дано упокоиться, пока они не встретят ту, что, возможно, предали когда-то.

Заслужить прощение дано не каждому. И новый виток воплощения породит новые поиски той, ради которой мир захочется положить к её ногам.

Она обещала быть интересной — эта книга. Реальность в ней искусно переплеталась с вымыслом, в котором герои стремились найти своё счастье. Как банально на первый взгляд.

И в то же время, как решительно необходимо каждому созданию во Вселенной.

Она рождалась во мне, в мечтах и во снах, в лабиринтах моей души.

Книга.

Глава 2

— Не ждал. Что-то случилось?

Камера была тесной и затхлой. Тонкий луч света, проникающий сквозь узкое окошко, смутно освещал мрачную обстановку. В душном воздухе запахи, смешиваясь, создавали удушливый букет. Мрачные стены коридора тихо затихали в одном из оттенков грязно-серого.

Очередное, вынужденное свидание с Георгом вызывало одно и то же ощущение — тревогу, напряжение, но в то же время и некую странную надежду, что всё это когда-нибудь будет позади.

— Не ждал? Я делала дозвон вчера, писала... Георг, ты как? Настаиваешь на продаже дома, который стоит совершенно без присмотра после смерти Даши, а сам не хочешь моего отъезда. Мне просто необходимо выехать чуть ли не немедленно, для того чтобы начать его оформление. Для нотариуса необходимо собрать нужные документы, хорошо, если у Даши с этим порядок. Мы практически пропускаем все сроки, подпиши доверенность на машину и согласие на продажу недвижимости. Хотя адвокат сказал, что для этого нужна подпись, заверенная нотариусом. Или вовсе не нужна, так как имущество будет получено в наследство. Не помню. Попробуем заверить у начальника тюрьмы все подписанные тобой документы, вернее твою подпись. Марат после аварии ещё в клинике, о выписке речь пока не идёт, он готовится к новой операции.

Я торопилась.

Ограниченное время свидания было расписано жёстко и безжалостно.

Сомкнутые брови мужа и хмурый взгляд и этот запах... От него тошнота подкатывает пока ещё маленькими волнами, которые грозят перерасти в огромные цунами. Они давят и тревожат всё сильнее не давая сосредоточиться. Холодный пот пробился и выступил бисером на виске.

— Оля, ты не здорова?

Его отстранённый голос, в нём нет беспокойства, или мне так кажется, он режет не безразличием, нет. Каким-то действительно чуждым настроением и нотками недовольства;

«-... говорит же, что не ждал. Не успел...настроиться на встречу? Возможно, не успел обрадоваться...».

— Токсикоз, он продолжается не утихая. Тошнит порой безостановочно.

— Как ты собираешься садиться за руль? Путь неблизкий в посёлок. За день управишься в один конец?

— Но сейчас же доехала до тебя, хорошо, что патруль не остановил.

Мужчина, сидевший напротив, в небольшом, камерного вида помещении уже мало напоминал того Георга, что был смыслом жизни с самого первого курса института. И дело было не в его особом статусе заключённого в данный момент. Нет. Он просто был чужим, будто сбросил маску, или одел новую. Аромат Ларкиных парфюмов, по-восточному тяжёлых с нотами дорого кофе не давал сосредоточиться на документах.

«- откуда он здесь? Неважно».

Пальцы, листающие и ищущие такие нужные листики, дрогнули, ошарашенный взгляд остановился.

«- отчего он так напрягся»? «Почему неважно..., хорошо..., всё после».

Пришло понимание, которое необходимо было скрыть, потому что становилось стыдно за мужа и Ларку, оттого что поняла и мысль, транслирующая истину, была просто отвратительной.

— Да вот же они. Подпиши и я обратно, ещё заеду в страховую.

— Оля..., это без малого часов восемь в пути. Я на сестру оформил доверенность перед... своим отбытием, она разве не говорила? Она сможет с тобой поехать.

— Лара выходит на связь, но всё реже. Честно. Я говорила ещё два месяца назад, что это необходимо сделать. Сюда меня сопровождал на своей машине твой адвокат. Андрей Иванович останется, а я обратно сама. Он, кстати, и добился этой встречи для нас. Позвоню в условленное время. Не переживай на свежем воздухе мне намного легче, и жара совсем уже спала, к одиннадцати вечера буду дома. А Лара не должна со мной ехать. К чему это? Это моя ноша, моё горе.

Три стула — три сидения для заключённого и его гостя, и ещё один для присутствующего наблюдателя. Стол.

И серость стен.

Медленное поднятие глаз, обрывки каких-то фраз и настороженное дыхание. Нежелание говорить о его сестре. Необъяснимые касания, желание удержать, будто он понял, что теряет..., будто она поняла, что с Ларкой у них также..., по его особой просьбе..., без присутствия наблюдателя.

Неоднозначное молчание — в котором скрывались невысказанные мысли, неосуществлённые желания и принимающие огромные размеры подозрения.

И волны тошноты, наступающие на самом выходе из тесного помещения и оцепенение оттого, что мысли преследовали, не давали покоя.

Тихие смешки в спину, они чудились или звучали на самом деле?

— Зачем мужику на волю, бабы и так наездами покоя не дают.

— Так-то жена...

— А до этого приезжала блондиночка, кем она значится?

— Сестрой.

— О как! Сестра значит, в зачётной форме у него с сестрой получается. Все они или сёстры, или жёны, а в принципе просто...

А затем обратный путь домой, долгий и изматывающий, он раскрывался передо мною всей жизнью, сложной, со своими дорогами и перекрёстками, спусками и взлётами.

А ещё полное отсутствие понимания и осознания, что когда-то очень близкие люди, увидев друг друга вот так наспех, в последний раз, не почувствовали этого.

Что-то поняли про себя, про него, и про неё, испытали возможно глубокое чувство вины, ощутили высокие ноты предательства и горечи, но не поняли самого главного...

Это прощание.

Оно у всех разное. Бывает и такое.

Узкая лента дороги по серпантину прибрежных скал. И радость от этой сложной езды; а ещё внутреннее удовлетворение разливающиеся внутри, что огромная масса внимания, была отдана без остатка на сложную трассу; его не хватило для того, чтобы отчаянно осознать всю нелепость своей жизни с этим мужчиной.

Осознавать вовсе не хотелось, но в то же время не представлялась возможность остановить рост огромного чувства, душившего изнутри.

Эта горячая смесь отторжения фальши и предательства заполняла всё вокруг, хотелось раствориться в воздухе; всё бросить и, став огромной птицей, взмыв в облака оставить на брэнной земле действительность, ставшей уже такой неважной.

Меня встретила пустая квартира. В которой будто жил только портрет, на котором невеста — юная и хрупкая..., и будто бы удивительно чужая в своём подвенечном платье на этом празднике жизни, смотрит с наивностью чистой души в объектив. Она тихий и изящный фон для мужчины в строгом тёмном костюме, а, возможно, просто дорогая вещь, что поставили рядом для гармонии. Взгляд Георга не отпускает, преследуя даже за закрытой дверью ванной комнаты.

Усталость и оцепенение, стекающие по коже под струями душа, давая путь сознанию и рас- судку, взять реванш, просачивались в слив.

«- ... в квартире кто-то был в моё отсутствие!»

Эта мысль отрезвляет.

Намётанный взгляд фотографа-журналиста успел выхватить несоответствия в расста- новке многих мелочей в гостиной и успешно подсовывал информацию расслабленному созна- нию.

«- ... они что-то искали, отчего такое чувство, как будто за мной следят в собственной квартире?»

Вытирая мокрые волосы полотенцем, не желая их сушить феном, ничем, не выдавая сво- его волнения, ожидала звонка от мужа. Сделав условленный звонок, зайдя в спальню и, вклю- чив ноутбук, проверяя почту, увидела письмо с неизвестного адреса.

Это просто спам, я не готова сейчас познавать какие-либо новости. Всё после.

Не хотелось брать в руки телефон, открыв в нём электронную почту, я затем уже точно обязана буду написать Георгу адрес домика в уютном посёлке, что раскинулся в пригороде столицы Дальневосточного региона. Что-то останавливало от этого шага, потому как хотелось иметь свой, только свой уголок в этом мире, которым не хотелось делиться в угоду кому-то.

Я уезжала ненадолго, а будто навсегда. Другой краевой центр, практически семьсот кило- метров пути. Не понимала, зачем столько вещей беру с собой; и всё же укладывала их, избе- гая смотреть в глаза мужчине, что следил за мной с портрета. У меня было чувство, что, будто оставляя на короткий промежуток времени своё существование здесь, в этом городе, я пере- листываю страницу, а может, бы и закрываю целую главу своей жизни.

«- ... что за мысли, ведь через неделю я буду однозначно дома».

Я запихнула в чемодан самые любимые платья, простые и неяркие, верные джинсы и уютные свитера, казалось, я увожу в дальнюю дорогу, потерянную и забытую всеми себя, и только при помощи привычных вещей смогу наконец-то найти пропажу.

«-... растеряла что-то очень важное где-то на перекрёстках жизненного пути, мне нужна эта поездка, я должна очнуться».

Часов десять пути с остановками, и за окном я начну видеть совершенно другой город, который покоряла когда-то студенткой. Старинные улицы, неповторимая архитектура и незна- комые лица — это всё ждало, обещая освободить от оков.

В отдельную сумку легли объективы и камера, удобный маленький штатив. Когда ещё представится такая возможность. В руке застыл объектив, из новинок, ощутила его тяжесть. Минимальное фокусное расстояние двадцать четыре миллиметра, не помню его. Купила и позабыла. Упаковка ещё новая, не вскрытая. Не сомневалась, пряча всё в сумки.

Звонок телефона заставил вздрогнуть и раздражение, которое я даже не смогла погасить сразу, резануло лезвием по сознанию.

— Добрый Лара. Я уже готова, не рвись, справлюсь. Присмотришь за квартирой, хорошо? Да. Георг подписал доверенность, я ненадолго. Что ты за ерунду говоришь, зачем мне доку- менты с консультации и медицинский полис, я скоро вернусь. Хорошо. Я услышала. Да, буду осторожнее, да Георг переживает и мечтает о сыне. Оставь это, я, конечно же, справлюсь, на дворе двадцать первый век.

Её голос ещё долго был слышен мною, а удушливый парфюм стоял в сознании. Он пре- следовал меня в лифте, как будто она именно из него только что беседовала со мной. Мне казалось, что за углом мелькнули её натянутая небывалой энергией, всегда целеустремлён- ная фигурка, обтянутая джинсами и очень дорогим свитером, а длинный хвост наращенных волос, тронул ветер. Шикарный блонд; хотя сколько сейчас таких одинаковых хвостов в городе. Салоны-парикмахерские ваяют их на каждом углу.

Торопилась. Потому что знала, что сделаю это... Не смогу не заехать. После той аварии, которая унесла жизни моих родителей, обязательно буду на автосервисе, где проверят от и до, машину супруга; хотя верно ни к чему это. Георг и поломки — это невозможный случай. Но лучше провести час, а то и больше в уютной атмосфере салона, чем в дороге искать непонятные забегаловки в поисках хорошего мастера. Итак, путешествие на столь дальнее расстояние требовало гарантии безопасности, и я точно не могла пренебречь этим.

Ожидание перед тоннелем, ведущим на мост, что величественно перекинулся через бухту Золотой Рог, бесконечно длинный хвост машин. Удивительно, куда все едут?

Нагруженные суетой и спешкой, они медленно, но решительно двигаются вперёд, стараясь пробиться сквозь этот лабиринт из железа. Каждый водитель, каждый пассажир ощущает на себе дух этой борьбы; настойчивость горожан, которые отказываются смириться с этим хаосом, внушала уважение.

А после, меняя кадры этого дня в сознании, с удивлением слушала новости о том, что машина сможет покинуть салон только завтра утром. Пожилой мастер с укором сообщал мне что-то про тормозные колодки и ещё множественные пограничные состояния каких-то там узлов, а о качестве масла вообще прочёл целую лекцию.

— Вы сможете, если неудобно возвращаться домой в час пик, снять номер в гостинице на сутки и провести вечер на берегу моря, у нас прекрасные виды по вечерам. Близлежащая бухта славится своими закатами, а кафе, свежей только утром пойманной и охлаждённой рыбой. На такой машине ехать нельзя не то, что в Хабаровск, но даже и просто за хлебом в соседний магазин.

— Действительно, я бы не хотела провести несколько часов в пробке, я еле успела в назначенное время к вам. Вы уверены в поломках? Этого просто не может быть.

Слова заученно слетали с губ, мозг же в удивлении замерев, складывал всю эту историю в какие-то невозможные пазлы. В квартиру обратно не хотелось.

— Вы можете вызвать мастера вашего мужа, я не против, но, если честно я бы никогда не позволил своей дочери управлять этим авто. Это просто опасно.

— Спасибо. Я прислушаюсь к вашим советам. Мне нужно подумать.

Не понимала, и всё же осознавала ситуацию, но чувствовала себя *ведомой*; даже когда, поселившись в гостинице, собравшись на вечернюю съёмку, взяла в руки новый объектив.

Ведомой кем-то, невидимым сценаристом, и оператором, которые ещё когда-то давно навязав свою волю, продолжали её диктовать.

«- ... как я могла упустить из вида это чудо, широкий угол кадра, это то, что мне сейчас нужно, помню хорошие характеристики этого объектива, да верно и был у меня такой, только старенький, я его ещё в ремонт возила и просила мужа забрать оттуда».

Уверенная, что Георг, видя мои мучения со старой аппаратурой, приобрёл новый объектив в подарок и не успел об этом поведать, вскрыла коробку. Пытаясь открыть заглушку с целью насладиться видом новеньких линз, я с трепетом вдруг осознала, что не могу этого сделать.

Обида хлынула после понимания, что это обманка.

«-... не объектив, тогда что же?»

Скручивая имитацию бленды и видя, что с ней проворачивается и крышка, я уже понимала, что не увижу никаких линз.

«- термос какой-то что ли, как идеально смотрится, не отличишь, но почему такой тяжёлый?»

От самой себя меня спасали зашторенные портьеры гостиничного уютного номера; полумрак и уверенность в плотно закрытых на внутренний замок, дубовых дверях когда-то социалистического дома отдыха «Жемчужина».

Шестой этаж номера без балкона, открывал прекрасный вид из окна на берег моря. Но мой взгляд был прикован к тому, что я выложила из имитации объектива на прикроватную тумбочку. Массу пакетиков с очень крупными прозрачными стразами и старинными монетами разного достоинства, а ещё кулон... Я не скажу, что это была подвеска, крупный кулон старинной работы с рубинами лежал у меня на руке. Решив, что это герб какого-то старинного рода всматривалась в удивительную чистоту камней.

«-... это же какая цепь должна быть, что выдержит сие?»

Сердце отбивало ритм в ушах, подсказывая, что простые стекляшки так не хранят, да и стразы Сваровского моему мужу ни к чему. А золотые монеты с профилем Наполеона — они что ли, так, просто в приложение легли?

Но больше всего не давало покоя украшение, хотелось спрятать его на груди, нанизав, возможно, крупное ушко на простой шнурок.

Рукой коснулась серёг; тихий голос мужа преследовал знакомыми интонациями и не давал прийти в себя.

«- Оленька, отчего ты мой подарок носить не желаешь?»

Страшная догадка, она осторожной поступью приблизилась и закрыла холодными руками глаза, она шептала забавляясь.

«- ... догадалась? Оленька... Забавно..., а что раньше мешало сделать это? Ларка, она ведь знает про эти вещи, и ключами пользовалась в твоё отсутствие, искала... И ещё раз воспользуется, проникая в квартиру...; дурочка, совсем ослепла, доверяя тому, кто пьёт водичку из копытца...».

Комок дурноты подкатил к горлу, и рука неосознанно легла на слегка наметившийся живот.

«- Бежать, продать дом Даши и скрыться от всего этого, а когда Георг освободится, он найдёт меня и ребёнка, и всё будет как прежде».

«- Не будет».

Она смеялась в сознании дурным смехом и называла опять дурочкой, наивной простушкой у которой под носом муж жил совсем другой жизнью, прикрываясь влюблённой и такой образованной и увлечённой женой как щитом, выставя её перед гостями, показывая работы для выставки.

Забыла про вечернюю прогулку, ожидая окончания ночи, прокручивала многие моменты своей жизни и оценивала их по-новому; поездки мужа, и его командировки. Искала на карте в телефоне места, где могла бы найти приют для отдыха в дальней дороге.

Глава 3

И только под утро — сон, стараясь успокоить безудержную фантазию, покрыл своим крылом, нашёптывая истины о том, что завтра предстоит сложный день, и просто жизненно необходимо взять свою судьбу самой в свои руки. Предстояло перво-наперво обналичить все карточки с накопленными деньгами, позвонить на работу, с новостью о задержке тех документов, которые я взяла в перевод. А далее не доверяя никому в дороге ехать преимущество в караване машин, перегонщиков новых японских авто, не рискуя опасными обгонами. Или возможно...

Во сне как наяву...

«-возможно лучшее для меня – это смерть»,

— в голове билась затерянной птахой только одна эта мысль.

Как же хотелось жить.

Неприятное и щемящее душу отчаяние, росло с каждой минутой, без всякой надежды на спасение разум отчитывал секунды. Сердцебиение ускорялось, радуя того, чья власть была так ощутима.

Жертвенный камень, она чувствует его. В коварных тенях, падающих от горящих свечей, мрачное помещение подземелья вызывало бесконечный страх. Ей не уйти. Ужас медленно подступал, парализуя всё больше и больше, и чей-то шёпот, невнятный, читающий древнее заклинание мешает сосредоточиться и воззвать к единственному мужчине на всём свете, кто смог бы защитить и оградить.

«- Он должен спасти. Но как? Не зная этого места».

— Кто вы? Что вы делаете? Что вам нужно? — руки привязаны высоко над головой. Она практически висит, носками обуви касаясь, пола. Понимает, что говорит только для того, чтобы не молчать; для того, чтобы, осознавать себя ещё живой.

*«Бойтесь безмолвных людей, бойтесь старинных домов, страшитесь мучительной власти несказанных слов...».**

Тень скользнула к ней за спину. Девушка даже не заметила, как рука незнакомца, обхватив её за талию, прижала к себе. Она почувствовала вдруг спиной его тело, мускулистое и сильное как у крупного, беспощадного животного.

Второй рукой, освободив ей шею от длинных волос, он дёрнул ворот рубашки, разорвав её. Нежную грудь сжали прохладные пальцы незнакомца. Словно когти, они, впивались в кожу, принося боль и не оставляя надежды на спасение.

— До чего же ты безрассудна, — шептал это порождение ада. И губами гладя её волосы, вдыхая их аромат, становился всё ближе и ближе. Она слышала его медленное дыхание, понимала, что лицо мужчины становилось всё ближе.

— Ты доигралась, девочка. Я ждал тебя.

«- его сердце, оно, когда-то билось для избранной, я права...», — порхнула мысль мотыльком и улетела, оставляя за собой след безысходности.

«- пощады не будет...».

Клыки зверя приблизились к шее. Он медлил. Растягивая удовольствие, наслаждаясь её страхом. Этот аромат окутывал и возбуждал. И миг настал! Впиваясь в кожу, разрывая её, он не только утолял голод, вечный как сам мир. Он получал силу, которая омолаживала его тело и давала охлаждающему сердцу возможность ещё немного биться, продолжая, эту полную муки и тоски по ушедшей избранной, жизнь.

Старик, с лицом бронзового цвета, морщинистый, но вовсе не сломленный веками; высокие скулы и надменный взгляд. Только глаза и жили на этом старом пергаменте кожи. Глаза, яркие и пронизательные, скрывали в себе тайные знания и умение читать души.

— Моя душа, ты не получишь её.

Его отражение в зеркалах и оскал на лице.

— Твоя душа..., кому она нужна?

— Ты проклят будешь на века..., страдая, не обретёшь покой. Моя душа навеки будет не твоя, ни в этом мире, ни в другом.

Чужие морщинистые, но очень сильные руки причиняли боль, заставляя молчать, сминая и разрывая остатки одежды. И всё же... не сдаваясь, биться из последних сил, хрипеть, проклиная; извиваясь в руках первородного, понимая, что силы слишком не равны.

— Перестань сопротивляться, — тихий шёпот, и кровь стынет в жилах — ты ведь всё уже поняла, для себя.

Как же больно он сжал её, казалось, все косточки рассыпаются на мелкие осколки, а затем, повернув к себе лицом, заглянул в глаза, потерявшие надежду.

В его же, налитых кровью, читался приговор. Верёвки, держащие её руки, срезаны. Она обессиленная виснет на нём, он же с силой толкает, практически бросает её на плоский жертвенный камень; огромной, безмолвной черепахой замерший посередине комнаты.

Больно.

Что с её душой и телом?

Её высшая сила, где она? Что это за место? Приподнявшись, пытаюсь отползти от надвигающегося мужчины, раздрает голые участки тела в кровь.

Тщетно.

«-... Только не это, Господи. Он не прикоснётся ко мне, я этого не вынесу».

Долгая охота, затем её крики возбудили все самые низменные чувства. Он воцарился над ней.

Полулёжа пыталась отодвинуться, карябая себе руки и оголённые ноги о поверхности пористого чёрного камня, который за все века уже немало впитал в себя страха и отчаяния.

Кровь. Этот будоражащий аромат сводил его с ума.

Её ноги раздвинутые и согнутые в коленях, отодвигали от него напряжённое тело, длинная юбка ничего уже не скрывала. Как она гармонично прекрасна. Нежная кожа, с горделиво приподнятыми бровями, что похожи на крылья летящих ласточек. Ресницы, упавшие стрелами на щёки, губы, нежные и вероятно очень притягательные, когда в момент страсти дарят неописуемое наслаждение.

Смерть ей будет к лицу.

Смерть так прекрасна в своём безмолвии.

Он не думал, что всё так затянется. Просто хотел испытать до дна ещё одну чью-то избранную в ритуальном месте и тем самым принести в жертву, но нет. Борьба, к чему? Безумная.

Это его месть. Глаза затянула кровавая мгла. За всю боль, что он носит с собой уже много веков. Как же она похожа на ту, единственную, что растоптала его чувства; исчезая навсегда из жизни и обрекая его на мучения.

Жертва билась в руках, раненой птицей. Длинные волосы разметались в разные стороны. Её слёзы отчаяния не трогали гранит, что образовался вместо затухающего сердца того, кто был когда-то мужчиной. Израненные руки из последних сил пытались оттолкнуть и ударить.

А он, грубо насилуя практически уже безвольное тело, глубже впивался клыками, в нежную часть шеи, где артерия билась и толчками выбрасывала, то, ради чего он появился сегодня на глаза у остатков великого когда-то братства.

Он дарил ей последний свой поцелуй.

Поцелуй смерти.

И в который раз получал наивысшее наслаждение за счёт оборванной чьей-то жизни. Жаль, нельзя было растянуть это удовольствие на многие дни и недели, питаюсь её страхом, чувствуя боль и унижение.

Её наверняка будут искать, и это развлечёт его. Возможно.

И вот залитый кровью взор ловит последнюю искру жизни в затухающих, всё ещё прекрасных очах и сердце пронзает вихрь.

Огонь плавит его, оно сбрасывает осколки гранита и готово вновь биться ради избранной.

Той, которая только, что прокляла его навеки, той чью кровь он пил без остатка, лишая жизни предначертанную ему судьбой.

— Проклят, навеки!

Нечеловеческий вой, он несётся по мрачному лесу, что сторожит склеп одинокого отшельника.

- *Ты проклят будешь на века..., страдая, не обретёшь покой. Моя душа навеки будет не твоя, ни в этом мире, ни в другом.*

Желание укрыться, сбежать и затаиться было безумным и всепоглощающим. Ночные кошмары — предвестники встречи с Георгом не давали покоя. Отправила сообщение мужу, чтобы не волновался, что я выехала на машине, оттого что ремонт затянулся, намного позже. И по прибытии сообщу ему об этом; а после не задумываясь поехала на такси, на вокзал, отключив телефон.

— Не спешите с ремонтом, хорошо? Вчера вы действительно вразумили меня, я решила отправиться к родне позже. Я приеду и заберу машину через неделю, разумеется, я оплачу ремонт и стоянку. А сейчас, с утра пораньше просто домой. Муж волнуется и просит отложить поездку.

А далее, после хлопотного дня, вечерний скоростной поезд, вместив в себя массу пассажиров, одинаковых на первый взгляд и таких, впрочем, разных, отправился в сторону Хабаровска. Первым классом ехало немного людей и я, устроившись с должным комфортом, увидев сообщение от мужа, отправленное днём, о том, что должна просто немедленно вернуться домой, отключила вновь телефон.

Вещей со мной в этот раз было немного, путешествие налегке облегчало задачу. Автоматическая же камера хранения железнодорожного вокзала вместила в себя практически всё, что я так бездумно совала ещё вчера в сумку.

Я не понимала своих действий, не осознавала, что творю. Заветный объектив и его содержимое, поломки в машине и звонок сводной сестры мужа перед отъездом, её аромат, исходивший от тела супруга: всё сплелось воедино. План действий сложился у меня в голове таким удивительным образом, будто я всю жизнь скрывалась от преследований. Кулон на груди, скрытый ото всех, что висел на прочном длинном шнурке, вселял уверенность.

Это будто была вовсе не я.

Итак, оставив телефон в электричке на мягком диванчике сиденья, попросту «забыв» его включить и взять с собой я приехала в очень известную на Дальнем Востоке курортную зону с действующими источниками. В кошельке вместе с денежными купюрами лежала маленькая сим – карта.

— На кого она зарегистрирована?

— Ни на кого, это на всякий случай, малыш.

— На какой?

— Ты сама поймёшь, а пока пусть пока второй запасной будет в твоём телефоне. Закинь на неё самые важные контакты.

Тогда Георг был другим, или нет? Давая мне эту сим-карту, он пытался предотвратить возможно последствия каких-то своих поступков.

— Один звонок с неё, хорошо? Возможно, самый главный в твоей жизни. Этот номер у меня есть в контакте, и сразу выкидывай карту, а после уходи. Ты поняла меня?

Не осознавая серьёзности происходящего, глупо кивала, счастливая от его заботы, от тихого и такого проникновенного: *«мой малыш»*.

Маленький курортный городок мелькал горящими огнями из окон такси. Мне нужно было прийти в себя, выделив несколько часов без движения. Хотелось выключить мозг, заставить его замолчать. Всё вокруг казалось слишком: суетливым, непрерывно двигавшимся, как стая беспокойных птиц. Таксист и радио в машине, администратор в гостинице и телевизор за её спиной.

Сняв небольшой номер, заплатив за него по программе выходного дня за трое суток, приклонила голову к подушке. Огни продолжали подмигивать мне бликами, я гнала от себя кошмары, умоляя их задержаться где-то во времени.

«-... позже, всё позже; расскажите и покажите мне все свои бредни потом».

Я представляла, как выключаю перегруженный компьютер, который гонит во мне информационный шум. Я хотела унять беспорядок в уставшем сознании и найти тишину, которая бежит от меня, как беспорядочная волна на поверхности океана.

Взяв в руки кулон, потемневший от времени, разглядывала дракона, что стоял на задних лапах в окружении рубинов и ещё каких-то камней. Заворожённая не отводила взгляда от скрещенных шпаг и маленькой короны.

Часы медленно превращались в минуты, а минуты — в секунды. Я наслаждалась ощущением времени, которое остановилось.

Утром же приняв душ и насытившись в местной столовой диетическими изысками местных поваров, разглядывая удивительно вкусный кисель чуть ли не под увеличительным стеклом на предмет его состава; уведомив скучающего администратора о своей пешей прогулке по местным историческим местам, которые можно было наблюдать до соседнего санатория в течение всего дня; первым автобусом я уже ехала в Хабаровск.

Ключ от номера болтался в лёгком пиджачке, ещё часть вещей осталась в санатории. Лёгкий и вместительный, неприметный рюкзак на плече, недорогая одежда, новая стрижка и очки на пол лица.

Мой животик заметно увеличился, по понятным причинам всё самое ценное было зашито в пояс — бандаж для беременных, купленный в аптеке и, закреплено под джинсами, приобретёнными в первом бутике на Морском вокзале.

«-... что дальше, сколько у меня форы? Георг знает о доме, но ни разу не был там. Даша гостила всегда у нас, старательно уклоняясь от принятия гостей в нашем скромном жилище, будто стесняясь своей недорогой, скромной обстановки без ремонта; взгляд её мудрых глаз и сдержанные манеры всегда беспричинно раздражали мужа».

— Она будто хранит вековые тайны, недоговаривает и презирает.

— Георг, после гибели родителей этот человек воспитал меня, выкормил и выучил, перестань говорить такое о ней. В чём тебя можно презирать? Поверь, у тебя нет недостатков.

Энергия добродушной улыбки мужа наградой освещала всё вокруг.

— У меня их действительно нет, малыш. Но ты не понимаешь, я говорю в целом обо всех. Спор затихал, чтобы с новой силой повториться в её новый, такой редкий приезд.

Глава 4

Записи о платежах и налогах, домовая книга, непонятные схемы и чертежи, лежавшие на столе в комнате, которая была когда-то моей спальней, некоторые личные вещи и справка о смерти самого родного человека на земле.

Винила себя за то, что, увязнув в сладкой жизни постепенно теряла связь с, возможно, единственно близкой душой на земле. Ощущала, как прошлое теряло свою отдалённость, смешивалось с настоящим, размывая штрихи тех дней, когда счастье казалось таким настоящим.

«- ... как я могла до такой степени отдалиться, прожить дни своей жизни, интересуясь только тем, что окружало меня в ближайшем расположении?»

Сочувствующий взгляд соседки и тихий рассказ о том, как не довезли до больницы Дашу. А ведь она была старше меня всего на восемь лет.

— Оленька, эта история с твоим мужем, она была последней каплей для Дарьи Алексеевны. Он стал осужденным, людская молва не замолкала, посёлок небольшой. Все её переживания за тебя вылились в тяжёлый сердечный приступ.

— Как случилось, что тело увезли на кремацию, тётъ Галя? Даша, она бы не согласилась на это никогда.

Пожилая женщина, разводя руками, твердила что-то про эпидемию, корона вируса и краевую клинику. Все её слова, не задерживаясь в сознании, отлетали совершенно незначимым мусором будто от однородно заряженного информационного поля. Пытаясь поймать их, понимала лишь одно:

«-... ничего уже не исправить, где же ты была всё это время, племянница, ставшая младшей любимой сестрёнкой?»

Время превращалось в воронку, затягивающую всё глубже и глубже в мир пустоты и одиночества. Калейдоскоп мыслей и эмоций растерялся, будто утопая в бездне действительности. Что мне осталось в итоге? Материальные блага и внешний успех, которые, как выяснилось, были лишь иллюзией счастья и вовсе не моими.

Пряча глаза, стараясь держать нить беседы со взволнованной соседкой, спешила остаться наедине с самой собой.

— Оля, в холодильнике всё равно ничего нет. Выбрала я всё, чтобы не пропало. Пошли к нам. Мы с Фёдором как раз вареники готовили, осталось только лучок обжарить. Пошли. Негоже одной в хате оставаться.

Единственный нотариус в посёлке, который стоял когда-то на отдалении, а сейчас просто старательно вливался в тихую зону новых микрорайонов большого и чуждого уже мегаполиса, смотрела с осуждением. Процедура вступления в права наследования была проста.

Документы нашлись сразу в доме, будто Даша готовилась к своему отбытию в мир иной.

— Ольга Андреевна, вы надолго у нас? Вам нужно будет задержаться в посёлке, документы будут готовы не сразу. Секретарь заболела, и я сегодня работаю в единственном числе. А ещё хотела посоветовать: не торопитесь с продажей дома, выждите три года.

— Три года? У меня просто нет этого времени.

— Конечно. Я всё понимаю, но вы задумывались о том, что вам придётся заплатить налог с полученного дохода? Мы с Дашей, покойницей дружбу водили. Я не чужой вам человек. Знаю вас с детства, конечно, вы не помните этого. Но тем не менее должны понимать, что именно это имущество, полученное в наследство у вас, никто не сможет забрать в счёт, допустим неуплаченного долга по большому кредиту, в том случае, если у вас больше нет ничего, конечно. Ведь прописка у вас сохранилась именно в доме, где вы провели своё детство, после гибели

ваших родителей. А имущество вашего мужа, оно и так по закону в равных долях с ним, ваше. К чему спешить?

Слушала умудрённую опытом женщину и недоумённо осознавала, что, выйдя замуж, отстранилась от обычной жизни. Ощущала, что пробуждаюсь лишь сейчас, а всё предыдущее время провела в неведении.

Даже там, в камере свиданий, на зоне, понимая всё про супруга и его сводную сестру, в присутствии Георга чувствовала себя по привычке защищённой, как будто находилась в коконе безмятежного сна.

«-... может, и прав Павлов был? Вот оно - приручили, накормили, полюбили..., чуть-чуть. И рефлекс готов».

Понимала, мой творческий взгляд на мир стал главной причиной отстранения от реальности. А ещё властный и весьма категоричный в своих высказываниях муж, и моё вечное желание избегать конфликтов. В этой иллюзорной обители забыв о жизни, что была ключом на улицах интересного города, в котором мы проживали, потеряла способность сражаться за себя, реагировать на удары судьбы. Затерялась в мире своего воображения, ушла так далеко, будто утратила нечто важное.

Всё решал муж, я жила своими работами и идеями, забывая подчас, как ходить по магазинам.

«- я растворилась в нём и в себе, пока не увидела содержимое объектива. Нет, пока не почувствовала от супруга тот парфюм, что мы с Ларкой выбирали вместе, ей на день рождения».

— А если со мной что-то случится, Надежда Ивановна?

Голос дрогнул, а сознание вдруг поняло, что это не бред и не кадры чужой жизни. Реальность, которая ускоренно тянется шлейфом за мной, догоняя и дыша вслед.

— Единственные ваши наследники — супруг, Ольга Андреевна и не рождённый ещё ребёнок. Ведь я правильно понимаю ваше положение?

Кивнув утвердительно сглотнула горечь мысли, что наше небогатое имущество с покойной Дашей достанется, тому, кто не в силах его оценить по достоинству. Это была просто мгновенная мысль, ухватить которую мне удалось после прочтения СМС от мужа на простейшей модели телефона, что был когда-то в пользовании у покойницы.

*«- ...за беспредел ответишь с**а, верни, что взяла».*

И ещё что-то, что запрыгало перед глазами непослушными строчками.

Страх. Ладони покрылись холодной испариной. На момент мне показалось, что дверь нотариальной конторы сейчас откроется и Георг будет стоять в дверном проёме, испепеляя меня взором. Пожалев на момент о своих смелых поступках, что я накануне сегодняшнего дня совершала словно во сне, понимала, что мне нельзя обратно в дом, в котором прошло всё моё детство. Сознание искало решение, которое выливалось только в одну истину:

«Бежать».

— С сегодняшнего дня, вступив в права наследования, я хозяйка дома, правильно?

Голос становился хриплым от жуткого волнения.

— Так и есть, Ольга Андреевна. Строгий взгляд нотариуса не отпускал.

— Как сложилась судьба у Алины Ильюшенко, муж которой не вернулся живым из Сирии?

— Снимает квартиру, растит ребёночка, она стойкая, всё вынесла, работает няней в детском саду, получает пенсию по потере кормильца. Все то вы на глазах у нас выросли, юные, красивые, а судьба у вас по-разному сложилась. Жизнь, она порой не только праздник, да вечер выпускной.

— Да. Я всё понимаю, понимаю... Хочу дарственную на неё оформить. Дом передать ей с ребёнком в равных долях.

Аромат парфюма накрыл сознание.

«-... они близко».

Рука, проведя неосознанно по лбу, смахнула капельки пота. Голос прерывался, когда просила оформить всё быстрее.

Следила непонимающими глазами жертвы, которую загоняют в угол за действиями женщины, которую действительно помню с раннего детства. Закрывая роль ставни на окнах, гася свет и вывешивая табличку за дверями с надписью «закрывать», она проворачивала ключи в замках тяжёлой металлической входной двери.

— Уж не скрываешься ли ты девонька?

— Можно и, так сказать, Надежда Ивановна.

— Вот оно как значит, задавать вопросы не буду. Пошли. Отключи телефон.

Выйдя из кабинета через внутреннюю дверь, мы миновали несколько коридоров. Тайная комната нотариуса, она хранит многое в своих сейфах за толстыми решётками на окнах под потолком. Я осматривала помещение, а по сути просто тёмный бункер в подвальном помещении, с решётками даже на стенах.

— Здесь раньше бомбоубежище было, сеть не ловит. Даша говорила о такой возможной ситуации в твоей жизни. Возьми, это она оставила именно на такой случай.

В моих руках оказался плотный конверт.

— Я не знаю подробностей и не хочу их знать, если честно. Но сейчас мне нужно в город, могу подбросить. Выйду на время, подготовлю документы. Закройся на эти засовы и не выходи, пока я тебе не разрешу.

Всё остальное было будто во сне. Мои подписи на дарственной для бедной Алинки, судьба которой когда-то потрясла меня, и перемещение в микроавтобус, ожидание в тёмном салоне с тонированными окнами. Как ловко всё было устроено: специальный выход из конторы и внутренний дворик с высоким забором. В руке сжимала ключ и письмо от Даши.

«- Затеряйся в толпе на улице, где тебе нравилось играть в парке возле детского сада, зайди в дом, ты ещё говорила, что здесь живёт волшебный целкунчик, квартира в тупике коридора на втором этаже».

Женщина, ведущая машину, не задавала вопросов, она вообще молчала, как только мы выехали на трассу, включился какой-то аппарат, его тихий звук мешал сосредоточиться.

— Как похоронили Дашу?

— Я была у стены скорби на центральном кладбище, её прах замурован, как и многие другие. Если соберёшься навестить её, сообщишь, я провожу.

— Вы были на прощании?

— Нет. Говорят, подруга с города всё оформила, знаю только, что она врач из частной клиники. Даша, наблюдалась у неё с сердцем, а вот соседка ваша Галина Ильинична она уезжала на похороны.

На этом наш разговор прервался. Шум трассы и тихая музыка в салоне. Надежда Ивановна не спрашивала, куда я теперь, и какие у меня планы, она просто ехала, будто выполняя чьё-то поручение.

Полненькая, невысокая блондинка со строгой причёской, одетая в непонятный фасон пиджака и ловкие брючки, таких миллионы вокруг. Единственный вопрос, который прозвучал с её стороны, о районе города где лучше высадить меня, а то ей ещё мусор вывезти нужно и заняться покупкой нового принтера.

Притиравшись долго, практически вплотную к такому же белому микроавтобусу на стихийной парковке возле нужного мне дома, выйдя покурить, она после отправилась в ближайший магазин оргтехники, шепнув мне, что я могу сдвинуть боковую дверь и выскользнуть позже из машины.

— Советую телефон не включать, выброси его и новый номер, пока не регистрируй на себя.

Произнесла она, взяв в руки свой гаджет и делая вид, что отвечает на звонок. Она не обернулась более, вычёркивая меня из своей жизни, как, возможно, многих других, кому решила вот также помочь.

Я же не желая ждать большего времени, практически следом за ней, покинула машину. Слыша вслед звуки сигнального устройства микроавтобуса, блокирующего двери и стук собственного сердца, надев очки и запахнув передние половинки бесформенной кофты, что обтянула выпирающий живот, делая вид, что являюсь хозяйкой совершенно другой машины, свернув в подворотню, направилась к дому. Эти несколько шагов в чужом маленьком дворике, до деревянной двери старого строения были для меня будто последними в этой жизни.

Когда я услышала первый стук, закрывающийся двери автомобиля в своём сознании? Наверное, когда ступила на деревянный пол узкого и тёмного коридора дома, что готовили под снос.

Повернулась в сторону закрывающейся за мной двери, которая будто отрезала остриём клинка всю жизнь, что была до этого момента, оставляя её там в другой действительности. Внушительный крик, который нужно было набросить на вбитый и согнутый гвоздь в стене, отчего-то немного успокоил нервы.

Не сомневаясь уже более, слыша перестук тысячи закрывающихся дверей машин, одновременно донёсшихся будто в ночном сне; понимала, что возврата к прошлому нет. Я его перечеркнула своими действиями в последние дни.

Жалость к себе и к безмятежности прошлого скользнула в сознании.

«...как легко всё сломать и разрушить, уничтожит иллюзию счастья всегда просто, а что дальше?»

Стук, непреклонный и напористый, он словно никогда не должен был утихнуть.

«...они близко, свора...».

Осторожно поднималась по лестнице, деревянные ступени которой были немного разными по размеру и по высоте, потёртые и давно уже не знавшие краски, они удивительным образом хорошо сохранились. Поняв это, взметнулась неуловимой тенью выше. Бежала по коридору второго этажа, слыша вслед голоса. Они торопили. А один очень настойчиво звал, заставляя вернуть то, что несла на себе. Обзывая и проклиная последними словами.

Ключ в дрожащей, непослушной руке был словно заговорённым, он не хотел проворачиваться, заедая непонятным образом в той части замка, куда проникла древесина.

— Да что же это.

Мне показалось, или входную дверь попытались открыть? Верно это всё от страха. Потные ладони и желание закричать от бессилия. Крючок, а вернее, крюк, он был таким надёжным.

«...не посмеют при свете дня, а что потом?»

«...не знаю, не знаю...».

Долгожданный поворот ключа и, приоткрывая дверь, я натываюсь взглядом на старое трюмо в узком коридоре с низенькой тумбочкой; лак красного дерева, обшарпанный и сломанные ручки на провисших дверях. Пыльное зеркало с разводами сажи отразило дикие глаза и уставшее, взволнованное лицо худенькой брюнетки, за спиной которой виднелся длинный, тёмный коридор и открытая входная дверь в квартиру.

Глава 5

Её было необходимо немедленно закрыть. Я проворачивала ключ и задвигала тонкий металл засова, надеясь на чудо. И понимала, что такового не может со мной произойти.

«-... голод выведет меня на улицу и тогда... начнётся охота, они все это понимают».

Охота уже началась; в тот самый момент, когда Он понял, что его надежда на моё углубленное увлечение живописью, которое перечеркнуло интерес к пейзажной фотосъёмке, была ошибочна. Я уже почти как год не прикасалась к фотоаппарату, перегорев в тот самый момент, когда поняла, что выставка не состоится.

Спрятав похищенные ценности в подобие объектива, Георг действовал наверняка. Он всегда контролировал все наши поездки за город.

Напряжённно натыкалась взглядом на грязные окна без штор, к которым не решалась подойти, подоконники широкие, деревянные, когда-то белые, а сейчас..., со следами коцок и царапин от каких-то острых предметов.

Под ногами скрипнула половица, заставив плотнее прижать к себе сумку-рюкзак, что свисала с одного плеча, и ещё раз осмотреться. Комната, в которую попала, наверное, я впервые после долгих месяцев, а возможно и лет её одиночества, выглядела заброшенной.

Хотя не исключена возможность, что в доме на первом этаже могли ночевать бездомные.

Окна, как я уже говорила, были затянуты пылью и разводами, а деревянные полы покрыты глубокими сколами, вмятинами и многими слоями краски, они словно хранили тайны прошлого, повествуя о стоящей когда-то здесь мебели.

Обои, выцвели и стали однотонно рыжими, неопределёнными, с завихрениями возле старинных деревянных плинтусов, выкрашенных очень толстым, густым слоем всё той же краски. Следы подтёков на стенах с потолка говорили о том, что крыша в ливни протекает и весьма сильно.

Вот тебе и «гостиная», взор направился к дальнему углу, где стояла огромная печь. Изогнутые конструкции каменного строения притаились в тени, словно ожидая своего безусловного оживления. Было понятно, что это древние отопительное приспособление является своеобразной стенкой, разделяющей пространство большой комнаты на две разные плоскости.

А далее небольшая, тёмная кладовая таилась в тени, словно изгой в мире ржаво-коричневых, выгоревших от времени красок. Изнутри можно было запереть её на очередную щеколду. Медленно отодвинула мешковину занавеси, и взгляд остановился на крошечном узком окне, выкрашенном тёмно-синей краской, через которое только немного света проникало в эту тайну.

Туманом безысходности, бередило сознание. Осторожно закрыв за собой дверь кладовой, вошла в уютный сумрак; исследуя дальше это пространство слышала неистовый стук своего сердца. Он будто звучал в унисон с шелестом шин по трассе, нёсся куда-то вдаль. Нагоняя, а потом и вовсе опережая множество машин.

Вот что чувствует загнанный охотой зверь, понимая, что ему нет спасения.

Заметив за печкой лестницу с изумлением, понимала, что ведёт она на чердак.

«-...это тупик».

«-... но куда-то же он ведёт. Как? Когда вся моя жизнь зашла в такой вот тупик, из которого, кажется, вовсе нет выхода? Как я посмела забрать у мужа, то что, наверное, является причиной его теперешнего положения? Как он додумался спрятать это в мои вещи, подставляя меня тем самым. Как нужно было поступить? Зная обо всём? Откуда у него эти предметы старинны?»

«-...разве, может, тупик вести куда-то?»

«...в данном случае это вовсе не тупик, а просто очередные ступени, ведь не зря же Даша привела меня сюда».

В какой-то момент захотелось просто выйти на улицу и уехать в дом, в котором провела детство. Если бы не это СМС с угрозой.

Стараясь занять себя делом и избавиться от докучливых голосов в сознании, надеясь, что из чердака смогу попасть, возможно, в другой дом, стоящий рядом, встав на лесенку упёрлась руками в потолок и открыла лаз. Забираясь на чердак, понимала, что руки порой сметают вместе с пылью кучу паутины и ещё чего-то мягкого, и отвратительно противного на ощупь. Теряла связь с действительностью, пытаясь затянуть лестницу на чердак. Приставленная к стене, она совсем неосновательно крепилась к полу.

Нет. Тщетно.

Закрыв лаз и завалив его хламом, оглядевшись, не увидела ничего нового. Запустение. Всюду.

Старалась бесшумно найти какое-нибудь уютное местечко, гнездо для уставшей перелётной птицы. Практически на цыпочках, боясь потревожить что-то из нагромождений, из старых детских санок и ржавых лопат с пластиковыми грязными вёдрами, продвигалась вперёд.

Голоса с улицы, они проникали сквозь расстояние, пересекали обветшавшее покрытие кровли и наполняли душу отголосками чужой жизни. Город — его эхо бесконечных разговоров и спешки долетали единым фоном. Догадаться а возможно и, разглядеть, что происходит там, за периметром происходящего со мной, можно было лишь взглядом воображения.

В каждом шаге прослеживался налёт времени, а шуршание мусора под ногами напоминало о том, что нужно вести себя как можно тише. Понимала, что самый старый хлам, принадлежащий когда-то жильцам этого дома, в большинстве случаев не доезжал до помойки и самым что ни на есть фантастическим образом просто-напросто оказывался на обширном пространстве этого чердака.

Заприметив нечто, что раньше было возможно лавкой, оббитой дерматином, я решила устроиться на какое-то время. Она стояла практически в самом тёмном месте, в углу, что образовывался скатом крыши и перекрытием второго этажа.

Мне нужно понять, куда я себя загнала и как мне выбраться из этого тупика. Прежде всего хотелось найти способ добраться до железнодорожного вокзала. Но кто-то шептал мне, что уже поздно; вокзалы и аэропорт отслеживаются. Попутки. Но как без связи можно выйти на человека, который едет в нужном направлении?

Надкусив батончик и сделав глоток воды из маленькой бутылочки, осматривалась, наблюдая за мягким светом, скользившим из оконца, что расположилось под самым верхом двухскатной крыши, оно было в самом конце длинного помещения, и такого освещения было недостаточно, чтобы рассмотреть полностью все мелочи вокруг. Находясь в каком-то загнанном состоянии, терялась в догадках, о чём думала Даша, когда писала мне своё послание.

— ...нельзя мне на вокзал, и в люди пока нельзя, ничего нельзя, — шептала, крутя в руках начатую бутылочку воды.

Страх парализовал волю, нагромождая события, которые должны были произойти.

Хотелось хоть одним глазком посмотреть, что там на улице. Взгляд настороженно отслеживал направление солнечного потока в сумеречной действительности чердака.

Полотно старой картины, я его заметила не сразу. А заметив нечто интересное — тёмный рисунок толстого багета от картины из-под бесчисленных слоёв грязи и завалов, не могла устоять перед искушением. Поднявшись с насиженного места, осторожно подошла ближе, сдвигая старую школьную парту и стул на ней, что стояли на пути.

Стирала пыль не менее грязной ветошью, раскрывала образ — полотно старой картины, забытой здесь или просто брошенный в угоду новым веяниям в искусстве.

Воссоздавая взглядом прошедшие времена, оказалась в старой Москве, где улицы поражали фасадами старинных зданий и экипажами с запряжёнными в них вороными конями, лоснящимися, как атлас, в упряжи, украшенной будто драгоценным серебром; кучера этих экипажей были одеты шеголевато, и своим ездокам они предлагали тёплые шкуры животных, чтобы те могли в них укутаться в пути.

Узкие переулки пронизывались запахами пряностей и свежим ароматом выпечки. Вдалеке за нежным белеющим от снега покрывалом парков, величественно вздымался Кремль своими башнями, словно охраняя прошлые тайны и события.

«...навверняка она была великолепна в своём первоизданном виде».

Освободив уголок справа на холсте, стирая пыль и слой непонятного налёта, напоминающего сажу, посмотрела на дату — одна тысяча восемьсот десятый год. Какая древность. Забыв обо всём на свете старательно оттирала холст. Не замечая вовсе, как першит в горле от пыли, желала рассмотреть всё подробно, прокручивая в голове возможность снять полотно, освободить его от рамы и скатав в тубу забрать с собой.

Фигурки дам и сопровождающие их кавалеры, морозный солнечный день и какая-то особая, неповторимая атмосфера той Москвы, которая была в старину. Тёплые тона картины делали прошлое живым и реальным. Это было будто путешествие во времени, слышались звуки лошадиных копыт по камням мостовой, ощущались потоки исторических событий.

Гармонию нарушил звук на первом этаже.

Какая слышимость в доме!

Кто-то пытался открыть входную дверь.

Задохнувшись от тревожных ощущений, стояла, потеряв себя. Понимала, что это конец. Кто бы там ни был, даже если это просто бродяги.

«... мамочка, помоги».

Закрыв глаза, как в детстве, будто это могло меня укрыть от всего мира, слышала шаги. Кто-то шарил по первому этажу. Как было бы хорошо очутится сейчас где-нибудь очень далеко, покинув этот мир навсегда, забыть о преследователях и предательстве мужа.

«... Матерь Божья, помоги и сохрани, дай возможность избежать гибели и насилия, Господи, помилуй меня».

Ощувив дуновение ветра и необъяснимый подъём, осознала себя другой. Необыкновенная лёгкость во всём теле, внутренний трепет сковывал пальцы, которые скользили по холсту; будто нечто необычное подступало к сознанию.

Вновь слышала звуки другой эпохи, осознавала себя в одном вздохе, невероятно медленном, который задержавшись не хотел прерываться.

Сердце забило сильнее, а мысли наполнились непостижимыми возможностями.

Освободившись от оков телесной оболочки, на какое-то мгновение словно через призму стекла видела застывшую возле картины несуразную фигуру в безразмерном виде кофты. Хотелось скорости, отдаться зову, понимая на этот раз неправильность происходящего.

«... глупая, очень юная и неправильная».

Она не слышала голоса разума, пылала от любви и не видела очевидного, такая юная частичка Вселенной, что рядом проживала в этом теле. Энергия, оказалась зачатой от насилия и отчаяния когда-то. Совершенно не плод любви, но от этого совсем не виноватая ни в чём. Как же не хотелось делить с ней ту участь, что она уготовила себе, цепляясь на ничтожное и такое малоценное по сравнению с вечностью.

Обернувшись на зов, видя уже всё вокруг по-другому, понимала: она обречена. Он найдёт её, уже нашёл. Не многое отделяло её от отчаянно — страшного..., но я-то не достанусь ему, ни в этой жизни, ни в другой.

Проклятый однажды, он не станет другим.

И всё же..., что-то удерживало от последнего мгновения.

Грязная ладошка... Её! Коснулась выступающего слегка живота, будто неосознанно стараясь уберечь невинную душу, что носила в себе, склонилось горестно лицо вниз.

Святая власть! Дитя.

Не было времени на раздумья. Вздох! Он обязательно закончится выдохом. Уходить, так всем вместе.

И оно нахлынуло! Так, уже было не раз!

Жажда полёта! И волны времени подхватили, словно неожиданный порыв ветра качнул лодку на воде, переноса её сквозь границы существующего и открывая двери в далёкое прошлое, лепестки млечного пути растаяли, чтобы явиться вновь.

Вздох! И ветер, переменчивый и такой неуправляемый, на мгновение затерявшийся где-то, перенёс Выдох ...

Наш! Это был слишком высокий аккорд.

А затем тишина.

Всё смешалось в сознании. Призрак звёздной спирали, он был рядом, дотронься только рукой. Вращаясь в одном ему понятном направлении, затягивая и в то же время давая возможность выбора, он не спешил. Наш медленный уход не нарушал баланса; вселенная не желала насилия, которое словно предначертанное кем-то уже неминуемо открывало двери старой квартирке на втором этаже заброшенного дома.

Чем он заслужил такую милость?

Эта кровь не ляжет ему в копилку. Демон, что бился сейчас в заключение, сдирая руки в кровь на камнях стен, понимал, что теряет... Была и моя вина в том, что его тянуло к нам. Он как приговорённый выискивал ту, что была предначертана ему свыше, а теряя сходил с ума от голода.

Не было больше перед взором полотна картины, исчезли запахи затхлости, потеряны звуки большого города. Страшась неизведанного, боялась открыть глаза. Выдохнув, казалось, бесконечное количество раз, качнувшись, ощутила каменную стену за спиной.

«- её же не было до этого, разве же я не на чердаке?»

И всё же, слышала далёкие звуки, будто обвалившейся черепицы на крыше старого дома, безудержно стало жаль произведения неизвестного художника, а после отключившись не осознавала уже ничего. И только чувство защищённости возникало неоткуда, стараясь заполнить опустевшие уголки души.

Глава 6

«- то, что со мною происходит, на самом деле не принадлежит мне; это не моё и осуществляется не со мной».

Открыв глаза, я почувствовала..., не могу сказать, что именно, а вернее — ничего. Чувств не было вовсе.

Но мысли свои я отслеживала именно в таком ключе.

«-это не со мной».

Вспоминая много дней спустя это состояние, я чётко могла представить себе, что переносит человек во время клинической смерти и после, когда приходит в себя.

Полумрак, и воздух вокруг наполнен *немой тишиной*. Взгляд скользит по незнакомому помещению без всякого желания запомнить что-то или понять. Просто скользит, просто очередная попытка включить сознание. Увы, она увенчалась провалом.

«-...немая тишина, какой абсурд. Ведь тишина, она и так по сути своей мм-м, немногословна».

Шаги и тихий шелест, будто сухой листвы на полу. Звук открываемой двери. Не скрип. Нет. Дверь старались открыть как можно тише, но её явно открыли. И вновь шаги.

И вот. Бессмысленный взор зацепился за силуэт женщины, медленно приближающийся в *немой тишине*.

Далась мне эта немота и тишина тоже.

Я даже не могу себя вспомнить полностью. С трудом понимаю, что лежу обессиленная на широких досках пола, но при этом рассуждаю о природе тишины. Поистине, мысль — это нечто иное, нежели сам человек. Самостоятельная энергия, рвущаяся на волю как птица.

В странной, бесформенной одежде, словно женщина только что вышла из прошлого, она двигалась в мою сторону, и шелестела юбкой. Её глаза с настойчивостью, воистину безумной пытаются разглядеть моё лицо. В вытянутой руке замерла масляная лампа. Женщина сжимает её с такой силой, словно вся судьба отныне зависит от этого маленького источника света.

Пламя.

Только его я осознаю в полной мере. А ещё лицо, что склонилось надо мной.

— Даша?

Огонь качнулся.

— Это хорошо, что ты пришла ко мне. Призраки, они молча приходят и уходят с первыми лучами солнца. А вот страхи..., они, остаются. Ты не страх. Посиди со мной, пока не рассветёт. Ты —призрак. После мне придётся проститься с тобой. А сейчас просто помолчим.

— Оля, почему нам придётся расстаться? Сейчас вторая половина дня, а вовсе не ночь, просто в зале плотные портьеры.

— За мной придут, этот стук дверей от машин и шорох шин по трассе. Поздно уже что-то менять. Я подвела тебя. Прости. Не смогла быть счастливой, как ты хотела. Помолчим?

Усевшись рядом на пол, Даша провела своей рукой по моим волосам.

— Остригла. Что же мы с этим будем делать?

Вздыхнув и осознавая неправильность поведения призрака, который просто обязан молчать, пыталась открыть ему истину.

— Это такие мелочи по сравнению с тем, что я наделала, Дашенька.

— Ты всё мне расскажешь, голубка моя. Позже. Сейчас тебе просто необходимо пройти за мной. Собери себя, все осколки, на которые ты рассыпалась, собери их и начни всё по-новому.

Не могла понять, что должна начать по-новому...

Я ощущала её руку на своей голове и шептала о том, что она мертва и я не могу чувствовать её тепло, потому как призраки, они на то и призраки, что не имеют права быть вновь живыми.

И это было ключевое слово, хотя нет мысль! Мысль, она всегда была первична.

— Ты жива?

Сев и покачнувшись, а, после вцепившись рукой в подставленное плечо, я смотрела на огонь в лампе, что сиротливо стояла на полу. Мистика. Пламя отчего-то завораживало, будто видела я его в первый раз. Внимание перешло на длинную, непонятного цвета юбку женщины, что сидела рядом. На её согнутые колени, обтянутые тканью. Всё остальное терялось как-то и только лицо с родными глазами было очень близко.

— А я?

— И ты. Жива.

— Ты нашла меня. Этот чердак, он соединён с другим домом? Нам нужно срочно скрыться. Даша, нас убьют, я перешла черту, я сотворила нечто недозволенное.

Что-то не срашивалось в мозгу. От этого было больно.

Заметив мраморного мальчика в углу на высокой подставке под цветком с огромными мясистыми листьями, я с ужасом вперилась взглядом в его мёртвые глаза и жуткую улыбку. Его согнутая ручка и ладошка с согнутыми пальчиками, он будто просил подаяния...

— Но ведь тебя похоронили! Мы на кладбище?

— Так бывает, Оленька давай мы действительно пройдем в мои комнаты. Попытайся встать.

«- кто эта женщина, и почему она появилась в самый неожиданный момент»?

— Так не бывает, уйди..., уй-днии.

Я шептала, смотря ей в глаза приближая своё лицо.

— Ты сон, что снится мне перед каждой встречей с мужем. Ты мой бред, личный глюк. Уйди...

— Оля!

— Уйди, уйди. Так не бывает!

Я отстраняла её и откидывала руки, что пытались помочь мне. Шептала этот бред, который мне таковым не казался. В какой-то момент мою щеку обожгла её ладонь.

— Я жду. Ещё одно слово этим жутким твоим шепотом, и я вновь ударю.

Я ощутила наконец-то: себя, щека горела. Рука неосознанно прижалась к больному месту.

— Не посмеешь, ты слишком любишь меня.

— Господи прости, как же ты могла растерять все свои мозги в браке с этим чудовищем. Это был, быть может, тот самый момент, когда я наконец-то поняла, что передо мною живой человек.

— Даша? Это Ты?

— Да, я. Живая. И ты тоже, в полном здравии. Пошли.

Меня дёрнули за руку.

— Куда?

— Тихо, бабушку разбудишь.

Всё остальное я помню с трудом. Длинный, но не узкий коридор и до удивления неудобная лестница, скрип полов и аромат яблок.

— Яблоки, так пахнет вкусно. Даша, пошли на кухню, мне кажется, я не ела целую вечность.

— У меня есть пирог и молоко дневной дойки, но вначале ты переоденешься.

Слушаться вовсе не хотелось, оттого что жизненно необходимо было положить что-то в пустой желудок. Но дверь скоро отворилась и комната, будто затерянная во времени, предстала перед нами.

Уютный и изысканный интерьер, наполненный драгоценными антикварными предметами и нежностью прошлого. Стены, покрытые однотонными ткаными обоями в мягких пастельных тонах; сохраняя свою простоту, комната будто окутана интригующей аурой.

— Мы в музее?

Взгляд упирается в большое окно, позволяющее вечерним солнечным лучам, проникать в неё. Мне всё больше нравятся изящные занавески из благородных тканей. Они плавно падают на пол. Кружевные скатерти и полные цветочные вазы, что своим присутствием создают ненавязчивую атмосферу. Диван украшает центр комнаты, в сопровождении пары кресел, расставленных по бокам от него и маленького чайного столика.

Оббитая слегка потёртой, но очень дорогой тканью с вышитыми когда-то золотыми нитями зона отдыха приглашает устать от дел и погрузиться в мир грёз.

Кресла, опирающиеся на изысканно вырезанные ножки, создают ощущение необыкновенной роскоши. Не спорю, всё выглядит слегка не новым, особенно ковёр на полу, но это же музейная редкость, всё оно должно и быть таким. Зеркало в удивительной оправе, установленное на стене, придаёт комнате особую глубину и уникальность. Подсвечники, расставленные с обеих сторон, зажжённые Дашей свечи, создают игру света. Отражаясь в зеркале, они распространяют тёплое и приглушённое освещение по всей комнате.

— Даша мы куда с тобой пришли? Мы где?

— Дома Ольга Андреевна, мы дома. Спальня не так красива пройдёмте.

Боясь присесть в кресло, ожидая прихода музейного сотрудника, хлопая глазами, сделала шаг вслед за Дарьей.

— Отчего мы перешли на «Вы»? Ты злишься?

— Мне нужно много тебе рассказать.

Пройдя в другую комнату, поняла, что это спальня. Всё было намного скромнее. Кровать с красивым изголовьем стояла в углу; резьба по дереву в стиле барокко украшала этот единственный в своём роде предмет мебели в комнате.

Вышитые гладью наволочки подушек, покрывало в тон ткани, что закреплена была на ширме. Белёные стены и имитация камина из лепнины. В этой комнате удивительно чувствовалось пространство высоких потолков. Занавески на окнах из белого льна, старенькие, но очень чистые. И от этого будто подчёркивающие скромность всего убранства. Икона на каминной доске.

— Встань за ширму и снимай одежду, в которую ты сейчас одета, от неё нужно избавиться. Давай вначале ты примешь должный вид, а после я тебя покормлю и поведаю быть может совсем немного, а далее большее и верно покажу действительность. Ведь глазам ты больше поверишь. А после, познакомлю с бабушкой.

Я верила и не верила в твой приход, ждала. И всё же нам пора собираться в дорогу, остался совсем небольшой период времени; и я право не знаю, с чего начать рассказ. Не такой я представляла нашу встречу.

Абсолютно ничего не понимая я пыталась втиснуться в платье, что Даша мне передала. За ширмой было тесно. Не совсем ещё в себе и не зная, что с этим делать вышла в центр комнаты.

— Будто мало оно, в груди. Чьё оно? Мне бы душ принять.

— Только твоё, я сшила его из ткани, что лежала в шкафу на антресолях. Ты поправились?

Совершенно не стесняясь её, я сняла джинсы и осталась в лифчике, бандаже и трусиках.

— Святые мученики, да ты в положении. От кого?

- От Георга.
- Он же на зоне.
- Так бывает..., знаешь ли.
- Знаю. Как же это всё в корне меняет.
- Даша, ты объяснишь мне хоть, что-то?

Я стояла перед ней, наверное, очень жалкая. Чувствуя себя от чего-то виноватой, что ношу ребёнка. Под её суровым взглядом старалась закрыться ладонями. Раздетая с потерян-ным взглядом, босиком на вытертом паркете. Она же, подойдя ко мне удивлённо взяла в руки кулон, что лежал в ложбинке между грудей. Бросила взгляд на серьги.

— Откуда? Георг подарил?

Кивнув в согласии, я приняла затем от неё другое платье. Она достала его из сундука, что стоял возле окна.

— Ты верно злишься на меня? Но если ждала, то почему? Мне, наверное, лучше уехать. Вызови такси, пожалуйста. Мой телефон... мне пришлось его «забыть».

— Забыть? Пришлось?

— В поезде. Как сказала твой знакомый нотариус — я точно в бегах.

Прищуриив глаза, спрятав их суровое выражение за длинными ресницами и поджав губы, застёгивая мелкие пуговички моего тёмного платья, поправляя что-то на спине и затягивая шнурок, что пролегал в тонкой кулиске под грудью она молча ваяла из меня Наташу Ростову. Следом терпеливо собирала мне волосы в пучок на макушке, а затем крепила накладные кудри и тёмный кружевной чепец.

— Гель — лак на ногтях есть?

— Нет, убрала, как только узнала про беременность.

— Пошли поешь, — и снова взгляд, полный чего-то непонятного. Раздумья и неприятия.

Или я ошибаюсь?

Я что-то хотела ответить, встать с табурета, но не смогла...

Рыдания, они подступили и не хотели отпускать. Всё пережитое нахлынуло враз, руки и ноги сотрясала мелкая дрожь.

— Не пойму, не пойму, что..., что не так? Ты умерла или нет? Кто ты? И кто я? Почему..., почему мы здесь?

Я не помнила уже себя, рыдая и заикаясь, как в детстве, после смерти родителей, закрывала лицо руками. Нервное напряжение пронизывающее каждую частицу тела, искало выход; истерика, я не могла её остановить.

Смех, я пыталась сказать, что смешное, чтобы успокоиться, но он переходил в глухие неконтролируемые рыдания, и они походили на рычание отчаявшегося зверя. Сбрасывая объ-ятия Даши, уже не верила ни во что хорошее. Еле разборчиво, шептала о такси, желая немед-ленно покинуть это место.

Хаос эмоций и, в конце концов, звуки моего голоса, они были столь пронзительны, что я ощущала, будто мой разум уже навсегда сошёл с ума.

- Daria, qu'est-ce que cela signifie? (*фр. Дариа', что сие значит?*)

Этот властный голос наверно мог остановить даже войско Александра Македонского. Моя истерика накрылась чем-то неосязаемым, но очень плотным и непоколебимым.

Расширенными глазами я наблюдала за уверенностью и ещё чем-то неведомым, что исхо-дило от пожилой женщины, которая, гордо неся голову, вошла в комнату.

Глава 7

— Почему от меня скрыли приезд внучки Ольги? Отчего эти слёзы? Вы опять повздорили? Сколько раз повторять княжна Соколинская вы старше и должны уметь улаживать конфликты.

Задыхаясь с оторопью, смотрела на Дашу. Внешняя сторона ладони, всё ещё дрожащая от эмоционального напряжения, быстро утирала слёзы. Собирая себя, свою волю в тугой узел, пытаясь отпустить первые впечатления и стресс от пережитого, попыталась улыбнуться.

— Александра Васильевна, но что вы право. Я вам несколько дней назад говорила, что Оленька приехала и надо бы в Муром собираться, того и гляди французы военные действия начнут.

В моей руке оказался маленький лоскуток платочка.

Мысленно ругала свою склонность к эмоциональным проявлениям, которая только усилилось от моего деликатного положения. Как сейчас, когда самопроизвольно слёзы наливали глаза и искрились непередаваемой болью. Даша, напротив, всегда контролировала ситуацию, не демонстрируя своих внутренних переживаний. Появившаяся женщина была права, Даша умела улаживать конфликты. Главное, что и сейчас она рядом, когда столько вопросов роют гнездышки в сознании.

— Кузине было нехорошо после долгой дороги, и она с момента приезда не покидала свои покои. Слегла наша Оленька, но слава всевышнему всё позади.

Её голос был бальзамом для меня.

— Не бывать французу в России! Вечно вы Дарья Алексеевна склонны к преувеличению.

Тишина, она была осязаема; подними ладонь, и её можно было коснуться пальцами. А после громкого и категоричного высказывания, прозвучавшего недавно, в особой мере. Взгляд пожилой женщины, что сканировал меня; он подмечал всё. Не понимая, почему, присев в реверансе прошептала.

— Добрый день, бабушка.

Это вышло как-то коряво и неуклюже.

— Чему тебя в твоей Европе учили? Что дамы в Муроме скажут?

— До того ли сейчас, Александра Васильевна. Оленька вон настрадалась, пока доехала, да и супруг её сгинул, флот Великобритании, сколько судов потерял в войне с Наполеоном. У девочки то ли траур, то ли нет, муж в списках без вести пропавших числится, не до реверансов ей пока.

Пожилая женщина хмуро разглядывала нас.

— А я думаю к чему эти тёмные тона в одеждах. Они вовсе не к лицу тебе, дорогая. Как ты похожа на свою матушку Оленька, помню тебя совсем малюткой. Что это вы горой друг за другом стоите? Не то что раньше...

Я не знала, что отвечать. Что вообще делать в этой ситуации. Выручало только то, что пожилая дама, заметно, видимо, устав, развернувшись медленно прошла к уютному дивану в той комнате, которая примыкала к спальне Даши.

— Оля, твой супруг, что он тебя оставил, кроме своего честного имени и геройского прошлого?

— Александра Васильевна, наша Оля — леди Майерс, из Монкстауна, графства Дублин, что в Ирландии. Она баронесса и, конечно же, по окончании войны восстановит все свои права, если не объявится основной наследник. Кроме нас родных у неё нет, мы не можем не поддержать её в эти тяжёлые времена.

Женщина, хмуря брови, засыпала, её голова тяжелела. Подойдя ближе, я вдруг неосознанно погладила её по морщинистой руке, что легла на подлокотник дивана. Удивительно

иметь родную бабушку, я не знала таковой там, в будущем. Удивительно после жуткого нервного напряжения, которое меня накрыло в нотариальной конторе оказаться в таком тихом и уютном уголке.

Её глаза открылись, и взгляд стал удивительно ясным. Мне казалось она следила за мной, стараясь запомнить навсегда. Эти глаза, они были очень молоды, будто отражали состояние души. Взяв подушечку с дивана, Даша подложила её под голову дремавшей женщины, пледом мы укрыли её ноги.

Закрыв беззвучно двери малой гостиной и спустившись на кухню, в тишине накрыли на стол. Я внимательно наблюдала за быстрыми движениями Даши, она словно порхала от печи к столу.

— Не смотри так, мы бедны и это понятно по многим признакам. Прислуги нет, электричества, как ты понимаешь тоже. Много по дому делаю сама. Комнат в доме много, но мы их закрыли как нежилые. Бабушку заверила, что все уехали готовить дом в Муроме к нашему приезду. И я не знаю, как довести её, дорога дальняя; но и оставлять в имении под Москвой очень опасно.

— Она действительно наша бабушка?

— Далёкая пра..., урождённая княжна Полячек Александра Васильевна. Ещё Иван Грозный учредил этот угасающий ныне род, и она последняя его представительница.

— Как ты её нашла? Откуда привезла? Почему она такая странная?

— Ты ешь, тебе нельзя голодать. Молоко свежее, Лукерья недавно принесла. У нас одиннадцать душ крепостных, не думай плохого, но этого ничтожно мало. Придётся оставить деревеньку и усадьбу на разорение мародёрам и забрать всех с собой. Не переживай, дом в котором мы сейчас находимся, пустует, все в поле на уборке урожая и твоё появление не покажется людям странным, я действительно недавно только вернулась из Первопрестольной. Как только похолодает, и по утрам пойдёт холодный пар при дыхании..., так и есть в конце сентября, или к началу октября, отправимся в Муром.

Бабушка непонятная? Есть такое, хорошо, если она вспомнит, что произошло недавно у меня в спальне, когда проснётся. Она- то меня помнит только из-за того, что я по легенде единственная дочь старшего сына её мужа от первого брака.

Она изначально на дух меня не переносила.

А всё твержу война да война, француз стягивает войска к границе, мы не можем оставить друг друга в беде, вдруг Оленька приедет.

— Даша, как мы сюда попали? Зачем?

— Всё Георг, его вина будет, если сгинем в этой глухомани. В Питере я его с бывшей женой застала, помнишь, летала туда в клинику? По вопросам операции на сердце консультировалась. В торговом центре возле метро встретила его с семьёй. Ребёнку — девочке года три, наверное, было тогда. Лицо его помню до сих пор. Зверь в обличии человека. Виду не подал, что мы знакомы.

Но только после, уже дома он вдруг разговор затеял, о том, что если кто-то слишком многое узнал, то ему лучше помалкивать, а то ведь недолго таким образом и предков своих повстречать.

И знаешь, будто мы поняли друг друга и договорились. Но только глаза его о другом говорили.

Чужие стали появляться в посёлке, и как-то мне показалось, я Ларку видела мельком. Очевидно, я вовремя успела с переходом. Она осторожна замолчала, погружаясь в меня взором.

— Ты ведь понимаешь о чём я?

— Да. А если точнее, то не очень. То состояние, это не обморок? Ты называешь это переход? Не моё сумасшествие? Это поэтому мы в древности оказались?

— Ты совсем юная, и это с тобой впервые, но та другая в тебе, она уже много перерождений не чужая мне.

Запутавшись окончательно, я ословело сыто смотрела на губы говорящей Даши. Молоко в кружке было просто бальзамом.

— Ты ешь, ешь. На вечер тыквенную кашу приготовим.

— Давай заберём бабушку и «уйдём» в другое время, без войны.

— Не время, наше место здесь. Я высчитывала. Отчего ты была в бегах и сказала об этом Надежде Ивановне?

Мой дальнейший рассказ потряс её.

— Вот гад. Значит, этот кулон с гербом старинного рода?

— Он не дарил мне его, только серьги. А кулон я просто нашла и не захотела возвращать обратно. Только до сих пор не пойму, правильно ли сделала. Чем или кем я была тогда? Начался действительно бег и сущее безумие, а ещё жуткое напряжение, я просто физически ощущала, что времени у меня совсем мало. Мне кажется, я не должна была доехать до нашего посёлка. Машина..., мастер говорил, говорил о ней. И смотрел испытующе. Про масло и ещё о чём-то, а затем вновь про тормоза. Ещё немного и, мне кажется, он смог бы произнести, что тормозной шланг специально подрезали.

Я смотрела на кувшин с молоком и глиняную кружку, крошила пальцами маленький кусочек шарлотки в блюдечко. Только сейчас осознавая, что пережила.

— Тот чердак, зачем ты передала мне ключ от старой квартиры в доме, что должен пойти под снос? Путь в никуда. Страшно осознавать себя отрезанной от всего мира и запертой вместе с выброшенным за ненадобностью хламом.

— Я знала, что ты найдёшь картину, они притягивают тебя, творческую и живущую только восприятием прекрасного. Ну а после, в случае опасности, ты должна была найти меня в океане миров и параллелей. Мы всегда были рядом..., это старо как сама легенда о покинутом мире. Мы помним сюжеты из своих прошлых воплощений.

— Сны, мне постоянно снятся сны. Даша, это кошмары.

— О прежних жизнях?

— Только об одной, в которой у меня до последней капли выпивает кровь и энергию какой-то безумец.

— Теперь не будут сниться. И ты скоро про них забудешь. Но как только ты вновь встретишь проклятую тобой когда-то душу, они придут в твоё сознание вновь. Не спеши в этой жизни выходить замуж, не спеши отдавать своё сердце и часть души кому-либо. Если его сердце трепетно полюбит тебя, то ты не поймёшь сразу, что за сущность перед тобой. Нужно время. Но не строй иллюзий, он обманет и будет больно вновь. Так было всегда.

— Георг, он будет и в этом времени?

— Надеюсь, что нет.

Как быстро стемнело. Одно из главных достоинств заката — его спокойствие и загадочность. Кажется, что время замедляется, а окружающий мир замирает в предвкушении нечто большего и неизведанного. С каждой минутой граница между реальностью и мечтой становится всё тоньше, притягивая нас в мир сновидений.

— Здесь будет твоя спальня. Она похожа на мою.

— Эту ночь буду с тобой. Хорошо?

— Оля, в этом доме тебе нечего бояться, дверь заперта, во дворе приказчик Сергей Фомич вон ходит, вернулся с поля. Шорох, из будки глазами сверкает, он не подпустит чужого, его спускают с цепи на ночь.

— Я понимаю, и всё же давай ещё немного побудем вместе, пойдём в твою спальню. Расскажи, как ты высчитала наше прибытие сюда, как этим управлять? А если появятся настоя-

щая миледи Майерс, из Монкстауна, она же баронесса Ольга Андреевна, у которой муж погиб в сражениях с французами и княжна Соколинская Дарья Александровна — дочь отставного гвардии капитана князя Александра Степановича и княгини Веры Ивановны? Что мы будем делать в этой ужасной ситуации?

Улыбнувшись Даша, понимая мой хитрый манёвр, видя, как я снимаю домашнее платье, а затем за ширмой одеваю ночную рубашку, начала разговор с того, что посоветовала снять мне бандаж с живота.

— Ни к чему он тебе сейчас. Ребёнок ещё совсем кроха, величиной с фасольку. Не будет растяжек, я научу, что делать. Снимай, пусть тело отдыхает.

— Даша...

Выйдя из-за ширмы подойдя к ней совсем близко ещё раз, тронула её за руку. Я опять была настороженной, в глазах плескался страх и надежда одновременно. Горло сдавила будто чужая, морщинистая рука.

— Ты ведь действительно она, ты не оставишь меня одну в чужом мире? Я могу тебе довериться? Мы ведь вместе, навсегда? Ты моя Даша?

— Оля, ты о чём? Это всё заботы о хозяйстве и твоя беременность. Ты прости, я не учла твой стресс ..., прости меня, я так растерялась.

Она обнимала, целуя в висок. Её дыхание согревало.

— Я всё та же, девочка моя. Ну помнишь, как ты в детстве свою драную коленку с множеством ран, снова обожгла о горячую печь на кухне в доме и орала как дикая?

Заворожено кивала головой в полном согласии и тянула её за руку:

— Пойдём, я не всё тебе показала. Помогите мне.

Увидев же содержимое бандажа и тот факт, что срок у меня совсем ещё маленький она, онемев, завернув всё в старую наволочку, сидела на кровати.

— Ты обезумела, верно, когда сотворила такое. Тебе просто повезло, что он на зоне и что всё так сложилось, что было место где смогла укрыться.

— Нет. Я была очень уверена, что поступаю правильно, безумие пришло позже, и осознание, того, что я по сути стала воровкой. Там на чердаке, отчаяние меня просто оглушило.

— На одну эту монету можно скромно жить несколько месяцев, имея своё хозяйство как мы сейчас. А всё остальное добро, его нельзя показывать в Муроме, только в Москве возможно продать хотя бы один бриллиант, и то только тогда, когда она ещё существует в своём первоначальном виде. После пожара и нашествия французов — это будет совсем уже другой город. Про эти вещи никто не должен знать, возможно, один или два золотых с Наполеоном мы обменяем по дороге во Владимире. Будешь носить всё на себе, хорошо?

Итак, если подсчитать наскоро, французская золотая монета девятисотой пробы — наполеондор, вот эта — она равна сорока золотым франкам. Понимаешь? В ней содержания чистого золота практически девяносто процентов. В твоём обручальном кольце его меньше.

Я изумлённо слушала её, пытаюсь вникнуть в арифметику.

— Курс сейчас, примерно пять целых семь десятых, обмен нужно сделать обязательно до начала войны с Россией, сейчас Франция — супердержава, что потом будет с курсом, я не знаю. Мм — это примерно двести двадцать восемь рублей серебром нашими. Учтывая, что годовое жалование простого солдата около десяти рублей, вот и считай.

В банке хранить денежный запас семьи нельзя, ни в коем случае не бери в руки при расчётах в лавках денежные ассигнации в обмен на серебро. Они на самом деле дешевле, чем на них написано. В стране двойная денежная система.

Глава 8

Той ночью мы уснули только под утро, крепко прижавшись к друг другу. В глубине наших сердец таились надежда на лучшее. Мир замер, словно задерживая дыхание вместе со мной пока, я долго слушала шёпот Даши о наших судьбах.

— Не бойся смерти. Конец, это всегда начало чего-то нового. Мне кажется, это так волшебно начинать всё, заново не помня о прошлом.

— А мы?

- Мы другие, Оля, мы всегда будем знать истину о тех, кто нас предал. Просто, когда твоя душа как птица встрепенётся и поймёт, что пора; когда желание своим уходом причинить боль тому, кто когда-то поступил подло, будет непреодолимо; настраиваясь на *будущее*; видя это, будущее мысленно; ты должна понимать, что это будет новое время с тобой в том возрасте, в котором ты уходишь, и оно совсем для тебя будет неизведанное.

Представь свою бабушку Алекс в нашем двадцать первом веке. Адаптироваться будет очень сложно. Вклиниться же в энергетические потоки Вселенной будет ещё сложнее, обычно эти души после часто болеют. Но отчего-то у них нет выбора, и они уходят туда, где им кажется, что лучше.

Всё проще с прошлым, мы знаем его историю. Причина в том, что когда мы скользим в него, то как бы отгоняем время вспять в отношении себя для миллиардов граней Вселенной, то есть возвращаемся в то её состояние, в котором она каким-то невероятным образом может дублировать реальности, оставляя при этом причинно-следственные связи тех или иных событий и различая эти ветки по разным случайностям.

Например, твой супруг из этого времени, лорд Ричард Майерс, отправившись в сражение, предположительно затонул на военном судне Объединённого Королевства. Пред нами причинно-следственная связь: грубо говоря, отправился в сражение — погиб. Не отправился, не погиб бы.

А случайность — это затонул он или всё же нет. Вот именно такие случайности отличают одну ветку реальности от другой. Получается, чем больше случайностей, тем больше отличий. И вот именно эта параллель приняла нас, так как вероятно в связи с какими-то случайностями в этом мире мы смогли заменить наших двойников. В этом и есть суть параллельных миров — реальностей Вселенной: каждый раз реализуется новая ветка событийности.

Понимаешь, это ещё круче, чем *«эффект бабочки»*, сам факт нашего перемещения в прошлое уже вносит изменение в него, обеспечивая другое будущее.

— То есть своим перемещением мы как бы открыли новую ветвь событий?

— Так и есть душа моя, так и есть. Но об этом знаем только мы. Вроде как сторонние наблюдатели, но никак ни те, кто находится внутри всей этой системы. Как ни странно, приживаясь, мы тоже становимся частью этой системы и перестаём быть наблюдателями. Это становление, очень сложная часть нашего бытия.

— Так мой супруг, лорд Майерс жив или нет?

— В письмах, что получила твоя бабушка от тебя же, он значится без вести пропавшим.

— Если я ей писала, то где я та, что писала? Осталась в другой параллели?

— Осталась, давай спать.

— А Георг?

- Георг, сполна познает боль утраты как своих *«сокровищ»*, так и тебя лично. Ты будешь значиться в списках без вести пропавших людей, а он будет искать, не находя покоя, будет узнавать от врача в женской консультации предположительный день появления своего ребёнка на свет и вновь будет искать, делая запросы во всевозможные инстанции. Но это не должно тебя волновать, так как выбора, думаю, у нас не было. Принесся в дом то, что ты нашла в «объективе»

Георг уже на тот момент подставил тебя под удар судьбы, наверное, сейчас уже сильно жалея об этом.

Весь последующий месяц мы отдались в полной мере деревенской жизни начала девятнадцатого столетия.

Что же касалось меня, то рано просыпаясь и любясь из окна комнаты на открывающийся вид нашего практически уже убранного поля и сада, наконец осознавала произошедшее со мной.

Оно приходило словно толчками, ясными, как солнечные лучи. Раз! И в этот момент я здесь и сейчас. Будто проснулась. Но я и не спала. Просто яснее стала видеть и понимать действительность именно в эту долю секунды.

Возрождение.

Это были короткие моменты. Именно в эти минуты я была предоставлена сама себе. Наблюдая за крестьянами, которые уже заканчивали убирать остатки урожая картофеля и других овощей я могла уже различать их, вспоминая имена.

И вновь!

Осознание. Вот она я и мир вокруг.

А далее я спешила в душевую комнату, что располагалась возле кухни. И совсем по-новому уже смотрела на лестницу, подмечая всевозможные мелочи.

Приводила себя в порядок, рассматривая в зеркало, будто незнакомку. Черты лица стали острее, взгляд... изменился.

Жданка помогала мне как могла, боясь сказать что-нибудь не так. Девчушка лет десяти была в статусе крепостной, но, наверное, не осознавала ещё всего ужаса своего положения. А, возможно, просто не понимала, что может быть и по-другому.

Тёплая вода лилась из бочки, закреплённой под потолком, она была всегда тёплой потому как её расход восполнялся из большого чана, закреплённого над печью. Брусок мыла с изображением герба города, где его изготовили, благоухал запахом ромашки. Даша просила быть с ним экономней.

Перекусив, практически на ходу, выпив кружку парного молока и заставив это сделать свою так, сказать маленькую камеристку, взяв ломтик свежеспечённого пирога с яблоками и творогом, мы спешили к бабушке. По уговору с кухней Дарьей бабушка Александра Васильевна была под моим чутким наблюдением.

От её внимательного взора не было мне спасения. Она подмечала всё: моё смущение и неумелость, незнание русского языка в его старинном произношении. Читала я, запинаясь, таращась подолгу на букву «ять» то есть Ъ, которая была практически во всех корнях и других случаях, но при этом не несла никакой фонетической нагрузки.

«- ... не вижу в ней никакого смысла, эта зараза создана, чтобы путать нормальных людей».

«Т» писалось как «т» не только в курсиве, но и в обычном шрифте. Я привыкала, она же наблюдала.

— Мне проще это сказать на английском языке, бабушка, — старалась хоть как-то объяснить свои неумелые попытки прочитать продолжение романа, что начала вчера читать перед сном для нас Даша.

- Я вижу, *mon ange*, только скажи, куда смотрела твоя матушка? Ты вовсе не знаешь французского языка, плоха в языке своей родины, не музицируешь и не вальсируешь. Образование никудашное. Будь жива Варенька я бы ей всё сказала о твоём воспитании. Зачем она только решилась на ещё одну беременность?

— Лорд Стефан Сегрейф — он благороден и учтив и так был несчастен, когда матушка покинула нас.

Взгляд бабушки был суров, она из-под бровей смотрела на нас с Жданкой, и не хотела даже слышать про виновника того несчастья, что случилось с её дочерью.

Поймав испуганный взгляд деревенской девочки, стараясь защитить уже не только себя, но и её, твёрдым голосом отстаивала свои позиции уже который день:

— Вы не правы Александра Васильевна. Я прекрасно говорю и пишу на английском языке, знаю математику и хорошо управляюсь с цифрами, а ещё я начала писать ваш портрет. Посмотрите мои зарисовки. Матушка Варвара развивала во мне то, к чему я сама тянулась. Допустим к знаниям о расположении стран и материков и исследованиям мореплавателей, истории государств и управлению финансами.

А далее я без устали рассказывала ей о Робинзоне Крузо, который в результате кораблекрушения попадает на необитаемый остров, где проводит двадцать восемь лет своей жизни. Мы искали на карте этот самый остров, затерянный в океане, и впечатлялись тому, как огромен мир.

Дневной чай, было любимое время, бабушка практически дремала иногда, расспрашивая меня про Лондон, про моего супруга, а затем мы долго собирались и наконец-то выходили на прогулку перед обедом.

Опираясь на мою руку и всматриваясь в солнце, осеннее и не такое уже тёплое она переводила снова взор на моё лицо.

— Кто ты дитя?

И я замолкала, не в силах прервать эту связь и сказать правду. Нужна ли была правда ей сейчас? Где она, эта самая правда? Слезы, уже готовые, проявятся могли верно многое сказать ей. А ещё признания, сорвавшиеся с губ. Не было сил более обманывать женщину, которая так истосковалась по любви. Но ведь, по сути, я действительно её внучка, только из далёкого будущего...

— Верно ты ангел, дарованный мне свыше под старость лет. Господь услышал мои молитвы. Девочка моя.

И её пальцы касались моего лица.

— Оленька.

А яблоневый сад, теряя листья, будто оставаясь вечным свидетелем времени, лет и воспоминаний принимал свою судьбу в уверенности, что каждая осень — это новое начало, новый цикл, тонкая и многогранная метафора жизни. Он точно был уверен, что, когда последний лист покинет свою ветвь, придёт время спокойно заснуть, баюкая надежду на возвращение весны и новых возможностей.

— Бабушка..., мы с кузиной Дашей вас так любим.

Я прижималась щекой к её ладони, отчего-то до конца веря в правдивость происходящего. Любя её уже по-настоящему.

«... в этой реальности она только моя, как мне нравится проводить с ней время».

А далее накрывая на стол и наливая в супницу наваристые щи уверенно утверждала, что никому из прислуги не дам прервать это наше время с ней наедине. Что все уехали действительно в Муром, где нас ожидает уютный дом и, конечно же, масса развлечений.

— Оленька, а что приглашения? Графиня Стенбок, Сара Яковлевна не прислала ещё? Её домашние театры в большой моде в Муроме.

- Так верно они в Муромском имении и собрались, приглашения те. Мы то совсем уже припозднились, сентябрь уже концу подходит. Сергей Фомич за подводой отправился на ярмарку в Подмоскovie, ещё немного и мы в дорогу соберёмся. Посмотрите какова сегодня гречка, просто красота. А карась, да запечённый в печи со сметаной. Уверяю вас, everything will be just fine(англ.)(всё будет просто прекрасно).

Жданка крутилась рядом всё время, внимательно слушая мои рассказы и пытаюсь повторять английские слова, но кушала на кухне вместе с матерью.

Рассматривая мои зарисовки стариной усадьбы в которой жили, мы ожидали кузину Дарью, что вернулась с поля и приводила себя в порядок. А после обеда мы шли в опочивальню. Далее Александра Васильевна изволили совершать свой дневной сон, часа два с небольшим; это время я тратила на помощь Даше в наших сборах.

Этот день был совершенно обычным. Единственным исключением было то, что бабушка Алекс уснула в моей спальне. Дневной сон сморил её именно в этой комнатке, обращённой всеми окнами на юг.

Занятые разборами остатков тканей, лент, кружев и дорогих когда-то нарядов, которые можно было распороть, отстирать, разгладить и дать им другую жизнь, мы не успели толком пообедать.

Княгиня была увлечена вместе с нами, и довольствовалась чаем и кусочком очередного пирога с фруктами. Жданка подавала ей ленты, которые сворачивала в клубки, а бабушка очень аккуратно укладывала всё в короба. Эти богатства мы нашли на чердаке, лежащими в неплохих ещё дорожных сундуках, которые нужно было привести в порядок, отмыть и отремонтировать.

Бабушка на какие-то мгновения забывалась и вспоминала Николеньку, младшего брата моей матушки Варвары. Всё говорила о его службе на Кавказе, вспоминая подробности.

Удивительно работала её память, избирательно, если можно, так сказать. Она помнила фамилию его командира, офицерское звание своего сына, фамилии полковых друзей. Но напрочь не хотела говорить о том, что тот самый Николенька является причиной всех бед рода Соколинских. Проиграв в карты всё что можно, он пустился во все тяжкие, а после того как был замечен в ухаживаниях за фавориткой молодого царя Александра, был выслан его приказом на Кавказ, где и погиб геройски в схватке с горцами.

— Мне приказчик рассказывал, что продано было всё, чтобы с долгами князя Николая расплатиться. Что не жила с тех пор княгиня Соколинская в Муроме, там дом пустой остался стоять, в нём и жить-то невозможно, оказывается. Его не смогли продать только из-за того, что он отписан отцом княжне Соколинской Дарье Александровне, которая благодаря своему дяде осталась бесприданницей: а вследствие этого так и не вышла замуж до тридцати лет.

— То есть тебе?

— Да, Оля, мне. В монастыре я пробыла всё это время, стыдно было от людей за такое, да только постриг не приняла, вернулась. А твоя матушка вышла второй раз замуж за английского лорда, только потому, что влюблён он был сильно и не волновало его, её приданное. Он и с долгами помог расплатиться семье.

— Так как же мы в Муром поедem, если дом там в жутком состоянии?

— Здесь оставаться тоже нельзя, и в Питер нельзя, семья в опале. Государь и слышать про нас не хочет. Писала я с просьбой о возвращении в Северную столицу, отказ получила. Да и не протянем мы там, отдали свой шикарный дом князья Соколинские за карточные долги единственного наследника. Ты ведь знаешь хорошо историю. Времени мало осталось. Как бы нам этого ни хотелось, война начнётся и через год от этого имения в деревушке под Москвой тоже практически ничего не останется.

А в Муроме, одно утешает — большой каменный дом есть, который нам нужно будет обустроить и ждать твоих родов. Все крепостные предупреждены, семьи едут с нами. Я не оставлю людей на погибель. Прокопий вон даже улики с пчёлами собрался забрать, говорит дом в Муроме на берегу Оки стоит, всё разместим, а на зиму в омшаник спрячем. И бурёнка тоже с нами отправится. Мы не спеша. За неделю управимся.

Я поражалась её целеустремлённости.

— Дашенька, а сердце. Одышка?

— Знаешь, вроде как лучше. Стараюсь вовсе не думать об этом. Врачи не торопили с операцией в Питере, а после всё как-то завертелось. А в этом времени и вовсе нормализовалось. Травница Марфа травы и взвары готовит, и ладно вроде всё.

— Не оставляй её в деревне, как же я рожать буду? Без врачей-то?

— В городе повитуху найдём. Не переживай. Когда срок то ставили

— Примерно второго апреля.

— Одна тысяча восемьсот двенадцатого года?

Замерев, я не верила тому. Ребёнок, он совсем другого века жителем должен был быть. Вот..., вам и случайности.

И всё же, в тот день, укрывая бабушку пледом и собирая с покрывала остатки лент и кусочки мелких ниток от отпоротых шикарных юбок платьев-панье, я решила ещё раз осмотреть чердак.

Дальний угол которого был так и не разобран. Это было нужно сделать обязательно. Телеги постепенно грузились и мебели становилось всё меньше и меньше в доме. Нужны были ещё сундуки для укладки текстиля и посуды. А ещё хотелось найти что-то из верхней одежды, вышедшей из моды.

Перешивала я такие вещи быстро. Намётанный глаз художницы быстро отметал ненужное. Ткани стирались, отглаживались чудным, тяжёлым утюгом, а затем просто отдыхали на столе под лучами дневного солнца. А после, вечерами, ваялась заново новая необходимая вещь. Мне помогали женщины из деревни. Мы собирались в одной комнате, и наши стежки были ровные, а не выношенные когда-то вещи богатой барыни Александры Васильевны Соколинской получали сейчас вторую жизнь.

Отшивались и реставрировались юбки и рубахи, жилеты и штаны, тёплые накидки и жакеты, не только для нас с Дашей и бабушки Алекс. Я не представляла, как допустим, тот же пасечник, добрейший души человек отправится в дорогу в своей ветхой рубашонке и жупане с чужого плеча, вытертом и дырявом.

— Ждана.

— Миледи?

Девочка присела в реверансе.

— Умничка, моя, в этот раз реверанс получился очень изящно. Следи за бабушкой Александрой, не оставляй её одну. Я поднимусь на чердак, а после проветрю спальню княгини, и мы наведём там порядок с твоей матушкой.

Глава 9

Мой сегодняшний путь на самое верхнее и нежилое помещение в доме деревенской усадьбы Соколинских был совершенно несравним с тем, который я проделывала, отчаявшись найти спасение, месяц назад, в двадцать первом веке.

Ступенями неокрашенных лестниц, их скрипом затрагивая самое потаённое в душе, проносятся видения прошлого. Поток времени оставил детали воспоминаний, тихо шепчущих свои таинственные истории:

«Ах, эти домашние театры конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века. Они имели своей целью занять невинным и самым весёлым образом общество и участвующих, вовсе не претендуя на искусство. Ведь на сцене можно было позволить себе всё что угодно, в том числе и яркое проявление эмоций».

Дамам и господам было откровенно скучно в деревне, и театр стал ещё одной возможностью разбавить серые и однообразные будни. Этот невинный флирт и буря страстей во время представления; нам верно не понять людей прошлого. Но тем не менее к премьере домашнего спектакля готовились чуть ли с Нового года. Выбирали произведения и распределяли роли, а главное, отшивали костюмы. И это сейчас меня интересовало больше всего.

Я смотрела в зале домашнего театра княгини Соколинской на мраморного мальчика, согретого лучами осеннего солнца, проникающими через окно со снятыми портьерами. Ангел мне отчего-то очень приветливо сегодня улыбался, и я совершенно не понимала той истерики, что приключилась со мной месяц назад.

«...и вовсе не мёртвые у него глаза, а очень даже выразительные, мы обязательно заберём его с собой, и ту решётку возле камина в форме раскрытого, большого хвоста павлина и главную люстру в гостиной».

Основное, что тревожило меня на сегодняшний день это насущные проблемы нашего с Дашей небольшого семейства, а ещё люди, за которых мы были в ответе.

Крепостные.

Господи, могла ли я подумать, как изначально мне будет очень сложно стать хозяйкой для них и смотреть из-за стыда за своё барское положение Сергею Фомичу, мудрому и пожилому мужчине, в глаза. Проживший несладкую жизнь, служивший бабушке Алекс верой и правдою, не раз поротый ею за провинности, он склонил предо мною голову в первое же утро. Я улавливала встревоженный шёпот его губ:

— Миледи, — а после его глаза с надеждой смотрели на дорогие золотые изделия, что не успела я снять с себя в первый день после перемещения.

— Заедем во Владимир, обменяем хотя бы один наполеондор, что равен сорока французским золотым франкам?

Советовалась со мной Дарья. И в то же время будто спрашивала разрешения, а далее понимая, что ситуация неловкая, замедлив тему разговора, продолжала:

— Хотела сразу на Муромский тракт выйти, но лучше задержаться на день в пути, нежели затем оставлять хозяйство и вновь ехать в Москву или во Владимир.

— Я поддержу тебя в любом твоём решении, Дашенька. Через месяц холода придут. Не солить же нам эти золотые. Нам нужно успеть обустроить дом в Муроме и спрятать весь урожай в тёплые подвалы. А ещё разместить бурёнку и несущек как-то. Я даже не представляю возможно ли это сделать в большом городе.

Всё это всплывало в памяти, когда я поднималась по круговым ступеням, что были выложены будто веером.

«...какая старина, что за умелец делал эту лестницу?»

В пустующих чердачных просторах, где позабытые вещи пылятся на старых стеллажах годами, мерцает неуловимое свечение забытых событий. Пыльные периодические издания, старые книги и брошенные за ненадобностью вещи втайне хранят свои истории. Душа болела и мысли не давали до конца забыться. Буквально всё, хотелось сохранить в первозданном виде, и прежде всего очень было жалко усадьбу и деревеньку.

Доносившиеся звуки с улицы в который раз мне говорили о том, что погрузка идёт полным ходом. Бартером, услуга за услугу, были починены в ближайшем соседнем хозяйстве две телеги и упряжь. За эту работу мы рассчитались мёдом диких пчёл, который дед Прокопий качал в начале лета и вспашкой на зиму части чужого поля купленными рабочими лошадками — тяжеловесами. Запас серебра, что Даша выручила за свои украшения после своего перемещения из двадцать первого века, подходил к концу.

Я оттащила в сторону детскую люльку, в которой вероятно не одно поколение князей Соколинских пестовало своих новорождённых деток и наконец-то сдёрнула старое пыльное покрывало схлама, что явно застоялся на удалении. Мечтая увидеть сундуки, наполненные не выношенными театральными костюмами, я замерла в нерешительности.

Потому что уже видела эту картину!

Дыхание остановилось.

Как же так?

— Оленька...

Послышался вкрадчивый голос Георга. Он доносился будто сквозь века. Ногти вонзились в ладони. Я с усилием сжимала кулаки. Хотелось, птицей взвиться и, став маленьким, юрким соколом спрятаться в привычном, большом мегаполисе в будущем, забиться в щели людских гнёзд-квартир в высотках.

Не знать соседей не выходить на улицы, общаясь с миром только через социальные сети и приложения в гаджете. Пространство вокруг пошло рябью.

«- так устроено, что ты уже не сможешь вернуться в ту точку, из которой, ушла, она будет другой, ты затеряешься в параллелях, возможно, мы не встретимся более...».

Слова Даши, они вовремя застучали в сознании отбойными молотками, прося одуматься.

«- они зависят от меня, Господи, с моим уходом у них в разы уменьшатся шансы на достойную жизнь, да просто на выживание. Все эти люди, что поверили мне.

А главное, я разобью сердце бабушке, она не переживёт моё исчезновение».

Вздых! Аккорд! Высокие звуки вселенского океана отчётливо звучали у меня в сознании. Выдох!

Только не поддаваться тем ощущениям.

Лёгкость и чувство полёта обманчивы. За всё приходится платить.

Что в том сундуке? В единственном, стоящем на полу? Оставим картину без внимания. Про Москву на её изображении расскажет Даша.

Вздых!

Какая крышка тяжёлая.

Выдох!

Шаги. Они спешили наверх. Встревоженные, опасющиеся неизбежной потери.

— Оля, мне показалось! Этот запах большого города.

— Нет, не показалось. Паника, предупреждать нужно, но я справилась. Откуда это?

Я кивнула на картину.

— Она уже несколько лет здесь стоит, местный художник писал и оставил. Говорил, пропорции нарушены.

— А там в будущем?

— Тоже она..., я объясню.

Кивала, слушая её голос, понимая, что не оставлю, не брошу. Их. Прикипела. Только не смотреть на изображение картины, не слышать глубокие и любимые когда-то нотки в голосе такого далёкого мужчины.

А после, удивлённая я вытаскивала маленькие и большие вышитые подушечки, лежащие горой в сундуке. Потёртые и затхлые. Засаленные чужой кожей и, возможно, ни разу не стиранные.

— Я нашла ещё один сундук, пригодится для переезда. А это что за чудачество? Кто коллекционировал всё это? Просто хлам с истлевшим пером внутри. Уверена, что в некоторых из них жили мыши или крысы зимой. Фу!

— Оля, осторожно инфекция. Это всё нужно сжечь. В твоём положении это опасно, ступай вниз купаться. Не притрагивайся ни к чему руками, особенно к лицу и глазам. Возьми щёлок в горшке, для ещё одной стирки белья приготовили.

— Даша, подожди не так шустро.

Рука, привыкшая наткаться на перьевые думки, ощутила на ощупь нечто другое. Внутри этой небольшой подушечки, грязной и выгоревшей, было кроме пера ещё что-то. Неплотная обивочная ткань с инициалами княгини Соколинской хранила вроде как..., документы? Я доставала уже из фартука ножницы, лёгкие и удобные, будто предназначенные специально для разрезания ниток на швах.

— Оля! Перо! Оно будет всюду.

— Тихо. Дашенька. Тут явно нечто другое. Подойди и помоги. Я не буду делать слишком большой надрез, перо если и вылезет, то немного. Ты только руку просунь и вытащи. Там нет никого живого. Ш-ш-ш, не бойся.

Её глаза стали огромными, а сжатый кулак вытащил пожелтевший сложенный лист бумаги.

— Там в перьях есть ещё.

— Объявителю сей государственной ассигнации платить ассигнационный банкъ двадцать пять рублей ходячей серебряной монетой 1810 года. Сколько печатей и подписей. Что это?

— Я говорила тебе — ассигнации. Они обесцениваются с годами. Долг России перед Голландией возрос, я слышала эти разговоры в Москве, но пусть даже за неё мы выучим двадцать рублей серебром — это большое подспорье для нас. Господи, отчего они вшиты в подушку, во что ввязался когда-то Николай?

— Ты уверена, что эти бумажки, всё равно что деньги? И что их туда разместил именно Николай? А если бабушка? И забыла?

Она кивнула в согласии и запустила вновь руку в прорезь на подушке. Непонятно на какой из моих вопросов, она ответила этим удобно-универсальным и таким понятным движением головы. Но это было уже вовсе не важно.

За полчаса наших трудов сумма, которую мы сможем получить в банке при условии, что нам выплатят её копейка в копейку, увеличилась практически в сто раз. Они были разные. Самые дорогие с надписью о ста рублях на бумаге белого цвета, никак не хотели покидать мои пальцы.

— Нам действительно выдадут эту сумму серебром?

— Не думаю, Оленька. Не в это время. Я не видела, как таковых банков в Москве. В стране, как я поняла, действует двойная денежная система. Но мы всегда сможем расплачиваться ассигнациями, получая сдачу также в бумажной валюте. Мы скажем, что это твоё.

— Почему сразу моё?

— Потому что ты приехала к бабушке из Англии. Страны — союзницы в будущей войне с французами. Ты состоятельна, просто оттого, что твоя матушка выходила замуж за очень

благородного лорда, который погасил все долги нашей семьи. Я же, в свою очередь, провела все эти годы в монастыре. Откуда у меня может быть такое состояние?

— Из подушки. Бабушкиной.

Грязные и уставшие мы заговорщицки улыбались, может быть оттого, что будущее уже не казалось нам таким пугающим.

— А ещё потому что у нас просто нет другого выхода. Их нужно как-то вывести на свет божий, ведь не могут же Соколинские всю жизнь быть нищими.

Убедившись, что в других подушках с пером внутри ничего подобного нет, прихватив свою находку, мы спустились на первый этаж. Хотелось объявить сегодня банный день. Но ждать, когда протопят небольшое строение на заднем дворе и наносят туда из колодца воды, совершенно не было времени.

— Попаримся в баньке перед отъездом, а сегодня пошли, я тебя в душевой отмою.

Даша была настроена серьёзно.

— Только спрячем нашу находку в кабинете.

На её рабочем столе была масса бумаг, счетов, писем и ещё чего-то старинного, и удивительного. Огромные тома книг в кожаных переплётах, солидные и увесистые внушали доверие.

— Как ты умудряешься писать в документах и вести учёт таким непривычным русским языком? Что это?

— Наклонись и прочти, если разберёшь почерк. Писал по видимости секретарь господина советника. Только в руки послание не бери. Мы сейчас же идём в купальню.

— Приглашение на охоту?

- Сосед приехал в дальнее имение. Надворный советник Ахшарумов Сергей Дмитриевич. Богат, любитель старины. Вдовец. Московские бояре, они любят охоту, знаешь ли, вот и прикатили за впечатлениями, скуку развеять. Я смотрела, в библиотеке записи бабушки Алекс, она вела учёт нужным знакомствам: сосед наш благородный и весьма почтенный мужчина, завидный жених, так сказать, но... *«не чета нам князьям»*. А это приговор, дорогая.

— Ты же откажешь им? Я не желаю сейчас знакомств и общества чужого. Я вовсе не запоминала соседей, о которых ты мне рассказывала долгими вечерами.

— Конечно, Оленька. Весь окружающий нас мир должен уважать твою скорбь по пропавшему без вести супругу. Я обязательно отпишусь ему сегодня. Занятое это действие, хочешь, приходи, поможешь; вначале знаешь, ли, черновик подготавливаю, а затем вывожу пером, как на чистописании.

— Пером и я смогу, баловалась когда-то, а вот ошибки и новые буквы в алфавите, это ты сама.

— Договорились.

Её мягкая и спокойная улыбка, словно хранила мысли, таинственные и неведанные. Она явно что-то не договаривала.

И уже после купания и обсуждения новых фасонов в верхних одеждах для нас с Дашей; работы в пошивочной мастерской, которую создали мы в самой светлой комнате, и вечернего чая с бабушкой; собираясь ко сну, а значит, проведя практически весь кусочек оставшегося дня в заботах, я задала интересующий меня вопрос:

— Ты написала черновик?

— Да. Пойдём, попробуешь переписать всё на чистовик и завтра отправлю Сергея Фомича в имение Ахшарумовых.

— Ты встречалась с ним?

— И так, можно сказать. В начале лета я проверяла всходы картофеля, а он верхом проезжал мимо, полем, что раскинулось недалеко. В окружении гостей: прекрасных дам и соседей — кавалеров он был совершенен. Просто кавалькада, знаешь, как в историческом фильме.

— И?

- Его приветствие было вежливым, но не лишено снисходительной иронии и сарказма. Интересный мужчина. Но как сказала бабушка *«не чета нам князьям Соколинским»*. Выше голову Оленька, мы обязательно прорвёмся. Господи, как красиво у тебя получается.

Она явно уходила от ответа не желая повторяться о нашем положении.

«- бесприданница, это, наверное, как страшное и очень позорное клеймо в это время. Как Приговор». ..

Глава 10

В тишине осеннего леса, пожелтевшие листья медленно и как-то по-особенному нежно падали на землю. Создавая ковёр из влажной, золотистой и багровой листвы, они будто выполняли неизбежное, предначертанное свыше: природа в единении с осенью готовилась ко сну. Солнце, как уже сейчас оно было желанно!

По мере того как дни всё сильнее становились короче, и утренняя прохлада ощущалась более сильно, лес начинал терять свой золотой оттенок. Небо, кажется, всё чаще становилось серым и тусклым, словно подстраиваясь под общее настроение. По мере того как осенний ветер шептал свои печальные песни, леса постепенно лишались роскошного золотого убранства.

Проглядывая сквозь остатки листвы на деревьях, чернота оголённых ветвей становилась всё более заметной. Казалось, будто природа, находясь в процессе преобразования, старалась спрятать свою красоту, чтобы вызвать отклик и понимание у тех, кто находился с ней в постоянном взаимодействии. Она хотела передать своё состояние всему человечеству, чтобы оно тоже могло почувствовать находящуюся в ней тоску и тленность.

И только молодая поросль маленькой дубовой рощицы, что, народившись около пяти лет назад на холме и старательно тянувшись к солнцу, была до сих пор покрыта золотыми красками осени — остатками её благородной красоты.

Он оставался не замеченным уже большое множество раз.

Благородный, государственный советник и просто уверенный и успешный во всем мужчина — Ахшарумов Сергей Дмитриевич, именно таким он себя видел в зеркало ежедневно. Как бродяга, подглядывающий за своими соседями, скитающийся под предлогом целительных длительных прогулок по лесу. Таким он себя осознавал сейчас.

Он прекрасно отдавал себе отчёт, что подглядывает. Но старательно пытался скрыть этот факт от всех окружающих. Со стороны казалось, что богатый барин, достигнув конца своих угодий, собирается возвращаться в усадьбу. Вернее, ему очень хотелось, чтобы так казалось. И к концу своего путешествия он и сам в то будто верил.

Пёс дорогой английской породы, которого он приобрёл ещё щенком, и отдал за него чуть ли не полдеревеньки крепостных крестьян, умно заглядывал в глаза, ожидая команды. Как же хотелось ему домой, да на лежанку, ближе к тёплому камину.

Курлыканье уток, совсем уже собравшихся на юг, пробудили уснувшую было тоску по тем чувствам, что неосознанно нахлынули, когда он увидел летом женскую фигурку в полях. Княжна. Дарья Алексеевна Соколинская.

Удивил её взгляд. Она будто и не знала его. Нет. Не то чтобы не узнавала преднамеренно, просто не знала или её память, перечеркнув всё, что было до её уединения в монастыре решила не выносить это на поверхность сознания. Но как же так? А ведь они были представлены друг другу когда-то. До того, конечно, как свет потрясла история этой семьи.

Молоденькая дебютантка в белом на балу у графини де- Бальмен, Марии Антоновны и её супруга.

Пухленькая и совсем невысокая, оттого будто совсем ещё ребёнок. И только взор..., привыкший ко всеобщему восхищению и манеры. Папенька — князь и бабушка рядом. Неродная, но так ли это важно было, если только в одном взгляде этих особ было огромное множество пренебрежения ко всему окружающему. Они будто как фасадом огромной стены были отгорожены от всего мира статусом своего благородного происхождения.

Он тогда не посмел и приблизиться. Только на прогулке по южному берегу Невы, в летнем царском саду, склонив голову, после ловил взгляд необычно пытливых серых глаз девушки.

А ныне, ирония заполнила сознание. Какие перемены.

Ныне он привык к завлекающим взглядам. Томным и обещающим, зовущим и манящим. А ещё требовательным. Такими на него смотрят матушки дебютанток, показывающие всему свету свои юные очарования. Их много, и они уже вовсе не запоминаются эти взгляды и улыбки.

В душе же поселилась навеки усталость от мысли, что надо...

А вернее, негоже...

Так, долго ходить вдовцом.

Он отвык от безразличия к себе со стороны дам. А уж от спокойного пренебрежения тем более.

Обоз.

Он словно вместе с косяком птиц, отправлялся в иные, очень дальние страны. Удивили накрепко, заколоченные тяжёлыми досками все ставни усадьбы. Крестьянские дома также были основательно заперты. А совсем ветхие разобраны. Люди собирались в путь. Приходило понимание, что семья уезжала, видимо, навсегда.

На широкое крыльцо усадьбы, что поддерживало несколько колонн с балконом посередине, помогли выйти статной даме в зрелом возрасте. Княгиня Александра Васильевна Соколинская. Потеряв всё, униженная и высмеянная высшим светом, отлучённая от двора, она вдруг, спустя годы, обрела то, что ни купишь за все деньги мира — чистую и искреннюю любовь своих внушек.

Дарья Алексеевна, отказавшись от пострига, вернулась, отчего-то из монастыря, к не совсем родной, и не очень любимой когда-то бабушке. Оттого ли что не могла бросить её одну на нищенское выживание в глухой деревне, а возможно, оттого что просто монастырь затребовал слишком большую мзду за свои услуги. Но люди, они всегда в таких поступках видят, что-то светлое.

«-Так было угодно Господу», — шептали на воскресных службах в местной церквушке обыватели им вслед, а после верили сами себе и восхищались самоотверженности молодой княжны.

А совсем ещё молоденькая Ольга Андреевна, в супружестве леди Майерс, придерживая одной ручкой, еле наметившийся признак своего деликатного положения, другой вела бабушку к выдавшему и другие, лучшие времена, старому, не по моде устроенному экипажу.

Ему казалось, что он видит сюжет из жизни благородного английского семейства, очень бедного, но от этого не менее уважаемого. Потому как одежды на дамах были безукоризненного покроя, элегантные и без излишеств. Чересчур скромные, и так можно было сказать. Но как это было неважно по сравнению с манерами, изящными и полными какого-то особого, дорогого, достоинства.

Крепостные же были собраны в дорогу ничуть не хуже своих господ. Словно наёмные слуги, получающие жалование от своей службы.

Поговаривали, что Ольга Андреевна подготовила каждому, кем семья владела, вольные и княгиня Александра все их подписала. А затем холопы стали просто слугами, с которыми был заключён договор найма и которым вменили их обязанности под расписку; им действительно начислялась и выплачивалась заработная плата.

«-... бесприданницы, не владеющие ни одной крестьянской душой..., совершенно не стремящиеся к браку, отвергнувшие все его соседские, добрые приглашения, и покидающие своё единственное имение».

К этой тайне тянуло с невероятной силой. Её хотелось познать, прикоснуться, услышать и понять, а возможно и узнать на вкус.

Ему казался этот поцелуй ночами и серые с зеленою глаза пытались о чём-то сказать. Они преследовали его.

— Дашенька, — шептали губы в темноте, а тело горело от вожделения.

А утром, он, конечно же, отдавал холодный отчёт себе в том, что никогда не посмеет связать свою жизнь с опальным княжеским семейством. Его карьера и судьба малолетнего сына, что Мари даровала ему, отдав свою жизнь, для него совсем не безразличны.

Но ведь нуждаясь женщины, во всяком случае, многие из них, готовы на связь- ни к чему не обязывающую и в то же время весьма выгодную для них.

И он вновь спешил в лес, прогуливая свою гончую. Его влекло в таинственный подлесок на холме.

Решение послать соглядатая вслед обозу возникло будто из ниоткуда.

«... в Первопрестольной они явно не задержатся, неужто в Питер собрались? Вымолили у императрицы-таки прощение, нищие, а туда же».

Отправляясь в дорогу, мы в который раз убедились, что всё рассчитали верно. Неспешна была погрузка. Всё обязательно записывалось и учитывалось.

Встревоженные люди, не понимающие почему, мы именно таким образом оставляем имение, с застывшими вопросами в глазах пытались найти на них ответы в наших поступках, фразах и выражении лица.

Жданка в тёплом платье и жакете маленькой гувернантки не отходила от меня и бабушки ни на шаг. Ловя фразы на английском и французских языках, слушая наши разговоры о том, что во Владимире придётся задержаться примерно на сутки, она вероятно обо всём рассказывала матушке.

Крестьянские семьи, сплотившись, благодарные за то, что мы не бросаем их на произвол судьбы, и не продали от безденежья в конце лета, работали как для себя. Что в принципе соответствовало истине.

Всё чаще мы говорили о Муроме.

— Купечество там сильно, — шептала бабушка.

— Особенно после пожара, что уничтожил значительную часть города. Хорошо, что ветер дул не в нашу сторону. Натерпелись тогда страха.

Сергей Фомич, накладывая крестное знамение шептал молитву и твёрдо говорил, что всё сложится для нас самым лучшим образом. Что волнения ни к чему сейчас, уж коль принято решение к отъезду. А то зимовали бы как в прошлые годы в деревеньке и не было возни всей этой; но обратному ходу нет, а значит, в путь.

Кузнец Всеслав — отец Жданки, со старшим сыном заколотив двери нашей усадьбы и главные ворота толстыми досками и длинными, массивными гвоздями наконец-то дали знать, что можно трогаться в путь.

Итак, заехав в местную церковь и отстояв службу, чувствуя спиной взгляды и шёпот прихожан, прося создателя нашего о солнечной погоде и помощи в пути, в последний раз глянув на многострадальный лик матери Христа, уж как-то очень долго и монотонно минуя бездорожье местных подъездных путей, мы вышли-таки на Владимирский тракт.

Укатанная телегами, экипажами и обозами дорога среди бескрайних российских полей с виднеющимися вдаль церквушками и деревянными серыми крестами, она останется у меня в памяти надолго.

Кое-где неубранные стога сена дополняли на первый взгляд скучный осенний пейзаж. Они делили просторы поля на «до и после» и почти неслышным шёпотом рассказывали свои истории о тяжком труде крестьян.

Никогда не умолкающий шум колёс и шагов, крики перелётных птиц в хрустале осеннего воздуха, неумные голоса детей и взрослых, мерное сопение бабушки Алекс в дрёме, всё это было определённым фоном для раздумий.

Все свои действия мы обговорили с Дашей заранее, я проигрывала наши возможные поступки в голове, старательно запоминая их.

Мы ожидали приезда во Владимир.

Где приказчик собирался нас сопровождать повсюду, а матушка Жданки в это время должна была находиться с бабушкой на гостинном дворе.

На руках у Даши был основной документ дворян, значащийся за нашей семьёй со времён жизни супруга бабушки, князя Соколинского Григория Александровича, а именно: грамота на дворянское достоинство, к которой прилагался список членов семьи. Ещё в деревне, в подмосковном имении мы аккуратно внесли туда мою новую фамилию и титул, бабушка завершила всё своей подписью и печатью.

Переночевав в первую и вторую ночь на постоялых дворах, к середине третьего дня нашего путешествия мы въезжали в пригород Владимира.

Всегда сложно описывать путешествия, его тяготы и сменяющиеся раз за разом одинаковые картинки пейзажа за окном неудобного экипажа. Перед глазами плывут, гостинные и постоялые дворы, моменты расселения, принятия пищи, грязь и неудобства и, конечно же, желание отбыть на следующее утро и быстрее забиться в экипаж, с тем чтобы снова ощутить тряску и вечное покачивание, шум и голоса.

Уставшие от дороги уже к полудню третьего дня мы разглядывали удивительный, старинный город, занимающий изрезанную глубокими оврагами высокую равнинную местность на берегу реки Клязьмы.

— Небольшой, чиновничье — мещанский закуток на земле, — так охарактеризовала его со вздохом бабушка.

Что же она тогда скажет про Муром?

Вспомнит ли хоть что-то хорошее, что возможно её связывало с ещё меньшим по площади городком чем Владимир? Кроме того, конечно, что сослано туда было её семейство на долгие, долгие годы.

На северной стороне Большой улицы целый квартал заняла армада торговых рядов, отделявших от главной магистрали базарную площадь; дальше, по направлению к Золотым воротам, выступал портик церкви Николы Златовратского. Узнав у прохожих наконец-то о неплохом гостинном дворе, расположившимся недалеко от центральной улицы мы решили в нём найти для себя приют примерно на сутки.

Семьи, сопровождающие нас притихшие и ищущие у нас взглядом моральной поддержки, были расселены в номера с удобствами для вольного крестьянского и торгового сословия. Мы же, расположившись этажом выше в большом номере из двух комнат наконец-то, смогли спокойно вздохнуть. Все расходы в дороге мы решили оплачивать ассигнациями. Самые низкие номиналы были отложены отдельно и служили предметом торга нашего управляющего со всеми, кому мы так или иначе должны были платить в пути.

Кое-как обмывшись в горячей воде, что приносили в ванную комнату из служебных помещений служащие гостиницы, убедившись в который раз, что все накормлены и находятся на своих местах, оставив Александру Васильевну на попечение Лукерьи и Жданки, не скрывая своего внутреннего напряжения, мы отправились в торговые ряды, наняв для этого извозчика.

— Оленька, будь осторожна, я глаз не сомкну, ожидая вашего возвращения.

— Бабушка, ну что вы право, мы вернёмся очень скоро. Что может произойти?

Она не сводила взгляда с моего украшения на груди.

— Откуда такая ценность, душа моя?

Я знала, что она спросит. Я готовила себя ко многим ответам, запоминая их на всю долгую жизнь в этом времени.

— Матушка Варвара носила при жизни, моё это теперь.

— Ты в своей то хоть вере осталась, баронесса, отчего крест православный не носишь и поклоны в храме стесняешься бить?

— Крест в укромном месте, бабушка. Я исправлюсь.

Положила ладонь на грудь. Услышав мой утвердительный ответ, вздохнув и откинувшись на подушки, прищурившись, она будто утонула во времени.

Это было сравнительно близко, можно было и не платить извозчику медные монеты, сэкономив хотя бы на транспортных услугах, но Сергей Фомич настаивал именно на таком средстве передвижения до места, где всю бойко шла торговля.

Владимирские торговые ряды имели два этажа.

Увлечённо разглядывая всё вокруг, мы искали лавку ювелира — менялы. Три золотые монеты Франции, разные по достоинству, лежали у меня в кошельке. В голове крутилась примерная сумма серебром, которая должна была оказаться у нашей семьи в руках. Кругом шла голова от звука многочисленных голосов, которые предлагали свой товар, спорили о цене, соглашаясь, хлопали по рукам и сплёвывали на пол.

Скрывая свою растерянность за высокомерностью родовитости, опустив густую траурного цвета вуаль на лицо, выпрямив спины мы, не спеша, продвигались за своим приказчиком.

Уверена, нас провожали взглядами, уверена, что про нас говорили. Но всё это виделось так для меня, потому что было впервые в подобном месте.

«-... а после, мы привыкнем», - шептал разум.

— Привыкнем ко всему: к лаптям на ногах крестьян и нечеловеческому обращению с ними, к кускам мяса, что лежат не во льду и без холодильников прямо на деревянном столе мясника, и тут же считаются деньги. К той голове огромного кабана, что смотрит на покупателя мёртвыми глазами и связке на балке, живших ещё вчера уток; к крови, что стекает на землю с прилавка и странному запаху рыбы, от которого кружится голова, привыкнем, — шептали мои губы.

Страшно было, что все эти люди совсем не догадывались о том, что буквально через год Владимирское ополчение будет сторожить тракт от Москвы до их города, предприняв все усилия чтобы не, пропустить врага дальше. Что будут прятать иконы из московских церквей в Муроме и жечь в столице врага.

Голова шла кругом, рука неосознанно тянулась к взмокшему виску.

Моё состояние не ускользнуло от внимательного взгляда приказчика.

— Ваше сиятельство, вам нехорошо?

— Нельзя ли поторопить события Сергей Фомич, хочется на свежий воздух. Возможно ли ювелиру назначить встречу в отеле?

Незнакомое слово уже не резало слух пожилого мужчины. Девочка, родившаяся в России и выросшая в Лондоне, она порой выражалась очень непонятно, мешая слова только ей удобным способом. Вздыхала княгиня, хмурилась Дарья Алексеевна, а простой люд взирал на неё с надеждой. Слушая эту тарабарщину, удивлённо порой разглядывая шустрю Жданку, которая уж очень быстро превращалась в камеристку и чуть ли не подружку миледи. Они не верили в свои вольные, пока сами не увидели бумаги с подписями её сиятельства.

— Соберётесь уехать насовсем, сообщите нам об этом за два месяца, вам будет выплачена заработная плата за отработанное время вот с этой даты на документе и выдана вольная.

А далее их учили складывать буквы в слова и цифры на банкнотах ассигнаций, будто готовя к самостоятельной жизни. Но уезжать никто не хотел. Лучше быть прислугой в хорошем, возможно, совсем небогатом доме, но зато с проживанием и питанием, чем скитаться на вольной, ища работу и средства для пропитания.

Не выдержав более, мы вышли всё же с Дашей на улицу.

— Прости, мой свет. Я не справилась. Давно токсокоз не беспокоил, но запах грязной шерсти с ланолином, он просто убил меня.

— Оленька, ну что ты право. Я не думала, что такое увидим.

Бриллианты, качнувшись в её ушах, поймали солнечный лучик и заиграли всеми цветами радуги. Эти серьги, они стали униформой для Даши. Так сказать, обязательным набором украшений для княжон — бесприданниц.

Спешивший к нам Сергей Фомич, с радостью готов был сообщить, что ювелир придет к нам сам и мы действительно встретимся с ним в отдельном кабинете ресторации нашего гостиного двора.

Глава 11

— Прогуляемся пешком шагом, кузина, Дарья Алексеевна?

Лёгкая ирония в необычной зелени её глаз.

— Прогуляемся миледи, отчего же нет?

— Вот и парк будто специально для этого разбит, он простирается до самого нашего отеля, заметили?

— Правильно будет гостиничный двор, Ольга Андреевна.

— Хорошо.

Не спеша, направилась по аллее, шурясь от осеннего солнышка. С каждым шагом мне становилось легче. Тошнота отступала и казалось, что на самом деле это и есть все проблемы, которые неотступно следуют за нами уже долгое время. Жакет с длинным рукавом, отороченный тёплым мехом стриженной чёрной норки, хорошо согрел спину. Тот, же реанимированный нами с Дашей, мех был пущен по краю шляпки и воротника жакета.

— Сергей Фомич сопроводите нас, пожалуйста. Ольге Андреевне сейчас лучше пешком пройти.

Бывший наш крепостной, а ныне вольнонаёмный мужчина и оттого уверенный в себе и спокойный за будущее своих внуков, уже привыкший к уважительному обращению; не спеша, вышагивал за нами на небольшом отдалении. Казалось, мы все были отстранёнными и будто ещё в своём имении на *«аглицкий манер»* как поговаривали в округе; погруженные в думы только о переезде.

Но именно в этот момент нашему приказчику удалось приметить следящего за нами казака, немолодого и весьма неприметно одетого, коего он встречал на постоялом дворе в первую ночь нашего путешествия и видывал в пути верхом. Казак старательно смешивался с прохожими, что сновали от рыночной площади к гостинице и жилым домам. Не выделяясь, однако он следовал за нами уже долгий промежуток времени.

Сергей Фомич, наблюдая за ситуацией, иногда останавливаясь, чтобы поправить голенище старенького, но начищенного до блеска сапога, или, закинув голову, сверял по солнцу время, не показывая вида, срачивал всё в своей голове.

А далее не желая моего беспокойства он спустя полчаса после нашей прогулки по парку, тихонько докладывал Даше о своих подозрениях.

— Служивых нужно нанять, ваше сиятельство, до самого Муром. Его точно заслали, он следует за нами от самого нашего имения. Выведывает и высматривает всё. Добра везём немало, весь урожай почитай сложен в подводах, и с приездом леди из Лондона положение наше улучшилось, это заметно со стороны.

Его взгляд остановился на украшениях княжны.

Отметив это, Даша совсем не чувствовала себя неловко. Она расценивала эти моменты как униформу и защиту от общества. Пока ещё совсем незнакомого.

— Вы правы. Присмотритесь, при здешних монастырях, Сергей Фомич, нет ли кого из бывших раненных. Обычно выхаживают монахини таких, если их семьи далеко проживают; иногда совсем одинокие и неженатые поступают служивые после сражений, присмотритесь. Я слышала, в Абхазии были волнения, их Турция поддерживала в этом. Главное, чтобы не было пристрастия к горячительным напиткам. Это нужно у матушки настоятельницы узнать. А если служивые семейные, и того лучше. Я думала об этом. Вот и бурёнку оставили с пастухом в пригороде Владимира, беспокойно мне. Плату за службу на полгода вперёд обговорим отдельно каждому, кого наймём, но сразу. За это пусть не беспокоятся. В Муроме также нужен будет догляд за домом, одного Шороха будет недостаточно. Спасибо вам. Оленьке и бабушке пока не рассказывайте, я сама.

Я же в то время убедившись, что бабушка таки заснула в кресле, ожидая нашего прихода, переговорила со Жданкой и её матушкой. Переодевшись в более лёгкое платье, прибрала слегка отросшие волосы в причёску под домашний, более скромный чепец тёмного цвета. Женские причёски начала девятнадцатого века делались на довольно короткие небрежно завитые волосы. Изящный чепец нам макушке дополнял всю эту картину.

Ожидая ювелирных дел мастера, я всё продумывала наши дальнейшие действия, не желая быть Даше в ежедневную заботу. Хотелось самой вершить свою судьбу, а не плыть по течению. Хотела самостоятельности для вдовы из Лондона.

Что-то тревожно ускользало в сознании. Мысленно осуждала себя за покорность Георгу. Эти воспоминания дали толчок другим: и неуютные подозрения крепили и мешали своим настойчивым шёпотом. Разглядывая в зеркало свой образ, остановившись взглядом на рубинах в кулоне, я вдруг осознала нечто важное:

— Даша, — говорила осторожно, присев рядом с ней на диван.

— Выслушай меня, мне будто чудится, но такое уже было. Чужой взгляд, словно спину прожигает.

— С какого времени, Оленька?

— Перед самым нашим отъездом началось. А может, и раньше, может, с того времени, как мы ассигнации нашли, и ты мне про соседей наших рассказывала.

— Вот оно что. Ты не молчи никогда, хорошо? Рассказывай мне всё. Твоя интуиция нам в помощь будет большую. Так, всегда было. Мы солдат наймём на службу на полгода, вот и приказчик мне сказал, что подозрения у него есть, что за нами догляд установлен. Не переживай, а бабушке и всем остальным не говори пока ничего. Нам бы только понять, кто его заслал, нужно убедиться, что нецарских это рук дело. Хотя, что в том такого, что мы едем обратно в место своей ссылки? Долги все уплачены и мы, собрав урожай, возвращаемся в своё далеко уже не княжеское имение.

Он сразу всё про нас понял - оценщик *«без содержания»*. Так, их называли при дворе. И вправду, к чему ему оно, содержание, если у него и так дела в полном ажуре. Об этом говорило всё в нём, и прежде всего взгляд. Цепкий, не отпускающий. Проницательный, будто раскрывающий тайны. Он словно был отражением его души и нёс в себе глубокий элемент осознанного предчувствия; он казалось, тихо рассказывал, что всё знает о нашем странном положении:

«...князя только титул на словах, всё что осталось от благородного рода — голь перекатная».

Отчего же так вдруг стало, что от него я вдруг напиталась силой и уверенностью, будто выпив до дна этого человека, который, вздрогнув в недоумении, опустил взор. Хотелось ещё, я замерла оттого, что осознала это. По спине пробежали мурашки приятного тепла и наслаждения.

Стараясь не думать о произошедшем, сдержанно вспоминала всё, что рассказывал Георг про алмазы и бриллианты. Подарив мне серьги с крупными камнями первого порядка, он мог об этом часами говорить, восхваляя прежде всего свои возможности.

Итак, ювелир — поставщик, из клана Кеммерер, что обслуживает семью самого генерал-губернатора Москвы, именно так мужчина представился, стараясь больше не смотреть мне прямо в глаза, раскладывал на столе свои инструменты и мешочки.

Месье Людвиг - мужчина без определённого возраста, небольшого росточка с совершенно неухоженными зубами. Улыбка портила ему внешность, и он об этом знал.

Он проникся вдруг удивительным уважением разглядывая нас с Дарьей Алексеевной и его лёгкий поклон стал более уважительным. Он украдкой глаз не сводил с далеко не скромных украшений на мне и Дашеньке и её белозубой улыбки. Хотя больше ничего и не было заслуживающего его внимания, хотя нет... объёмный кошель со множеством отделений в моих руках.

Я отчего-то специально смешала перед выходом золотые Наполеона с серебром России в нём, а затем молча наблюдала за взглядом карих глаз на выкате, который сканировал и оценивал плотность объекта в моих ладонях.

— Ваше сиятельство?

Даша молчала, не сильна она была в таком, хотя, возможно, просто предоставила мне возможность оценить имеющиеся в запасе у нас активы, которые она считала ещё пока только моими.

— Месье Людвиг, я не готова долго вести с вами переговоры, заранее зная курс рубля серебром на сегодняшний день, к допустим золотым франкам. Заметьте, я говорю только про серебро. Мы не берём во внимание бумажные ассигнации.

— Да ваше сиятельство.

Он словно наслаждался моим голосом, но смотрел мимо. А после только на кулон, по-видимому, получая эстетическое удовлетворение от сияния рубинов на моём тёмном наряде.

— Начнём с обмена. Вы не против?

И месье Людвиг будто понял, что от его честности сейчас зависит очень многое. За два наполеондора стоимостью двадцать и сорок золотых франков он выложил стопками серебряные монеты, доставая их откуда-то из-под полы. Карманы у него там нашиты что, ли? Бездонные.

Наблюдала. Спокойно дыша, вспоминая поведение Георга в таких ситуациях и величие бабушки. Смешивала всё в коктейль под названием *«высокое родовитое и очень, очень светское поведение»*.

— Пересчитайте, ваше сиятельство.

Не было льстивой улыбки и ещё чего-то непонятного в нём, он будто чувствовал, что его ждёт удивление, небывалое. И снова взгляд на серьги, что качнулись на Даше. Он был уверен, что очень правильно произвёл обмен.

Итак, триста пятьдесят три рубля серебром — Даша была права, целое состояние для нас.

— Приятно иметь с вами дело, месье Людвиг, вы округлили, как мне показалось стоимость золотых в большую сторону с выгодой для нас. Или пока мы путешествуем, курс изменился?

— Не изменился, ваше сиятельство, нет. Но ведь это не всё миледи? Если вам удобно, мы можем перейти на английский язык.

- Не стоит, месье, я предпочитаю говорить на том языке, на котором говорят мои родные люди; к тому же вовсе не желаю слышать родную речь месье Бонапарта. У меня есть очень чёткое убеждение, что враги, они должны молчать. Как у нас говорят: *«хороший враг- это мёртвый враг»*. Тем более, негоже нам русским, в данный момент говорить на языке завоевателей. А он звучит так часто на улице и в салонах, что я порой забываю, что я в России, мне кажется, что я опять нахожусь проездом во Франции.

Моё резкое высказывание заставило его доложить ещё один серебряный рубль в стопку.

Этак мы его дожмём и разорим.

Хотя это вряд ли.

Понятно, что он заметил особенности моего произношения, списав их на то, что я недавно приехала из Англии. Понятно, что он знает о вечной вражде таких двух государств, как Англия и Франция, даже не представляя, что ожидает Россию в будущем.

Дарья Алексеевна молча сложила серебро в ларь, закрыв его на замочек. Стол перед нами опустел. Это был знак, мы удовлетворены происходящим.

А далее одев тоненькие перчатки, я достала из кошелья лоскут чёрного бархата, небольшой мешочек и пинцет; вещи двадцать первого века. Расстелив бархат на столе; аккуратно пинцетом выудила из раскрытого ювелирного мешочка один бриллиант, по моим подсчётам около пяти карат. Затем второй, как будто парный ему. Учítывая, что в серьгах, что дарил

Георг, на бирке оценщика, в своё время я читала значение в четыре карата, думаю, я ненамного ошибалась.

— Я хочу познакомить вас с ними, месье Людвиг. Пока только познакомить.

— Да разве же это бриллианты?

— А разве нет? Тогда что может быть столь прекрасно? Вас смутила огранка? А я думала, восхитит. Ознакомьтесь.

Передала ему пинцет. Удивительная моторика была у этого совсем не молодого человека. Точная и цепкая. Он долго разглядывал камни в увеличительное стекло ювелира. Подходил к окну, а затем взвешивал каждый самоцвет.

— Они продаются?

— Можно и, так сказать. Вы ведь понимаете, что всё имеет свою цену. По сути, в этом мире продаётся всё.

Он замер, ловя мою улыбку.

— Они безупречны, ваше сиятельство.

— Это так.

Я передала ему мои расчёты по оценке камней на скромном листке бумаги. Нужно отдать должное его выдержке, он выстоял. У бабушки я разведывала, как формировались цены на такие вещи в Первопрестольной. Узнала о тех, что были актуальны около пяти лет назад, и, конечно же, зависила их в несколько раз.

— Цена на них постоянно растёт, согласен. И это предел, учитывая работу мастера огранщика. Но цены эти также могут и понизиться, вследствие чего в настоящее время я большого запаса не держу.

— А я вам советую это делать. А в чём ещё хранить активы? Рубль обесценивается, ассигнации, про них вообще стоит ли вести разговор? Крестьяне болеют и мрут, прости боженька мой сарказм, а новые месторождения не открываются. В продаже находятся лишь те, что привезены из Бразилии, я правильно понимаю? Представляете себе каким должен был быть минерал, чтобы мастер мог добиться таких идеальных параметров. Сколько ему пришлось срезать сырья и как всё точно рассчитать?

— Это не Бразилия. Они идеальны и холодны словно лёд.

— Это так. Я хочу вам показать свои наброски именно с этой парой, посмотрите. Размотав свёрнутые листы плотной бумаги, я представила его внимательному взору эскизы серёг с бриллиантами. Перстень был не так проработан мною в деталях, но он обозначился для полноты гарнитура.

Чертежи изделий были с разных сторон, в разрезе и в узлах; увеличенные и очень благородно выглядевшие.

— В окружении васильковых сапфиров это будет произведение искусств. Хотя рубины будут весьма кстати. Я с осторожностью подбирала бы изумруды. Разве что из Колумбии.

— Но здесь необходимо три бриллианта, ваше сиятельство.

Отчего мне так нравится с ним вести беседу?

— Три, согласна. Но в перстне он на порядок большего размера, а значит, и дороже, и, возможно, чище. А вы ещё эти у меня не купили.

— Мне кажется, мы с вами родились в одной стране, миледи.

— Я вообще не люблю границ между странами, месье Людвиг главное мы живём в одном мире.

Один только мускул дёрнулся на его лице и глаза, они вновь смотрели в упор в мои. Я не «пила» его больше, а он и не позволял, воздвигнув вокруг себя непонятное поле. И нам удавалось так существовать возле друг друга.

Бриллианты, я думаю, были из Якутии; из знаменитых месторождений, которые в России откроют намного позже — приблизительно через два века с небольшим. Чистейшие и, наверное, лучшие в мире.

Итак, мы договорились о стоимости одного карата. Я уступила. Триста сорок рублей серебром за один карат. Произведя расчёт, месье Людвиг сгрёб одним взмахом руки мои чертежи — он покупал всё. Не выпуская из рук пинцет и удивительные прозрачные пакетики из слюды с самоцветами, смотрел на бархат. Я молча сдвинула его в сторону мужчины рукой.

— Вы обещали, миледи.

— Обещала?

— Камень для перстня.

— Я могу вас пригласить в наше имение в Муроме, месье? К Рождеству. Я подготовлю самоцвет. И сделаю именно для него в деталях наброски перстня.

— Разве ваша семья не спешит с делами в Первопрестольную?

— В Муром, месье и вам того же желаю.

Он, шевеля губами, впитывал информацию как губка.

— Что это было Оля? Я не решаюсь тебя более назвать Оленькой. Ольга Андреевна?

— Сама не знаю Дашенька. Нам несомненно нужно решить вопрос с охраной. А знания по камням и уверенность..., я и не знаю, как они сложились в единое. Что-то у бабушки спрашивала в дороге, Георг много рассказывал, да я не обращала внимания. А ещё я для его знакомого снимала ювелирные украшения для рекламы салона в центре города. Ещё софт бокс специальный и свет выписывала. А он всё делился впечатлениями о новом месторождении в Якутии и показывал мне его на карте.

Мой взгляд остановился. Неужели Георг..., его командировки последние. Господи.

— Это целое состояние, больше чем три тысячи рублей серебром, Оля. Мы можем снять на год новый дом в Питере и жить ни в чём, не зная нужды.

— Нет, Дарья Алексеевна. Мы поедим — таки в Муром. Отремнтируем фамильное гнездо, расселимся, позаботимся о людях, что доверились нам. Не забывай о моём положении. И нам просто необходимо своё производство хоть чего-нибудь. Нам негде будет садить картофель и овощи на следующий год, французы будут под Москвой. Оставь Питер. Не стоит пока идти на поклон к богам Олимпа, они сами спустятся к нам.

Глава 12

Их было трое. Служивые, в волнении смотрящие на нас с Дашей, замершие в пыли проездных путей возле загрузённого под завязку обоза.

В глазах двух застыла надежда, а третий, он словно и не живой был; на костылях, заросший, волочащий ногу, с потухшим взором. В ветхих шинелях с чужого плеча они были печальным прообразом, вероятно, тех себя, которые браво шли на службу в своё время.

Их сопровождал пёс. Наверное, именно с таких когда-то начала своё шествие по России порода кавказских овчарок. Шерсть, у которых была достаточно густой, в связи с чем они легко могли переносить сильные морозы в горах; выглядели они очень массивными за счёт густого подшёрстка, особенно в зимний период времени.

Но не в этом случае, подшёрсток был совсем негустым, пёс был истощён, шерсть свалилась по бокам, он явно не готовился к зимнему периоду в России, в принципе, как и все мужчины, из его компании.

Я не поняла, в какой момент кавказец оказался возле меня. Это произошло неожиданно и было весьма непредсказуемо. Вот вроде бы он стоит возле подводы, приняв к тому, что в ней находится, наверное, разыскивая съестные припасы. Людно. Мы следующим ранним утром собирались в дальнейший путь.

А вот! И я застыла на месте: меня кто-то осторожно толкнул носом в живот. Застыли все. Дыхание замерло где-то на середине своего пути. Не делая резких движений, неосознанно разворачивала внутреннюю сторону ладоней к тому, кто мог при желании, встав на задние лапы, без особого труда опрокинуть меня на землю, выложенную местами каменной брусчаткой.

Но он не хотел плохого, он смотрел на мои раскрытые ладони. На лицо. И будто в самую душу, и я понимала, что не хотел...

— Оля!

Даша могла всё испортить, её голос был на грани.

— Я ведь могу доверять тебе? Моя помощь, она нужна?

И ладонь уже лежала на огромном лохматом лбу животного, который позволив мне это сделать сдерживал острое уже своё дыхание, боясь спугнуть нерешительную леди. Он просто сидел рядом. Взрослый и огромный, и его невозможно было приручить или переучить заново; он был таким каким мы его видели в данный момент; словно выбрав объект для охраны, он был непоколебим в своём решении.

— Он ваш? Служивый?

Я почему-то обратилась именно к тому, кто был на костылях. Мне он казался старше и солиднее. В ответ просто пустота во взоре серых глаз, и молчание.

— Ваше сиятельство, госпожа!

Я недоумённо подняла бровь.

«- *госпожа*»?

-Просто, миледи.

— Миледи, он родом из Мидлсбро, это Северная Шотландия. Он не понимает вас, не говорит на русском языке. Мы вместе бежали из плена. Его нога после пыток, вроде и зажила, и мы решились на побег, но в пути стала гноиться рана, в госпитале при монастыре лекарь говорит, что отнял бы полноги, по колено, что ещё немного и больше ничего нельзя будет сделать. А пёс, он прибился в дороге, он не наш. Хотя был всегда рядом, будто вёл нас в горах в нужном направлении. Не гоните его. И нас..., не гоните...

Я слышала взволнованное дыхание рядом. Даша, при всей её боязни собак, она нашла в себе силы встать рядом. Я повернула голову на её присутствие, наши глаза встретились, и я увидела молчаливое согласие.

— Мы разве можем себе это позволить, Дашенька? Ведь ты не о такой охране говорила, Сергей Фомич явно перегнул палку.

— А если не мы, то кто тогда?

— Весь свет не обогреешь родная.

— А мы их не обогревать, на службу берём. Отработают. И шотландцу найдём применение. А нет, после войны домой отправим.

— Ну что же руководи тогда ещё одной бригадой. Я так поняла, меня уже под охрану взяли.

— Можешь убрать руку с его головы, Ольга? Мне кажется, его нужно помыть и остричь колтуны. Ты в положении и это недопустимо, хотя бы надень перчатки.

Я была в корне не согласна с тем, что слышала, но старалась говорить, как можно мягче:

— Кавказца, перед дальней дорогой помыть? Княжна, это не комнатная собачка. Его нужно покормить, как, впрочем, и всех остальных. Не более.

— Что скажет бабушка Алекс?

— Это так... что-нибудь да скажет, а как же без этого.

Её голос был тих. Но Даша уже привыкла, что её слышат и слушают все.

— Сергей Фомич, служивые как я поняла беглые.

— Беглые из плена, ваше сиятельство, но не крестьяне, нет. Один из них младший сын писаря, второй доктора земского. Про калеку вы уже всё знаете.

— Хорошо. Под вашу ответственность я приму это решение. А значит, нужно будет накормить их, подготовить к дороге, завтра выезжаем. Ногу у шотландца я осмотрю вечером, подготовьте мужчину. Его необходимо побрить и помыть, нам только вшей ещё не хватало. Больную ногу только не мочите, я сама..., как в монастыре учили. Про жалование поговорим по приезде в Муромское имение. Хочу в деле посмотреть служивых.

— У Семёна Софронова, — это тот, что выше да шире в плечах, дочь при монастыре проживает, думали, что сиротка, мать преставилась год назад. В послушницах ходит, ровесница нашей Жданки.

— Забрать. При отце воспитание получит. В услужение ко мне пойдёт.

— Девочка грамоте обучена, но нужно будет заплатить за неё в казну монастырскую.

— Вот и ладно Сергей Фомич, сделайте как нужно, знаю, лишнего не дадите. Завтра выезжаем.

И всё словно завертелось вокруг, оттого что люди получили цель. Выезжаем. Служивые были взяты в быстрый оборот.

Кавказец появился к вечеру у дверей нашего номера. Наконец-то сытый и чистый. Он со вздохом лёг в коридоре на пол. Были слышны разговоры гостиничных служащих. Положив голову на лапы, он со вселенской тоской наблюдал за проходящими мимо испуганными половыми и горничными.

Приоткрыв двери нашего номера, я смотрела на него, не представляя, что мне делать с этой историей.

— Заходи, только тихо. Бабушку не разбуди. Не цокай ногтями по полу..., горе моё... луковое.

— Я не сплю, Оленька. Кто там?

Понимая, что уже поздно что-либо менять, окончательно пропустила пса в номер.

— Бабушка, он одну только ночь с нами побудет. Такой милый, правда? Я просто не успела вам рассказать.

Она стояла в дверях своей спальни и грозно молчала, кутаясь в старенькую шаль. Ожидание было томительным.

— Бабушка, дорогая, ну что же вы на боссу ногу вышли-то?

— Ты всё та же! Ты совсем не изменилась. А я уже сомневаться стала. Тащишь в дом всех дворовых псов и котов. Скоро матерью станешь, баронесса... Как дитя-то воспитывать будешь?

— Бабуля, посмотрите, у него порода на морде, будто кисточкой художника написана. Он послушный. Он охранять нас будет. Лежать, тихо себя вести, понял? В туалет захочешь, меня разбудишь.

Заспанная Даша, выглянувшая из нашей комнаты, застывшая в шоке, совсем не понимала, что происходит.

— Ольга, а этот зачем здесь?

— Сей хан, они сами заявили, она их не звала, — бабушка хмурила брови, — или звала всё-таки?

— Бабушка Алекс, вот вы и имя ему придумали, пусть будет Хан. Но разве же не благородных кровей он, если и имя сразу нашлось?

Пёс залёг возле самой двери. Слушая нас, он всё же не спускал с меня взора.

— Пусть охраняет, если ему так угодно, мне отчего-то так спокойнее, глаза у него умные, насчёт благородства сомневаюсь, если честно, — Даша, вздыхая, пошла в спальню.

— Оленька ложимся. Гасите свечи в гостиной и скажи своему Хану, чтобы не лез в постель.

— А то помните в детстве..., — подхватил тему голос бабушки, а после долго рассказывал о котёнке и ещё о ком-то..., кого Оленька со двора несла в свои комнаты. Голос этот был в радость, потому как бабушка в последнее время всё больше тревожно молчала, но спустя какое-то непродолжительное время он, выдавая свою уставшую хозяйку, становился всё тише и тише, а после и вовсе затих...

«... действительно, учитывая нашу сегодняшнюю выручку, пусть псина спит рядом, главное, чтобы Жданка не испугалась поутру».

— Что там у служивого с ногой? Смотрела?

— Вскрывать пришлось, чистить. Сильное воспаление тканей, гной, ещё немного и ампутация не спасла бы его. В телеге лёжа поедет до Муррома, антибиотик, толчённый в порошок, пришлось дать с питьём, да рану стрептоцидом сдобрить, когда зашивала её. Место уже ему подготовили в телеге с сеном для бурёнки. Укроем старыми шинелями и одеялами, довезём до следующей гостиницы, а после сделаю перевязку. Дренаж вывела, протянет. Молчит да разглядывает меня исподтишка, глаза, синие они у него, что небо наше летнее.

— А мне показались самыми обыкновенными — серыми. Прости меня, Дашенька.

— За что? Чего опять я не знаю? Ты ведь зря прощение просить не будешь.

В её голосе слышалась лёгкая усмешка.

— Что из-за меня институт не закончила и медсестрой работала в клинике.

— Нашла что вспоминать, спите, миледи. Завтра снова в дорогу. Лучше бы я в родильное отделение перевелась в своё время о то стоматология...

— Тихо, а то бабушка услышит. А как он боли-то выдержал, шотландец тот?

— Никак. Сознание потерял. Держали его друзья вначале, а после уже без надобности было.

— Лекарств, ты сколько с собой прихватила?

— Немного, не рассчитывала на такие вот обстоятельства.

А далее мы слушали ровное дыхание спящей женщины в дальней комнате и её тихий храп, осторожные шаги Хана, который переместился от входной двери ближе к нашей комнате. Слушали жизнь гостиного двора в начале девятнадцатого века; улица жила своей жизнью — историей старинного города.

Серебряные лучи полной луны окутывали фасады зданий, проникая сквозь портьеры в комнаты. Шум от движения старинных экипажей и от цоканья копыт по булыжной мостовой не давал сомкнуть веки с непривычки.

Казалось, затихни эти звуки и будет дан призыв к пробуждению скрытых страстей и тайных дел в городе. И таинственные фигуры в плащах выползут из тёмных уголков подворотней, смешиваясь с тенями, что ложатся от лунного света повсюду, они будут красться и замышлять недоброе... Ух, страшно!

— Всё по-другому, нежели в деревне. Да?

Прижавшись к Дашеньке, уловила тихое движение внутри себя.

— Будто сердце бьётся в животе.

— Дитя?

Её ладонь легла на моё тело.

— Непокойно. Быстрее бы в дорогу и оказаться в доме, принадлежащем нашей семье.

— Спи, всё обязательно будет хорошо. С собакой спокойнее? Да?

— Угу.

И снова несколько дней в пути. Нам пришлось порой знатно тесниться в стареньком экипаже, потому как пёс по только ему понятным соображениям периодически, после временных остановок в дороге, ложился у меня в ноги и однозначно раздражая бабушку Алекс своим поведением, молча лежал, прислушиваясь к происходящему.

Возможно, он просто уставал от долгих переходов и таким образом важно отдыхал. Кто знает, что у него было на уме. Я не хотела его отгонять. Наблюдала за его поведением, спокойно отдавая себе отчёт в том, что так действительно спокойнее перевозить ларец, набитый серебром в одном из дорожных сундуков, что стоял под лавкой, на которой я сидела.

«- ну что это исхудавшее создание может сделать? Только видом своим отпугнуть лихоимцев».

Эти мысли я читала в полной иронии взгляде княгини, что восседала напротив с прямой спиной.

Но на последнем постоялом дворе, где мы ночевали, Хан полностью заслужил возможность жить в нашей семье и значится нашим почётным сопровождающим, так как самым обыкновенным образом, беззвучно запустив вора в наш номер, просто на просто не выпустил его, повалив незнакомца на пол и аккуратно сжав его горло своей пастью.

Главное всё произошло бесшумно. Как говорится, без пыли и грязи.

Но по порядку...

В тот вечер Даша пыталась хоть как-то смыть пыль от дороги в допотопной стариной ванной, уютно спрятавшейся за высокой ширмой. Бабушка заняла соседний номер. Я же, приняв лёгкий душ, который Даша устроила для меня с помощью небольшого кувшина и тёплой воды, задремав с дороги, ожидая ужин, совершенно уже не считала нужным его принимать, потому как сон, вступив в свои права, уносил меня в царство Морфея.

Напоследок, в голове билась только одна осознанная мысль.

«- Господи, как велика Россия, мы как извечные кочевники по ней с Дашей..., и что самое удивительное, путешествующие практически в телеге. Где тот внедорожник в далёком будущем, что я оставила у мастера на его стоянке? ...»

Большая, добротная и на удивление чистая комната номера, вместила в себя огромную дубовую кровать с резным изголовьем и тяжёлым старинным пологом, зону для принятия обе-дов, большой ковёр на полу, гардеробный шкаф с чистым бельём, ширму и ванну за ней. Чувствуя окончание нашего недельного путешествия, я очень благосклонно приняла это место для ночёвки; спокойствие и, нега заполнили сознание, сытый Хан занял удобную позицию под сто-

лом. Так ему лучше было меня видно. Мы долго с ним играли в гляделки. Пока я не уснула, окончательно.

Крики о помощи, они всполошили весь постоялый двор. Кузина Дарья сжимала руками на груди воротник атласного шлафрока, а по-нашему просто халата, длиной до пят; её длинные влажные волосы кудрями романтично обрамляли испуганное личико и спускались практически до пояса.

«-... как в кино, только рыцаря не хватает».

Она звала хоть кого-нибудь, а я, вскочив с кровати, задыхаясь, уходила от бессилия в панику, и первая мысль про рыцаря, она казалась мне очень глупой и дурной.

Это я, после, придя в себя, закутавшись в одеяло, наблюдала из-за полога, как из наших номеров полиция выводит незнакомого смуглого мужчину.

А в тот самый момент, в одной тоненькой ночной сорочке, в шоке смотрела на огромную пасть своего пса. Мои дрожащие руки в защитном рефлексе легли на живот и прикрыли грудь.

«- Господи, как такое возможно?»

Семён — служивый, он появился внезапно и, спрятав Дашу к себе за спину, что-то крикнул в дверной проём. Шум! Грохот на лестнице. Топот и множественные голоса.

Мне подали одеяло, а после, просто завернув в него и рывком оторвав от пола, отнесли на кровать. Кто?

Не помню! Голоса. Стало страшно. Дрожь, неконтролируемая, слёзы и голос... далёкий.

«- Георг, он нашёл меня!»

Стук дверей на первом этаже строения.

Захотелось спрятаться в более привычной обстановке. Затаиться, найдя безопасное место. Закрыться! Нужно обязательно сделать это. Паника накатила огромным валом солёной воды. Я не могла дышать.

— Оля. Нет. Не думай об этом. Это не то, что ты думаешь.

Голос Даши, запахи и шум в сознании — магистрали большого города перед глазами.

— Оля я здесь, посмотри мне в глаза. Успокойся.

- My Lady, give the command. (*миледи, дайте команду*).

Я перевела взгляд на неизвестного мужчину, говорившего со мной на странном, ломаном английском языке, на бабушку, которая прижимала меня к себе.

— Оленька, она сомлела от страха. Княжна, Дарья Алексеевна, сделайте же хоть что-нибудь, она так дитя потеряет.

- Give the command, to whom? (*отдать команду, кому?*).

Сухие губы будто трескались от любого сказанного слова.

- Your watchdog, my lady. (*вашему сторожевому псу, миледи*).

Он стоял, опираясь на один костыль, и требовал от меня непонятных действий резким голосом.

Не понимала, что от меня хотят эти люди, в голове стоял шум прибрежной волны. Пальцы Даши сильнее впились в мою ладонь. Её шёпот вонзался в сознание.

— Оля. Вернись к нам. Прошу.

— Ваше сиятельство, Хан сильнее сдавливает горло проходимцу, он скоро не сможет дышать, пёс нервничает, не видя вас, слишком много людей набилось в комнату. Мы хотим допросить злоумышленника, смерть незнакомца в вашем номере получит слишком большую огласку, этого нельзя допустить. Хозяин гостиницы вызвал земского исправника, отзовите пса, он услышит вас.

Мысль Сергея Фомича была мне понятна, и я кивнула в согласии.

«- смерть нельзя допустить».

— Чью смерть?

— Мужчины, что лежит на полу, Оленька позови Хана.

И в тишине, слабым голосом, совершенно не надеясь на то, что меня услышит то чудовище, что замерло над телом незнакомца, я окликнула его.

Через минуты безмолвия в комнате, когда взгляды присутствующих не отрываясь смотрели на моё бледное лицо, он лёг рядом, запрыгнув на кровать и подсунув свою лобастую, тяжёлую голову мне под ладонь.

«-... он действительно чудовище, и пусть, зато верное...».

— Спасибо, Хан. Ты молодец. Хороший... Мальчик мой. Защитник.

Шептала, не придавая значения тому, что это слышат все.

— Ольга Алексеевна, он не должен находиться в вашей постели, это приказ, — голос бабушки высверливал мне мозг.

Кивая в согласии, уютно устроившись возле пса, я на момент прикрыла глаза.

— Хорошо, ваше сиятельство, я только немного отдохну, мне так спокойнее.

Глава 13

Утро, проснувшись в объятиях Даши, под вздохи угрюмого Хана, я с ужасом вспоминала о вчерашних событиях. Приоткрыв веки, наблюдала за встревоженным лицом кузины, которая во сне хмурила сосредоточенно брови, словно заклинала силой мысли тёмные силы.

«-... не сон, не придумала себе, не так безопасно с благородным титулом, в России, как казалось изначально».

Пёс, расположившись рядом на полу, всем своим видом показывал, что ему не до наших переживаний, что он настроен весьма решительно, и готов, в скором времени будет посетить местную кухню и отхожие места внутреннего двора. Он поворачивался на звуки в коридоре, ожидая, когда придёт Жданка и выведет его на улицу.

Прошедшая ночь не принесла желанного отдыха, в сердце будто замерла грозовая туча тяжкого послевкусия.

— Слышу, ты проснулась, Оля. Всё хорошо?

— Даша, я хочу домой. Каким бы он ни был наш дом в этом мире. Мне страшно. Я не хочу слышать разговоры о показаниях нашего вчерашнего гостя, о следствии и тому подобных вещах. Я хочу, чтобы за нами закрылись плотно двери недвижимого имущества, принадлежащего нашей семье. Хочу, чтобы закрылись все замки на этих дверях. Хочу отдохнуть от дороги.

Понимала, что столько *«хочу»* я не говорила, наверное, с самого детства, но мне было всё равно.

— Оля, сразу после завтрака мы будем в дороге. До Муромы осталось часа два неспешного пути. Все разбирательства будут уже дома. Успокойся. Хан, вчера усыпив тебя сразу слез с кровати на пол, он действительно всё понимает. Бабушка была строга, её голос раздавался на весь гостиничный двор. Она настаивала на допросе с пристрастием.

— Что он делал в нашем номере? Кто этот мужчина? Его будут калечить пытками?

— Предположительно он следовал за нами с самого начала нашего пути. Сергей Фомич успел шепнуть мне, что это крепостной нашего соседа Ахшарумова. Он видел клеймо у него на руке.

— Зачем чужой крепостной проник в наш номер? Отчего у него клеймо?

— Думаю, он видел ювелира, выходящего от нас во Владимире, и решил на подлость, понимая, что обнищавшие мы пребывающие в нужде, заложили что-то из своих последних украшений, а значит, в комнате есть деньги. Клеймят, обычно бывших беглых, значит, он был уже наказан за что-то. Сейчас ему грозит каторга.

«-... как всё просто можно объяснить и сложить вину на одного человека, но ведь он должен был понимать, что, будучи пойманным, будет жестоко наказан, почему же тогда пошёл на такой шаг, по своей ли воле?»

Мы проезжали мимо деревянных домов, оставляли позади улочки и городские площади, торговые ряды и спуски к реке.

Значимое место в городе занимали монастыри и церкви, как и во Владимире духовные ценности играли важную роль в жизни города.

Бабушка Алекс рассказывала, что Муром -это крупный центр торговли, ремёсел и купечества. Что каменные палаты, где продавались различные товары, а также ярмарки и базары, собирают всегда множество купцов и жителей не только самого города; сюда съезжаются купцы с Урала и Сибири.

Каменных домов было совсем немного, и мы зачарованно разглядывали глубинку России — её воплощение размеренной среднерусской жизни, расположившейся на высоком берегу

реки Оки. Свернули с центральной — Московской улицы и всё время держали ориентир на церковь Рождества Христова. Удивительное спокойствие снизошло на разум.

«...какие места, как всё по-другому, как ужиться в этом мире, не выдав себя?»

Этот дом стоял в небольшом квартале на отдалении. Высокие тополя, что росли на заднем фоне небольшого имения, летом, возможно, давали спасительную тень от полуденного солнца, сейчас же, подперев синь небесную огромными голыми кронами, они с удивлением разглядывали вновь прибывших. Река была действительно совершенно недалеко, холодный ветерок шевелил одежды прохожих, они ёжились и смотрели нам вслед, гадая, наверное, откуда прибыл обоз.

Каменное строение ловко огибало один из углов перекрёстка, который образовался из пересечений двух проулков. Дорога возле дома была выложена большими округлыми булыжниками, что очень радовало удобными возможностями не утопать в грязи в непогоду. Я мысленно представляла, как могла быть разбита часть улицы без покрытия, во время дождей и слякоти, по которой ездили телеги и экипажи, ходили лошади и люди.

Нижним, цокольным этажом, будто вырастая из каменистого склона, дом заставлял себя уважать удивительно внушительным видом. Первый этаж был жилым частично. В некоторых моментах он был достаточно высоким на внешнем виде фасада, но всё же с боков действительно служил больше фундаментом, утопающим в наклонной улице.

Бабушка хмуро смотрела на старую штукатурку на главном фасаде и грязные окна, закрытые ставнями; обвалившийся забор, который соединял другую часть здания с огромными старыми воротами, он был совершенно неприятным зрелищем. Дом был угловым; он уходил северной своей стороной в тень проулка, в сторону реки.

Было понятно, что никто нас не ждал, и не готовил уютный дом к нашему приезду. Встретившись с пожилой дамой глазами, я виновато опустила взор, мои исколотые иглой, от долгой работы швейей, пальцы перебирали шерсть на лбу у Хана. Даша молчала.

Казалось, Соколинская Александра Васильевна прозрела. Она смотрела на нас с Дашей в упор, узнавая, наверное, переделанные свои, когда-то очень шикарные наряды и начинала всё понимать. Я слышала её дыхание. Прерывистое и очень взволнованное, сердце разрывалось от жалости. И что-то рвануло внутри, как созревший гнойный нарыв.

«...хватит говорить ей неправду, пусть будет, так как есть, мы бедны..., но у нас есть дом и крыша над головой, и это главное».

Последней каплей были дрожащие губы пожилой женщины и полные слёз глаза.

— Бабушка, вот мы и дома. И он действительно заждался нас. Пойдёмте встретимся с ним и начнём всё с белого, чистого листа. Мы не будем жить прошлым, хорошо?

«...если только оно само не найдёт нас».

Гнала прочь глупые и дурацкие мысли, получив ещё один толчок изнутри; неминуемое, полное осмысление происходящего.

Я открыла неказистую дверцу нашего экипажа, который с честью выдержал недельный переезд и выпорхнула на улицу.

— Хан, за мной!

Выпрямив спину, вздыхая удивительно чистый морозный воздух, ждала. Прекрасно ощущая взоры не только проходящих мимо и спешащих по своим делам жителей Мурوما, но и тех, кто застыл возле окон соседних домов. Их перекрёстный огонь вызвал на лице лёгкую улыбку, а рука тянулась с помощью для той, которая, не отрываясь, смотрела мне в душу.

— Оленька...

— Княгиня Александра Васильевна, у нас непременно всё будет хорошо. Я вам обещаю. Есть только маленькая неувязка...

Её брови удивлённо взлетели, а глаза расширились.

— Совсем маленькая?

— Absolutely! Понимаете, я совершенно не помню, где здесь вход, а значит, и выход, и что нужно открыть, чтобы попасть вовнутрь? И главное — где моя спальня и художественная мастерская?

— Вы не бывали здесь в детстве миледи.

Бабушка растерянно развела руками. Она несломленная, выбравшись наконец-то из экипажа стояла на улице и гордо смотрела на окружающий мир.

— Я обязательно исправлю этот конфуз, ваше сиятельство.

— Я помогу вам, леди Майерс, из Монкстауна, что в Ирландии.

Взглянув на Дашу, я вдруг поймала будто солнечный лучик её улыбки и весело рассмеялась. Через секунду мы смеялись с ней уже вместе. А бабушка, непонимающе, сдерживая улыбку, хмурила брови.

И к нам уже спешили наши люди, а ещё пожилой мужчина, открывший изнутри калитку, что располагалась возле старых ворот городского имения.

— Он прекрасен, этот дом! Господи, какое чудо, у нас наконец-то есть свой каменный большой дом.

Шла первая за сторожем в сопровождении служивых и верного Хана.

— Знакомьте нас милейший с ним, я хочу знать всё.

Те первые часы нашего пребывания в имении Муромы я с трудом сейчас могу их вспомнить, чувства переполняли. Во-первых, мы наконец-то доехали, а во-вторых — дом был очень хорош. Нам не доводилось с кузиной купаться в роскоши, там в двадцать первом столетии, а о таком доме мы и мечтать не могли.

Первое, что бросалось в глаза, — это превосходно сохранённая архитектура здания. Уникальные резные деревянные двери в помещениях и окна, высоченные потолки с изысканной лепниной, декорированные ею колонны.

Удивительно красиво оформленные печи изразцами в глазури, в стиле екатерининского дворца, они заслуживали отдельного моего внимания.

Я слышала голос Даши, спокойный и рассудительный, который просил женщин затопить печь на кухне и начинать готовить нехитрый обед, мужчины занялись разгрузкой пока самого необходимого. Местный сторож также собирался растопить все имеющиеся в наличии печи, утверждая, что они вовсе не дымят и внутренние проходы для горячего воздуха в стенах все прочищены.

Мы же решили определяться с комнатами и покоем.

— Хочу сразу апартаменты с детской и ванной комнатой, гостиной и своей спальней. Что скажете бабушка?

Я просто шла по широкому коридору слыша вслед что-то, удивлённое про ванную комнату; открывала двери небольших кабинетов и апартаментов, библиотеки и подсобных помещений.

Старенькая отделка всех помещений заключала в себе элементы стен и потолков, затянутых плотными холстами, выкрашенных краской, основой для которой служил клей. Клей делал краску прочной и водостойкой, со временем всё только выщело и покрылось пылью, но это было очень даже решаемо.

В двух небольших залах — гостиных на стенах сохранились фрески с фрагментами эпизодов охоты гусара верхом на гордом жеребце, в сопровождении гончих псов и с соколом на согнутой руке бравого мужчины; прогулок дам в старинных уборах по парку возле реки.

В кабинетах отделка была из дерева, а в одной спальне, которая мне особенно приглянулась, холст на стенах был выкрашен в однотонный цвет, когда-то, наверное, тёмно-серый. Сейчас же в лёгких жемчужных тонах с белой лепниной под потолком, она была совершенно в моём вкусе.

Учитывая, что мебели практически не было в комнатах, уборку решили начать сегодня.

Я смотрела на вид из окна и потихоньку влюблялась в этот город. Купола и белокаменные стены вдали на фоне прозрачности осеннего неба, они рождали мечты и надежды.

Обойдя всё, заглянув в комнаты и закутки, начав планировать особенности нашего размещения, мы с Дашей уловили необыкновенные запахи, которые изначально значат очень многое для любого уютного и гостеприимного дома.

Ароматы свежего куриного бульона были весьма душищипательны.

«- Лукерья, видимо, уже завела тесто на домашнюю лапшу, мм-красота, не хочу вспоминать о вчерашнем».

Мы сразу выделили весь первый этаж западного и часть северного крыла для семей, которые приехали с нами. Распределив все комнаты, закрыли лишние на временную изоляцию. В северном крыле будут складские и инженерные помещения.

Накормив мужчин, мы отправили Сергея Фомича на биржу, нам нужны были подёнщицы для уборки всех помещений, грузчики и строители.

В ожидании прихода нанятых для работ в усадьбе людей после сытного обеда заняли с Дашей два разных кабинета, спешно протёртых на один раз от пыли. И в скором времени я утонула в заботах по распределению обязанностей для бригады женщин, которые должны были выдраить начисто всё в помещениях.

Начиная от стен, окон и пола и заканчивая уходом за теми приехавшими с нами вещами, что необходимо было расставить именно сегодня. Времени было предостаточно, воды в колодце тоже. Огромный чан с водой уже грелся на плите, запаса угля по подсчётам должно было хватить ещё на месяц.

Сток для отходов немного озадачил нас, своим полным отсутствием, так сказать. Мужчины выносили отходы на задний двор, за наш коровник и территорию садовых насаждений и огорода, в выгребную яму.

Не буду описывать этот день более подробно, скажу только, что на ночь мы с Дашей улеглись спать в чистых и свежих покоях госпожи княгини, на её королевскую кровать, которую не вывезли судебные службы в своё время, наверное, только потому, что и не кровать это была вовсе, а просто дом.

В тепло натопленной комнате было уютно, ко мне прижимались по бокам две самые дорогие для меня женщины. Хан, расположившись у входной двери, как мне кажется, с недовольством смотрел на шикарный предмет старины, а именно печь. С голубыми и белыми рисунками на изразцах так напоминающими гжель она была удивительной. За толстыми стенами не слышны были звуки улицы. А задёрнутые плотные портьеры на чистых окнах создавали отличную атмосферу для полного погружения в сонное состояние.

Этот месяц, последний, осенний и такой удивительный, я никогда не считала его каким-то примечательным, просто переход от золота шикарной осени к снегу и льду не менее шикарной зимы.

Дожливый, серый и слякотный... так ноябрь обычно ложился у меня в душе. Но не в этом году, не в этом городе и уж тем более не в этом веке.

Звон колоколов церквей и монастырей, что нёсся по всей долине реки и города; необъятная синь неба. Морозное утро к полудню становилось чем-то необыкновенным, оно звало на прогулку по старине за новыми впечатлениями.

И всё же, совмещая приятное с полезным мы, все работали словно за двоих. Удивительно, как преобразилась бабушка, которая утверждала меня на день, вела учёт продуктов, текстиля, посуды, запасов угля и дров в хозяйстве.

Берегла каждую копейку, самолично встречаясь с купцами в своём кабинете. Всё было расписано и учтено её твёрдым почерком в амбарной книге.

Английский стиль, он был мне по нраву во всём и строители, убирая лишнее и помпезное, яркое и чересчур претензионное, наводили мой минималистический шик повсюду.

Княжна Дарья же закупила-таки большого диаметра чугунные трубы. Ни в её характере было довольствоваться только разговорами. И за последний уходящий месяц относительно хорошей погоды в Муроме, во внутреннем дворе и огороде имения был выкопан глубокий ров, он вёл в сторону реки и заканчивался, глубокой широкой ямой. В неё вместили большие, сообщающиеся между собой огромные старые пивные бочки. Установили биофильтр из гравия и песка в одной из них. А далее ров, образуя организованный сток, выводил трубу меньшего диаметра к реке. Вся эта конструкция была покрыта настилом из досок лиственница с тремя отверстиями для контроля процесса.

Далее, для эксперимента Даша, разбудив пивные дрожжи, ввела их в один из отстойников, бактерии должны были перерабатывать отходы человеческой жизнедеятельности. Большим плюсом для этого было то, что в это время совершенно были неизвестны продукты большой химии, такие как порошки для стирки и жидкости для мытья посуды.

Во дворе работало человек двадцать строителей, которые копали траншею и заново монтировали забор, зарывали трубы и разбивали для весенних посадок огород, обновляли коровник, пристраивая к нему печь; вокруг колодца обустривая тёплый зимник.

Имение гудело как улей. Я хотела успеть выложить во дворе каменные дорожки, разбив своего рода небольшой, но очень красивый английский сад, дабы не утонуть весной в слякоти и грязи от талых снегов.

Установив в определённых комнатах на этажах приёмники, напоминающие большие жестяные раковины, для жидких отходов, мы несколько вечеров подряд рассказывала бывшим сельским жителям, как этим пользоваться. Все приезжие из деревни семьи были предупреждены о соблюдении чистоты, малейшая оплошность грозила им штрафами.

— Помните, если я увижу хоть одного таракана или клопа, я всегда найду, откуда он приполз, и тогда виновный недосчитается трёх рублей из своего годового жалования.

А в середине месяца бывшим крестьянам была выдана первая зарплата, которую они должны были потратить на зимнюю одежду. Мы отправили с каждой семьёй приказчика. Сергей Фомич, обязан был помогать им с денежными расчётами на рынке.

Жизнь, с таким трудом отлаженная в деревеньке огромными темпами набирала обороты и в городском имении. Эти темпы основательно истратили бумажный финансовый запас нашей семьи.

— Я хочу эти комнаты, Оля. Хочу свой медицинский кабинет.

— Так забирай, дом полностью отписан на тебя, отчего сомнения в душе?

— Не говори так, это наш дом. Твой, мой и княгини Алекс. Я, когда говорю о тех комнатах, бабушка замолкает сразу. Но именно в этих покоях есть своя небольшая приёмная с отдельным выходом на улицу. Наверное, в них принимали князя в своё время народ с просьбами.

К наступлению Нового года я задумчиво вспоминала этот разговор.

Решение того вопроса закончилось-таки весьма положительно для княжны Дарьи Алексеевны. И в бывших комнатах для охотничьих нужд покойного супруга бабушки Алекс был оборудован врачебный кабинет.

Удивительно, как быстро разносится молва и народ, тихонько проторя дорожку к заветному барскому дому, в котором врачевала опальная княжна из Первопрестольной, нёс свои боли и беды. Ведь зубная боль она та зараза, поражает, не разбирая, бедный ты или богатый, купеческого сословия или аристократы у тебя в роду.

«...-Даша хотела свой зубной кабинет и сейчас кормит нас свежими продуктами, которые ей приносят на бартер жители города. Казна семьи по чуточку полнится серебром и ассигнациями. К чему нам пустая библиотека, если все книги были проданы за долги в своё время? Подруга бабушки, графиня Сара Яковлевна, хочет свой портрет со старшей внучкой. Решено- мне нужна большая мастерская».

И всё то в доме вроде устоялось, и бабушка с трепетом рассматривала мой увеличивающийся животик и желала в базарный день купить нам новые наряды с Дашей в самых модных лавках. Она планировала посещения церкви и празднование Нового 1812 года с Рождеством, с шиком.

Александра Васильевна умудрилась идею создания и установки нашего септика, который прекрасно справлялся со своими функциями, продать своей подруге графине Стенбок. Голова шла кругом от её просьб сделать чертежи сооружения. Обладая теперь своим небольшим капиталом, княгиня была весьма решительно настроена.

И я не привыкшая сидеть на месте, носилась из комнаты в комнату с эскизами ювелирки и набросками куполов близлежащих монастырей и церквей в обрамлении великолепия зимней природы.

Большая старинная икона, найденная на чердаке, требовала реставрации. Мы заказали для неё новую раму. Оклад же из серебра и лик матери Христа совершенно потемнели от времени, нужна была серьёзная восстановительная работа.

И вот после долгих разговоров и размышлений о том, что негоже запаху масла, растворителей и холстов быть в апартаментах будущей молодой мамочки; конечно же, с согласия бабушки отдать мне под творчество самое любимое место Николеньки, в доме началась вновь суета.

Мне помогали женщины с уборкой в пустой библиотеке, огромные окна которой пропускали массу света без тяжёлых портьер, а ловкий камин, разгораясь, шептал свои тайны, помогая творчеству ощущать важность запланированных событий.

Шкафы и шкафчики, полки и антресоли, они вмещали всё самое нужное.

На внушительной подставке стояла икона в новой раме, пока ещё без оклада. Краска деликатно обновившая лик богородицы подсыхала, всё шло своим чередом.

Я хотела взять этот заказ; портрет бабушки вышел очень удачным и сейчас красовался в главной комнате.

«-... говорят, царь Александр I недавно купил полотно с изображением Первопрестольной и заплатил за шедевр три тысячи серебром».

Я хотела свою выставку работ, мои пейзажи с бушующим океаном и парусными суднами просились в красивые рамы и могли быть раскуплены враз.

А ещё местные церкви и монастыри..., на фоне прозрачного голубого зимнего неба. Стена в гостиной была оформлена этими работами.

Мысли необузданные и абсолютно не желающие успокоиться носились в голове самым модным питерским экипажем. Руки протирая ещё одну полку от пыли, которая не выбирая век, имела свойство накапливаться в любом помещении, сбив какое-то крепление, вдруг провалились в пустоту.

Глава 14

— Тихо, Хан. Я в порядке.

Пёс, встав на задние лапы, пытался протолкнуть морду в тайник. Было слышно его сдержанное дыхание, будто и он очень продуманно пытался дышать через раз, чтобы скрыть волнение от нашей находки.

— Там темно и ты ничего не увидишь, не вместишься в неё это точно, я говорила тебе давеча, не ешь столько. Подожди, я дверь в библиотеке замкну на засов.

Полка красного дерева глубокая, разделённая до самого потолка на секции и будто встроенная между колоннами обосновалась у самой дальней стены этого большого помещения. Скрытая мраком, она казалась совсем ненужной для моего дела.

Напротив, висела на окне большая плотная портьера. Я хотела, чтобы полотна картин медленно подсыхали именно на этом участке помещения библиотеки, в темноте и на них не попадал бы холодный зимний воздух от окна.

На этой же полке планировала уместить вещи, которые могли понадобиться в самых редких случаях.

Взяв лампадку в руку, я поднесла колышущееся пламя к отверстию в стене.

— Хан, это просто тайник, смотри, в стене было изъято несколько кирпичей. Опасности нет. Зато есть конверт.

Действительно, в моей руке обозначился конверт, вернее, плотный бумажный пакет, заклеенный наспех, не опечатанный сургучом вовсе. Хотелось вскрыть его.

«- дождусь кухни, у неё сейчас приём, очередной пациент с флюсом».

Положив конверт обратно, убедившись, что тайник пуст, желая уже установить деревянную панель на своё место, услышала голоса.

«- святые угодники, да там же кабинет княгини Соколинской».

- Нет сомнений более, Ольга действительно дочь моей Вареньки, шрам на ноге видела и родинка на груди, на своём месте. Повитуха недавно приходила с осмотром. С детства она у неё. А ещё кулон был у старой графини, свекрови моей дочери, приметный. А теперь Ольга его носит как реликвию: *«моё по праву»* говорит. Оставьте следствие Иван Григорьевич, а что исправник доложил?

Незнакомый голос и смысл сказанного заставили застыть в ещё большем удивлении. Рука легла на голову зарывавшего было Хана.

— Сосед ваш, что в Подмоскovie живёт, советник Ахшарумов Сергей Дмитриевич, он приехал в Муром за своим крепостным. Удивительно, но сам изволил явиться. Говорит, что беглый понесёт соответствующее наказание за попытку вашего ограбления. А явился сам оттого, что барин, он к вам с визитом собирался было. Хотел так сказать, загладить вину за случившееся. Но...

— Что?

Голос женщины напрягся.

— Будьте с ним осторожны, ваше сиятельство. Сдаётся мне, врёт барин, не было речи о наказании для его крепостного.

— Отчего вам так показалось, что не было? О чём же тогда шла речь?

— Казака того мёртвым выловили вчера в реке. Вот и всё наказание. Многое знал видеть он, о делах своего барина и, возможно, действовал по его поручению, ища документы.

— Опять вы за старое. Всю мебель вывезли, книги и лари кухонные. Исчезли те документы, в глаза их не видала, только Николай знал где они. Да и что в них может быть? Дело давно уже закрыто, столько лет прошло. Возможно, он увёз их с собой на Кавказ, а возможно и уничтожил вовсе.

— Говорил я вам ещё два года тому назад, что заручиться поддержкой местного купечества вам надобно, потому как дело князя Николая видно не имеет срока давности и враги, они в спину вам дышат. А внучки ваши, они вовсе беззащитны перед такой судьбиной, кто за них постоит, коли всплывут доказательства заговора? Княжну Дарью просватать нужно, да за нужного человека в местных влиятельных кругах. Как траур, конечно же, закончится у юной миледи Майерс.

Я, дрожа, не дышала. Куда мы опять вляпались? А если кто-то знает про тайник? Я уже не сомневалась в том, что за документы лежат в пакете.

«- необходимо перепрятать их, вот что искал тот казак».

Бесшумно вытащив ещё раз пакет из тайника, отложив его на соседнюю полку, вытянула осторожно заслонку, что закрывала этот необычный сейф.

Спрятав же между своими холстами готовых работ, пакет, я застыла возле огромного окна. Портьера на просвет давала силуэты проходящих по улице людей. Мне казалось, что все они смотрят в мою сторону. Видят насквозь только что произошедшее в комнате.

«- кто сейчас в гостях у бабушки, что в тех документах?»

Вот почему было описано всё имущество. Они искали. А бабушка очень правдоподобно всё это время играла роль обезумевшей от горя матери. Так, правдоподобно, что поверила, и сама в своё безумие.

А далее я весь день не находила себе покоя, не желая пока Дашу посвящать в тайны князей Соколинских.

«- у неё всё на лице будет написано, Александра Васильевна сразу поймёт, отставить страсти».

Итак, медный оклад иконы, покрытый тонким слоем серебра, он требовал особого подхода. Мы работали над ним с несколькими людьми, свободными от домашних забот.

Замачивали в растворах аммиака, скупив все нюхательные соли в аптекарской лавке и в просто чистой колодезной воде, оттирали мягкой щетиной налёты ржавчины и воска от свеч.

Таким образом, икона несколько раз разбиралась и вновь подлежала сборке с уже готовым окладом, с обновлённым серебряным и золотым покрытием в технике потали.

Я добилась получения оригинальных световых переходов, так как использовала не только серебро, но и тонкие листики золота. В конце проделанной работы медная чеканка, и поталь, покрытая специальным лаком, заиграла совсем в другом ключе.

Это было дорого. Лик Богородицы стал особым на этом изделии, она действительно смотрела будто в душу остановившимся взглядом.

Икону по моей просьбе установили на полку и прикрепили к стене в маленькой комнатке, что принадлежала покоям, в которых обосновалось моё сиятельство. Там всегда горели лампы, а по вечерам свечи.

Я молилась этими вечерами, не решаясь узнать, отчего князю Николаю был подписан по сути, смертный приговор Его Величеством Александром I.

Как вы уже верно догадались, мой терпеливый читатель все документы были спрятаны в один из удобных моментов за задние стенки тяжёлого предмета старины. Икона так часто собиралась и прилюдно разбиралась, что на неё подумывать мог совершенно глупый человек.

Ничто уже не напоминало тот момент, когда я нечаянно открыла тайник и услышала тихий говор невидимых для меня незнакомца и княгини. Никто мне уже не мог сказать о том, что я держала в руках нечто, что искали, судя по тому, что я слышала, слишком многие. И только святой лик матери Христа был свидетелем моей тайны, её глаза в игре света живого огня были для меня взором судьбы.

Это был упрёк чистой воды, за моё бездействие.

Но об этом не знала более ни одна живая душа. А я смиренно просила защиты у Богородицы, обязательно обещая разобраться во всём.

И, наверное, решающим фактором для того, чтобы я начала действовать, для всех последующих моих поступков всё же был визит нашего соседа по имению в деревеньке под Москвой.

Тот только начавшийся вечер, что был обозначен множеством зажжённых свеч в гостиной, установленной ёлкой и разговорами, о том, что через два дня наступит новый- 1812 год; он был очень памятным для меня, как, впрочем, и весь этот день.

Оттого, быть может, что, вернувшись с торговых рядов, мы в изумлении с княжной наконец-то ощутили, что такое русские люди их удивительный дух и характер.

Нужно родиться вероятно русским, чтобы понять это. Этот размах и ещё что-то не понятное. Вольное и разухабистое, как у Есенина. Но это позже... А пока.

Пока в Питере правители сменяли друг друга душегубством и переворотами до пожарная Москва и кольцо городов вокруг неё переживали свой золотой век.

Отметьте, пожалуйста, в своём сознании, я говорю о той Москве, которая была до пожара. До того, как губернатор Москвы отдал приказ, и она начала полыхать, приводя Наполеона в неистовство.

Нынешняя Москва — это вовсе не то, город, лишённый самобытности. Клон, каких много по всему миру. Лишние понты и бетон. Что мы оставим своим потомкам? Как там в одной песенке:

«-уси, пуси...миленький мой» ...

Вот то и оставим.

Слава же той Москвы гремела по всем европейским столицам. Она лоснилась и трещала, как спелый фрукт: дорогими картинами и предметами искусства, россыпью жемчугов, что добывались в наших северных реках и шли на экспорт вровень с индийскими; коллекциями всего на свете. Москва боярская и купеческая, щедрая, блинная, благотворительная, архитектурная и самобытная от залиvistого пения множества церковных колоколов одновременно.

Отчего Наполеон выдвинул свои войска именно в этом направлении? Как я понимаю его.

Именно в старинных городах при Московия вдруг стали собираться лучшие умы и купеческие кошельки России.

Боярство и купечество объясняли таковой порядок довольно просто: *«богатые и знатные не нуждаются в выслуживании при дворе»*.

Именно сегодня, в базарный день мы ощутили, что каждый богатый купец и боярин жил на свой лад. Поразили выезды «букетом»: на задворки экипажа становились люди в одинаковых ливреях, напудренные и с гербами на одеждах, из окна выглядывал улыбающийся арапчонок в чалме, а перед каретой бежали два скорохода и тоже в ливреях. А что за гнедые были в упряжке. Мадонна!

А совсем немногие были строги и со вкусом обряжены на *«аглицкий манер»*, но уж как высокомерны и заносчивы. Основное же соперничество состояло в количестве крепостных душ и деревень за каждым богатеем.

«-...как же в таком не сойти с ума, не спиться, а после не разориться?»

Я рассматривала аккуратно из-под скромно припущенных век и в изумлении приподнятых бровок весь этот эпатаж на базаре; лавки с самоварами и блинами, красной икрой и стопками горячительных напитков, меха куниц, лис и соболей, рулоны шелков и парчи, живого медведя с бубном на поводке и весёлого цыгана при нём.

В руки просился хотя бы грифель с листом ватмана. В мечтах же вставал мой фотоаппарат с самыми лучшими объективами.

Нас провожали взглядами, улыбались зазывалы и купцы. И им было абсолютно без разницы на царскую опалу, балом правил серебряный рубль, а ещё лучше золотой.

Он был неприятен, его улыбка вызывала отторжение...

Бабушка на наших глазах менялась и действительно становилась этакой беспомощной пожилой дамой, теряющей время от времени суть разговора.

Княжна Дарья Алексеевна, уставшая от забот, утомлённая всё растущим списком посетителей своего зубного кабинета, не обращала должного внимания на очевидное.

А я...

Я вновь ощутила на себе тот взгляд, что не давал покоя в Подмосковье.

Его речи напоминали мне отрицательно слащавого героя — персонажа фильма «Служебный роман».

Он интересен как мужчина, честолюбив и умён, но начисто лишён главного — порядочности. Обаятелен от природы, *«свой, в доску расшибусь»*, если это выгодно только ему. Способен отшвырнуть в сторону за ненадобностью женщину, друга и кого угодно, даже дитя, если их наличие мешает двигаться по карьерной лестнице.

Роль Самохвалова удалась бы советнику Ахшарумову Сергею Дмитриевичу на все сто. Ему бы и играть не пришлось, просто живи, как говорится.

Улыбка скользила по тонким губам, а взгляд ласкал Дашеньку. Затем соколом ринулся в изумлении по стенам гостиной.

— Удивительная коллекция картин, ваше сиятельство, как вам удалось спасти от судей и приставов такую дороговизну.

Княгиня молчала, не желая говорить о том, что мы живём на деньги, заработанные своим трудом.

— Это моя коллекция, милорд.

Чашечка с английским чаем в моих пальчиках затянутых кружевом перчаток казалась верхом элегантности. Тоненькие блинчики с красной икрой заслуживали особого внимания.

— Я вынуждена оставить вас, господа. У меня назначен срочный вечерний приём. Её светлость графиня пожаловали с воспалением. Это серьёзно.

Он рассчитывал на большее, недоумённо разглядывая княжну, которая не в силах более терять время на праздное, отправилась по своим делам.

С учтивой улыбкой, взглянув на долю мгновения с очевидным равнодушием в масляные глаза Сергею Дмитриевичу, она оставила вместо себя облако нежного парфюма из будущего.

Тишина и засыпающая бабушка в огромном кресле, камеристки и вздохнувший Хан рядом.

Треск свечей в огромной люстре, давление с боков новенькой туфельки, купленной сегодня в лавке у месье: - *«как его там, не помню...»*.

Охрана, застывшая у входных дверей, камердинер в фойе.

Я поймала возмущённый и осуждающий взгляд серых глаз.

«... и вовсе не синие у него глаза, серое болото, не иначе. Зачем осуждает, взял бы да сам спровадил прилипалу».

— Мне сложно вас развлечь, господин советник. Мой русский ещё только на этапе его изучения, я плоха в музыке и пении. Но мы можем, уж коль княжна оставила нас испить немного кофе. Она знаете ли не любит этот благородный напиток. Как вам такое предложение?

«- ... по-хорошему он должен откланяться, английский аристократ, мужчина именно так и поступил бы, оставшись практически наедине с незнакомой дамой в деликатном положении».

Я подала знак Жданке отправиться на кухню с заказом. Её наперсница — Василина, опять же по моей просьбе принесла мне лист ватмана размером с тетрадный лист и небольшой грифель.

— Если только так?

Моя рука порхала над ватманом. Внимательный взор следил за советником.

— Что скажете?

Я передала своей камеристке небольшой набросок — портрет сидящего напротив мужчины. Не сразу, нет. Мне хотелось сделать его лучше. Хотя бы на листе картона.

Он затих, он нравился себе.

— Почему рыцарем миледи? Вы изобразили меня рыцарем.

— А вы не такой? Я ошиблась?

Напёрсток фарфора в моих руках с кофе издавал умопомрачительный аромат. Я не вкушала его, напитывая сознание только ароматом.

— Попробуйте, это божественно. Мне же непозволительно присоединиться к вам.

Я положила ручку на живот.

Он вздрогнул. И уже по-другому обвёл взглядом всё вокруг. Долго смотрел на самый большой галеон испанской эскадры в закатном океане на холсте. Как-то по-особенному прикоснулся губами к дымящемуся напитку. Его глаза сканировали меня, а затем кулон на груди в глухом, скромном платье.

Бабушка, вдруг открыв глаза, прошептав, что она устала на балу, и ей необходимо уединение, она совсем не оставила советнику шансов приносить и далее свои извинения этим вечером.

Он вынужден был откланяться.

Мои покои закрывались на ночь на крючок. Всегда.

Взяв в руки кусок изогнутого на конце метала, я смотрела на эту не внушающую спокойствия конструкцию, вспоминая другой дом, другую ситуацию.

— Хан, полежи здесь, послушай, хорошо? Если что дай знать.

Просунув руку за икону и вытащив заранее распатанные гвоздики, отогнув неплотную холстину, я вытащила пакет.

Спрятав всё в постели в ворохе подушек и одеял, я ещё раз убедилась в том, что дом действительно затих.

Итак, перво-наперво письмо, оно было от князя Николая и взволновало меня тем, что он признал в нём своего сына или дочь, рождённых..., удивлю вас о мой достойный читатель, в браке с купеческой дочерью Анастасией Владимировной Александровой.

Тот брак был заключён втайне от всего света, перед тем как Николай отправился в ссылку.

Я задумчиво читала строки, написанные рукой человека, который знал, что отправляется на войну, из которой, наверное, не будет возможности вернуться.

«- странно, бабушка никогда не ходит на могилку к сыну. Где он похоронен?»

Остальные же записи, лист за листом, сделанные разными людьми; жуткие свидетельские показания страшного преступления, повергли меня в состояние..., нет ни шока..., они принесли в душу безудержное возмущение и гнев.

А ещё горе. Слезы накатили с гневом. Дышать было тяжело:

«- Господи в каком страшном мире мы живём».

Сердце бешено стучало в груди, словно хотело выбраться наружу, дыхание участилось. Хан нервно бил хвостом лёжа на паркете пола.

«- как не умна бабушка, ведя дружбу с графиней и прочими, она что не понимает, что доверие в её ситуации — это похуже смерти будет»?

«- то она в себе, то слаба как младенец, что творит, не ведая правды» ...

Словно неумолимый смерч, эти жуткие свидетельства переносили меня в прошлое, в котором, практически девять лет назад Северную столицу облетела печальная и страшная весть.

Красавица мадам-де Араужо, вдова состоятельного французского аристократа, владеющего банками в Пруссии, в первом часу ночи была привезена в изодранной грязной рубашке. Сломанной куклой она умирала на крыльце своего дома.

Свидетели того страшного преступления не могли молчать, они давали показания, рассчитывая, что когда-то... возможно... правду узнает весь мир.

Итак, расставшись со своей женой, которая не смогла ужиться с жестокостью этого человека, цесаревич Константин, расстроенный и угрюмый, решил утопить печаль в вине и распутстве. Прекрасно осознавая свою безнаказанность, он пустился во все тяжкие.

Он вряд ли кого-то мог по-настоящему любить, ну уж точно не свою красавицу жену — великую княгиню Анну Фёдоровну. Участвуя в заговоре против отца, не испытывая угрызения совести; после его смерти великий князь, наследник престола, почувствовал полную свободу.

Он окружил себя подобными себе беспринципными людьми, главными занятиями которых, были бесконечные кутежи и оргии.

Тот, кто ходит по лезвию, всегда может оступиться и произойдёт непоправимое, ведь Константин не знал меры, он был ненасытен и с лёгкостью завоёвывал сердца понравившихся ему красоток. Мадам-де Араужо — слух о её красоте и любви к маленьким дочерям стал будто вызовом для Константина.

Он не мог себе отказать, он ринулся покорять неприступную крепость. Однако тщетность его попыток стали фундаментом для обиды и злобы в душе этого мужчины. Бриллианты, букеты и дорогие подарки, преподносимые адъютантами великого князя, никак не могли растопить сердце молодой женщины. Мать двоих малолетних детей, она была скромна и богобоязненна. Константин Павлович не признаёт поражения.

Адъютант Константина месье Баур знал госпожу-де Араужо с детства и на правах близкого знакомого часто бывал в доме её родителей.

Уже вскоре в голове мерзавца созревает план, сравнимый разве только что с тем, который он ещё недавно воплотил в жизнь против своего отца, забитого насмерть в своей спальне. План мщения непокорной женщине, не разделившей *«чуткую влюблённость»* наследника престола. Он был одержим ею.

Проследив за всеми передвижениями мадам-де Араужо, великому князю был сделан полный доклад, он знал о её привычках практически всё: оказалось, что француженка практически каждое утро садилась в свою карету и ехала навестить свою дальнюю родственницу, баронессу Моренгейм, которой немного нездоровилось в холодной России и она с нетерпением ожидала возможности покинуть эту страну. И вот в один из мартовских дней мадам-де Араужо как ни в чём не бывало вышла утром из дома, села в карету и, как всегда, направилась на Невский проспект. Однако уже через несколько минут дама поняла, что тройка скачет абсолютно в другом направлении. Её возмущению не было предела. Она кричала, умоляла и плакала, однако чужой, как оказалось, кучер, лихо подстёгивая лошадей, не обращал никакого внимания на её отчаяние. Вскоре показался Мраморный дворец. К карете, остановившейся возле заднего входа, подбежали люди Константина Павловича и, схватив потерявшую сознание даму, отнесли в покои наследника. Сколько она лежала без чувств, мадам не помнила, однако, открыв глаза, француженка увидела влюбчивого великого князя Константина Павловича в окружении десятка конногвардейцев. Все они были пьяны и презрительно смотрели на женщину, ухмыляясь, скалили зубы. Великий князь Константин Павлович отомстил упрямо по-своему... Под покровом ночи мадам отвезли к своему крыльцу и бросили на улице. Несколько часов женщина пролежала на мостовой без чувств, потом что-то прошептав прислуге, обнаружившей её, не приходя в сознание, скончалась. *«В первые годы царствования Александра одна из пьянок Константина сопровождалась плачевными последствиями, — писал граф Эдлинг о цесаревиче и его проделках в Мраморном дворце.»*

Жители столицы приходили в ужас, и сам государь вознегодовал до того, что повелел нарядить самое строгое следствие, без всякой пощады Его Высочества: так именно было сказано в приказе».

Следователи «рыскали» в поисках виновных. Арестованы были практически все причастные к данному преступлению..., кроме Константина Павловича и некоторых его особо близких друзей.

Подробности содеянного гвардейцами повергли меня в шок.

«Благопристойность, - пишет один из свидетелей, - не позволяет пересказать, что изверги, начиная с Великого князя, с ней делали...».

Только из-за того, что дама была подданной другого государства, по требованию прусского посланника началось следствие.

Как всегда, главный преступник остался на свободе.

Эти документы действительно не имели срока давности.

«- это словно пороховая бочка, чем ближе война с Наполеоном, а далее восстание декабристов, тем страшнее хранить их в доме».

«- но и отдать их кому бы то ни было..., это невозможно, нужно оставить этот бред».

«- как сохранить их?»

Рука легла на живот.

«- вправе ли я их уничтожить, бедное моё дитя, нет нам с тобой покоя. Полетят наши головы, если кто-нибудь узнает об этой находке».

Я ещё раз просматривала звучавшие хоть единожды фамилии в показаниях по этому делу, стараясь запомнить их на всю жизнь.

Наш сосед, Ахшарумов он не был участником, но всё же поддержал показаниями Великого князя, сказав, что в тот вечер они собирались за картами в одном знаменитом мужском собрании. Ошибки молодости, как же всё хочется вернуть назад. С другой стороны должности советника так просто не дают.

Холодный пот бежал по спине.

Отчего же Николай не уничтожил всё это?

Почему он сохранил документы? Отчаявшись уже что-то изменить для себя, он верно до последнего желал иметь возможность влиять на ситуацию, или передать бумаги жене Александра I, чтобы царица Елизавета Алексеевна могла повлиять на супруга и добиться развода для жены ненавистного Константина Павловича.

Это, конечно, только мои предположения, но Европа вздрогнет, если это станет достоянием гласности.

Разум метался, понимая, что эта ноша станет весьма тяжёлой для меня одной.

Так, птица падает, теряя надежду, раскинув израненные крылья в последнем полёте. А земля, с неотразимой притягательной силой, как магнит, зовёт к себе.

Так слышен шум движения вниз, подобно смерчу, несущемуся сквозь лабиринты уставшей души. Больше нет покоя ни в небе, ни на земле.

Так, безумство слабости доносит до тебя шёпот сомнений и предательства. Парящие фантазии и идеалы теперь словно пожухлые листья на дне моря, изувеченные жестокими ветрами разочарования.

Нет. Я не собиралась в эту историю посвящать Дашу...

Отчего в памяти возникли слова незнакомца в кабинете бабушки?

«- заручиться поддержкой местного купечества».

В голове зрел план.

Безумный по своему содержанию, но если рассуждать здраво, отбросив все эмоции, то я не имела права на ошибки.

Глава 15

К моей гуляющей фигурке уже многие привыкли в округе. Отчего я сделала такие выводы? Взгляды, их стало меньше. Обыватели ко всему так, или иначе привыкают, привыкли и к иностранной баронессе, на которую изначально смотрели во все глаза.

В сопровождении большого пса, которого миледи, держала возле левой ноги на поводке, она гуляла в любую погоду.

Поговаривают, что её охранник также был из Англии, а ещё камеристка — совсем ещё ребёнок, что плохо говорила на языке государства Российского, а всё чистила на аглицкий манер.

Иногда к ним присоединялась вдовствующая княгиня Соколинская, что страдала потерей памяти из-за гибели сына на Кавказе. Лёгкое просветление, которое случилось с ней по приезде в дальнее имение в Муроме, оно совершенно сошло на нет, и всё чаще заговариваясь женщина утверждала, что князь Николай, покойный ныне, совсем скоро приедет на побывку.

Эту стратегию бабушка Алекс выбрала после посещения незнакомцем её кабинета. Не сразу, нет. Постепенно.

Она вдруг засыпала на мгновение во время очередного важного визита к нам господина советника Ахшарумова Сергея Дмитриевича, а затем просыпаясь не помня суть разговора, рассказывала, о том, что волновало её сознание.

Она вспоминала какой-то бал в прошлом и дебют княжны Соколинской Дарьи Алексеевны, а после венчание дочери Вареньки и милорда Стефана Сегрейфа. И я не осуждала её за то, что многие финансовые дела нашей семьи вновь оказались в поле моего действия.

Мне и самой не хотелось уже писать портрет графини, Сары Яковлевны, и обсуждать её домашние театры. Узнав про недомогания бабушки, она вдруг перестала посещать нас так часто, как прежде. Во всём этом виделся уже иной, скрытый смысл.

Не осуждала я и княгиню за эту роль; обман во имя блага семьи. Он ей удавался наилучшим образом. Получается, что у нас был свой, домашний театр, в котором мы были с ней лучшими актёрами.

А Даша, она, погрузившись с головой в медицину, не замечала очевидного: что Сергей Дмитриевич глаз с неё не сводит и готов, наверное, заявить о своих ухаживаниях официально.

Повода ждёт? Не заявляет. Оттого что опальные мы бесприданницы и боится он за своё положение и карьеру. Зачем же тогда эти визиты? Как я поняла у него сын маленький от первого брака в Первопрестольной с бабушкой и дедушкой живёт. Разве не с ним должен быть отец на Рождество? Он несколько раз спрашивал про библиотеку в доме, стараясь, наверное, поддерживать разговор. Я же наивно отвечала, что нет таковой в имении. Что библиотека в доме моего отчима в Лондоне вот на что стоит взглянуть хоть разок в этой жизни..., а далее о книгах можно было говорить часами.

Перечитав несколько раз внимательно показания свидетелей той трагедии в Северной столице, отставив эмоции, приставила к кухне Дарье, Петра Дунаева, что сыном был уездного лекаря в Подмосковье, а затем служивым, нанятым нами на охранную должность во Владимире.

— В помощь по вопросам медицины пойдёшь к княжне Дарье Алексеевне, глаз с неё не спускать..., головой отвечаешь.

Я смотрела ему сурово в глаза.

— Не нравятся мне приезды советника, смотрите не провороньте её.

— Ваше сиятельство!

— Услышь меня, Пётр и исполняй, что велено.

А после и Семён Софронов к ним присоединился с дочерью Василиной, и подёнщица Анна в медсёстры ушла.

Даша хмурилась вначале, но помощь приняла.

«-... наш сосед повышения по службе, наверное, желает, вынохивает всё, вызнаёт, пора начать отказывать ему от гостеприимства, положение моё деликатное, это не покажется странным, вот только с прогулками закончу...»

Я увидела их в лавке. Собираясь порадовать калачами с маком всех немногочисленных жителей нашего имения, сняла молниеносно взглядом молодую женщину и мальчонку, которого она держала за руку, выбирая вкусную выпечку.

Скромно одетая, в чёрном шерстяном полушалке поверх неказистой шубейки женщина напомнила мне саму себя. Но ещё больше мне саму себя в детстве напоминал её ребёнок.

«- обрела себя на вечный траур, а ещё на позор, оттого что родила нагулянного ребёнка. Интересно на что они живут и знают ли её родственники про брак?»

Я ощущала гнетущую тишину, возникшую в хлебной лавке из-за моего внезапного присутствия. Я понимала, что многие догадываются кто отец этого ребёнка.

Практически месяц после Рождества Христова я потратила на эти поиски, услышав один раз от Дашеньки, что мне нужно, как можно больше ходить и дышать свежим воздухом. Отклоняя вежливо предложение советника сопровождать меня, я была непреклонна в том:

— Вы компрометируете меня своими визитами, господин советник. Я надеюсь, что супруг мой смог спастись с того затонувшего судна, и планирую возвращение в Англию после рождения сына.

Храмы и парки, неспешные прогулки по морозному воздуху с гордым видом. Лавки и просто торговые ряды. Сопровождение иногда приказчика; на постоянной основе Жданки и сурового шотландца, с которым у меня не получалось наладить контакт, и, конечно же, верного пса. А затем в раздумьях обратный путь домой. Тепло одетая и закутанная в единственную персидскую шаль в семье я напоминала матрёшку. Только мне была от этого небольшая разница, хоть валенки оденьте. Ходить так ходить, дышать так дышать.

Сегодня Хан, ожидая на улице моего выхода опять старался заглянуть в чуть приоткрывшуюся дверь.

«- сколько раз я ему говорила, что нос прищемит любопытный».

- Ваше сиятельство, прошу вас.

Меня пропускали без очереди тихим вежливым голосом, будем надеяться, что из-за беременности, а не из-за того, что госпожа баронесса достойна более лучшего в жизни. Голос ничем не выдал волнения девушки.

«- а ведь она ненамного старше меня и волнение налицо, однако, я ощущаю его, натянута как струна».

— Отчего же Анастасия Владимировна, сделайте свою покупку сначала вы. Я не определилась ещё с выбором. Подскажите, какой продукт сегодня удался пекарю.

Она слушала мою дивную речь. А затем, слегка порозовев, предложила действительно купить вкуснейшие калачи — маковки и французский багет к столу на обед. Ведя тихонько беседу с девушкой, я подгадала так, чтобы из лавки мы вышли с ней вместе.

— Пройдёмся до угла неспешным шагом мадам Анастасия, думаю нам с вами по пути. Быстрее бы уже весна наступила, люблю апрель с его капелью.

Конечно же, по пути другого и быть не должно, было. Так как взяв поводок Хана из рук своего провожатого и, попросив Жданку взять за руку удивлённого сынишку мадам Анастасии, я не собиралась оставлять свою находку одну на улице. А у неё и вовсе не было выбора, не было возможности мне отказать.

Хотелось свежесваренного кофе и разговора по душам, как всё сложно в этом времени. Как же мне быть?

— Анастасия Владимировна у меня к вам просьба деликатного характера.

— Ваше сиятельство?

Девушка почти вопросительно присела в реверансе.

— Пригласите меня к себе в гости мадам Анастасия, я слишком далеко отошла от дома, а моё положение порой связано с некоторыми мелкими неудобствами. Так сказать, естественными надобностями.

Она была смущена, безумно. А я наблюдала за реакцией этой милой, почти ещё девочки.

— Мы живём весьма скромно, ваше сиятельство. Вдвоём с сыном и несколькими крепостными, мне право неловко.

— Неловко будет мне, когда со мной случится непоправимое, я прошу вас о помощи.

Остановившись, я ловко присела на корточки перед мальчиком.

— Правда, братик?

— Разве же я твой братик? Ты вон какая барыня.

Ох и шустрый видно малый, смотрел на меня моими же глазами.

— А тебе разве мама не рассказывала о старшей двоюродной сестре — кузине, живущей в Лондоне? Которая, получив письмо от своего дяди наконец-то, приехала в гости в Россию.

— Нет.

— Почему?

Я обиженно сложила губки бантиком. Его глаза напоминали огромные блюдца. Удивлённые необыкновенно карие и очень красивые.

— Значит, я тебе расскажу сама, когда мы сегодня будем с тобой пить вкусный чай и играть с Ханом. Пойдёмте уже, я совсем замёрзла. Как тебя, значит, зовут? А то я забыла.

— Александром, в честь бабушки.

— Это просто замечательно, друг мой. Просто замечательно.

Я протянула руку в перчатке девушке. Улыбаясь, смотрела снизу-вверх на её милое лицо. Потеряв дар речи, она приняла её. А после встав в полный рост, слегка опиравшись о её плечо, я уже более не отпускала её локоток от себя.

А нечаянно поймав прищурившийся взгляд шотландца и вовсе решила, что день складывается весьма неплохо.

Ох и навязчивая особа из меня получалась на первый взгляд. Бедная Настя не знала, где меня расположить в маленьком домике, который внутри состоял из двух комнат и достаточно хорошей такой, большой кухни с горячей печью, с изразцами в зелено-жёлтых тонах, что обогревала всё помещение. Мне понравилась квадратная прихожая и совсем невычурная обстановка.

«- это она ещё наши хрущёвки не видела», - размышляла я, когда в спальне использовала её ночную вазу по прямому назначению.

Приведя себя в порядок и усевшись наконец-то возле маленького чайного столика в гостиной, я задала вопрос, на который хотела получить очень вразумительный ответ.

— Анастасия Владимировна, а теперь расскажите мне, пожалуйста, как получилось, что семья моего дяди, князя Николая Соколинского живёт в таких вот условиях?

Момент был трогательный, ответ рождался очень долго.

Жданка, играющая на диване с Сашей, склонила смущённо голову. Разговор на кухне между суровым шотландцем и важной пожилой женщиной затих. Хотя какой это разговор был? В основном слышался взволнованный голос женщины, что предлагала испить чаю с пирогом.

— Чашечка кофе, мне не повредит, я думаю. Сидите Анастасия, на кухне и без вас тесно, а я не спешу, думаю всё решится само.

— Миледи, вы знаете о нашем венчании?

— Князь Николай мне прислал письмо, и оно у меня в кабинете в столе. Отчего же вы не предстали перед княгиней Соколинской и не поведали ей о произошедшем? Вы обрекли сынишку на косые взгляды и несправедливость, а себя на скандалы я думаю и оскорбления.

— Всё навалилось тогда разом. Арест Николая и слухи, я была уже в тягости, гнев отца. Вы не представляете, что я пережила. Княгиня, она не приняла бы меня. Скромное наследство от моей покойной матушки, домик её родителей, это всё, что у меня есть теперь.

— Вас выгнал родной отец?

Господи, она была так невинна и хороша собой, как я понимала своего дядю. Блондинка с русой косой вокруг головы, пушистые ресницы и васильковые глаза, тонкий стан и ручки настоящей княжны.

— Вы любили его?

— Полюбила сразу, как увидела, госпожа баронесса. Он берёт меня, наши отношения до самого венчания они были чистыми.

— Говорите мне просто миледи, или Ольга, хорошо? Я не знаю кто из нас старше, но я точно не хочу быть для вас Анастасия — госпожой. Вы тётя мне, по положению вдовствующая княгиня Соколинская. Так и будьте ею.

Напряжённая тишина в доме сопровождалась звоном церковных колоколов с улицы, я видела перед собой раненую птицу, каждый вздох, которой был полон боли. Но даже в этой боли была своя красота: хрупкая как хрустальная слеза, что застыла на глазах у Насти.

Наконец-то мне принесли кофе.

— Я один только глоток, осторожно. Мм. Княжна Дарья мне не разрешает, вы верно слышали про неё. Строга. Потому что считает, что медицина — главная наука во вселенной. Кто же спорит-то? Только не я. Я соглашаюсь со всем и только вдыхаю аромат этого божественного напитка. Ароматерапия, слышали о такой? А поедemте теперь к нам в гости, я решительно не оставлю вас одних. Собирайтесь.

«- сумасбродка», - читала я во взгляде заглянувшей в комнаты прислуги и мадам Анастасии.

«- так и есть на том и стоим, скажу я вам» ...

— Я только прошу, не судите строго. Семья у нас небольшая и небогатая, живём мы тоже скромно. Опальная княгиня Александра, она забывается и немного заговаривается. Но считаю, что именно в такие времена нам нужно держаться всем вместе, ведь мы одна семья. Как говорится, и в горе и в радости. А там глядишь, и на нашей улице перевернётся телега с пряниками.

— Целая телега?

Голос мальчика дрожал от восторга.

— А то, Сашенька. Конечно, телега, пряники будут медовые возле самых наших окон лежать. Собирайтесь.

— Она не примет купеческую дочь женой своего сына, миледи. Не примет!

Анастасия сжимала в волнении руки.

— Сложно будет только в первые несколько часов, а после, с каждой минутой всё проще и проще, поверьте мне. Возьмите всё самое необходимое на первое время, остальное заберём на телеге завтра. Своим отказом вы обидите меня. Получается, что я зря беременная, узнав о предполагаемой гибели мужа, всё же покинула своё имение и пересекла всю Европу в ваших поисках.

И запомните самое главное вы женой ему стали в православной вере, он клятву вам давал перед Господом нашим, он сдержал её, сообщив мне, единственному дееспособному лицу нашей семьи на тот момент о таинстве вашего венчания. Всё остальное это просто жизненные ситуации, которые мы однозначно собираемся решить.

«- отчего я постоянно говорю, что мой супруг лорд Майерс возможно жив, хорошее прикрытие... и всё же нужно пореже с этим».

В этот день мысли мои летали словно ласточки по весне. А размещаясь в нанятом экипаже, чувствуя небольшое головокружение, я уже и не помнила больше о незнакомом лорде из Великобритании.

— Мне нехорошо, Сергей Фомич. С сегодняшнего дня в связи с моим деликатным положением и трауром в семье мы не принимаем гостей. Пусть задвинут на окнах, наполовину тяжёлые портьеры, голова от солнца болит. У меня давление поднялось от всех этих новостей.

Все замерли, словно, не понимая о чём речь. Давление, мигрень, какая разница.

— Работать будет только клиника княгини Дарьи. Я слышала, что французы совершенно близко подошли к границе. Мне дурно только от одних мыслей, что может произойти непоправимое. С сегодняшнего дня княгиня Анастасия Владимировна Соколинская с сыном у нас жить будут. Подготовить нужно комнаты, что возле моих пустуют.

Я как вихрь ворвалась в наш дом, каблучки моих сапожков скоро стучали по паркету. Продуманное желание и план застать всех врасплох, кажется, сработал. Горничные застыли в реверансе, а после бросились к окнам и пустующим апартаментам.

Бабушка, замерев, не сводила взор с сына Насти.

— Бабушка я нашла их! Я столько исходила и изъездила дорог. Господи, как вовремя. Я слышала в торговых рядах о войне. Говорят, что царь собирается из Питера выехать в Первопрестольную собирать Московское ополчение.

— Нашла... Их?!

— Я же вам показывала письмо князя Николая и выписку из церковных книг о его венчании, это была одна из причин, по которой, я оказалась в России.

Даша, выйдя из своих комнат, замерев не отрываясь смотрела это представление. Я видела, что она наконец-то включилась, будто раздался щелчок в её сознании.

— Оленька, как тебе это удалось?

Голос Даши был полон душевного участия. Ни капли фальши.

— Понимаете Дарья Алексеевна, просто в лавке я вдруг увидела мальчика, будто себя маленькую в зеркале. Я уж и надежду потеряла.

В голосе звенели слёзы.

- "... Пресвятая Богородица", - подумала, - да ведь в этом мальчике течёт моя кровь, он тот, о ком писал покойный князь.

— Сын моего Николая? — Это звучало даже в хрусталиках стариной люстры.

Бабушка, поднявшись с кресла будто во сне, шла в сторону наших гостей.

— Маленький князь Соколинский. Святые угодники! Мальчик мой! Родненький!

Голос, любимой бабули, он сорвался в рыданиях.

Сашенька вдруг очутился в её объятиях.

И у меня в голове взорвались звуки, их было много, они заставляли кружиться пылинки вокруг, словно танцевать в невидимом вихре.

— Оленька!

Я слышала голоса.

Встревоженные, они несли меня куда-то, словно песчинки в густом воздухе колебались на ветру и, ударяясь друг о друга, звенели, звенели...

Глава 16

Собираясь в то воскресенье на службу в церковь после практически недельного постельного режима отводила взор от образа в зеркале.

Тёмные тени, залёгшие под глазами, являлись свидетелями моего недавнего не совсем здорового состояния. Потрескавшиеся губы, сухие и обветренные были весьма далеки от общепринятого стандарта красоты рафинированного общества, в котором мы с Дашей умудрились поселиться.

«- да бог с ней, с внешностью, главное уверенность и гордо поднятая голова, и они сами придумают наши истории».

А в голове звучали слова Даши с просьбой всё ей рассказать, что она определённо чувствует какую-то недосказанность в наших отношениях, и это волнует её сильнее, чем всё остальное.

«-не иначе сегодня случится задуманное, а после обязательно посвящу в тайну кухню Дарью».

Княгиня Анастасия Владимировна при полном параде уже дожидалась нас в гостиной. Бабушка, сказавшись сильно занятой, осталась с Сашенькой дома. Она молилась во внутренних покоях. Икона, отреставрированная мною, не давала ей покоя. Мальчик слегка застудил горло, студёное молоко осталось в чашке на кухне, и как говорится, у семи нянек дитя без присмотра...

Вот княгиня-бабушка Александра Соколинская и была готова день и ночь напролёт проводить с внуком.

Сейчас он занимался в своих комнатах с Василиной грамматикой.

«- а если не сегодня, то, когда?»

«- ребёнок внутри меня явно стал набирать вес, я скоро стану невыездной из дома, смогу гулять только во внутреннем дворе».

Мысли, мысли...

Меня не волновало объяснение с княжной Дарьей Алексеевной её настороженный взгляд, хмурые брови. Уж она то меня знала, как облупленную. Волновало иное.

Цель. Моя. Важная, на жизненном этапе в этой реальности.

«- вот и ювелир не приехал за алмазом, а собирался», - настораживало всё.

Залы и коридоры нашего дома, уже вовсе не казавшиеся ветхими и заброшенными пролетели мимо сознания.

— Ну что же леди Соколинские, мы можем отправляться. Ведите нас княгиня Анастасия Владимировна.

Мы разместились в экипаже, и я в который раз уловила на себе теперь уже встревоженный взгляд серых внимательных глаз.

«- он читает меня как открытую книгу, он внёс тогда меня на руках в мою спальню, я шага не ступаю без него на улицу..., кто он?»

«- после поговорю с ним, а сегодня главное, это то, что я задумала..., остался последний самый верхний аккорд во всём этом ноктюрне».

Чувство душевного волнения охватило меня. Подъехав к монастырю, а далее к церкви Рождества Христова я понимала, что в этот день в ней соберётся весь местный бомонд.

«-... а где же им быть в воскресное утро?»

Во всех православных храмах Мурома, и всей России проводится особая служба — Божественная литургия. Важнейшее для верующих священнодействие, на котором совершается

таинство причащения. Христиане Нового Завета празднуют и почитают воскресный день как день Воскресения из мёртвых Иисуса Христа.

Аристократическая элита и, конечно же, богатое купеческое общество, их экипажи и крепостные. Как же описать всё это собрание, их нарядные одежды, сияние драгоценностей, переливы жемчуга, парчи и бархата. Лёгкий ветерок с реки и солнечные зимние лучи играли мехами соболя, норки и лис на шубах дам.

В другое время я бы засеяла в экипаже срисовывала бы всё это с природы, так сказать. И главное, ловила бы выражение лиц многих индивидуумов этих сливок местного общества. Я хотела бы зафиксировать каждую мельчайшую деталь — манеру движений, блеск в глазах, откровенное или скрытое негодование, гордость и пренебрежение, властность и сластолюбие, застывшие на лицах.

Слышны были голоса разряженной купеческой знати. Настя, она была бледна и очень взволнована. Я готовилась к этому моменту усердной работой мысли, да я использовала эту девушку, её ребёнка и всю ситуацию в целом. Я использовала чувства людей, что окружали меня. Но клянусь, что во благо..., во истину клянусь!

— Анастасия Владимировна, княгиня, отставить это состояние. Обмороки — это моя роль, придумайте себе другую. И тоже очень эффектную. Например, гордой неприступной красавицы, вы видели, как к лицу вам этот наряд? Тренируйте на мне взгляд, вы должны уметь им заморозить говорившего, так чтобы слова и яд вернулись и травмировали его изнутри.

Настя в шоке перекрестилась.

— Миледи, я пытаюсь успокоиться, правда. Но...

— Они поймут, что ошиблись. Не переживайте, Анастасия Владимировна. Мы не оставим вас наедине с ними ни на секунду.

Голос Дарьи Алексеевны действовал на нас просто как лечебный бальзам.

— Мы, несломленные князья Соколинские, и с этим придётся считаться всем, — я сняла невидимую пылинку с чёрного бархата верхней тёплой одежды, поправила широкие, практически до локтя манжеты из чернобурки. Бедная шуба княгини — бабушки, от неё нам всем досталось по отрезу. Зато как стильно мы выглядели сегодня. Богато и со вкусом.

— Все будут считаться с вашим Ханом, миледи. Где вы его оставите, как он перенесёт такое скопище народа?

— Он всё понимает и будет ждать во дворе с охраной. У него удивительный слух, стоит только позвать мне его. Вы же сами видели, как он спешит из кухни на мой голос; когда мне скучно я зову его из своих покоев.

— Вы здесь венчались с супругом Анастасия Владимировна?

— Да княжна Дарья Алексеевна.

— Помните об этом. Всегда. Князь Николай, он рядом. И да поможет нам Господь.

Я опустила вуаль шляпки на лицо.

Нелегко было пройти сквозь пёстрое море взглядов и шёпот светского, купеческого и просто общества людского, которое, казалось, рассуждало сегодня лишь о нас. В морозном воздухе витали застывшие перешёптывания и наши имена, а также связанные с ними происшествия, которые уже стали историей пятилетней давности. Наш траур не давал никому покоя.

Внутренняя тревога нарастала, она становилась будто генератором энергии, от которой сгорало моё сердце, и кипела кровь. Холодный же рассудок сознания твёрдо убеждал меня, что нам необходимо пройти через это испытание.

Чем сильнее слышался шёпот людской, тем невозмутимее становились наши лица и осанки, они действительно были княжескими.

Как там у великого классика? Мы гордо поднялись по ступеням белокаменной лестницы, миновали вход в храм:

*«...так как умеют ходить только женщины – тем спокойнее и величественнее, чем больнее и стыдней у неё было на душе».**

А вот нам как раз не за что было стыдиться. Я сразу направилась в сторону человека, которого заприметила издали.

Княгиня Анастасия была похожа на отца. Олицетворение процветания и достатка. В его облике отражалась не только сила и прочность духа, но и неукоснительное стремление к успеху. Высокий рост и широкие плечи создавали впечатление непокорности и властности, и я понимала, что передо мной будто зверь застыл, следящий за своими жертвами. Мы столкнулись с ним взглядами. Васильковый омут затопил мой разум. Я чувствовала его силу даже через тёмное кружево вуали.

«- силён».

Перевела дух.

Возраст не оставил на лице Муромского купца семейства Александровых ярких следов, и всё же он был на порядок старше и сильнее меня и увереннее во всё.

Опытнее это точно, гордо поднятая голова, смелый взгляд, и важная полуулыбка на лице говорили о его уверенности и умении достигать поставленных целей. Мне ли с ним тягаться? И всё же я шла мысленно, убеждая себя, что борода на лице купца скрывает возможно маленький безвольный подбородок и где ему сравниться с Георгом. И я его вовсе не боюсь. Что он мне может сделать? Беременной баронессе из Лондона.

Шла.

Потому что прежде всего я была женщиной. Прав был писатель, *«страда и замирая в толпе»* шла и вела за собой дам Соколинских.

Дрогнувшими пальчиками осторожно подняла вуаль, поймав взгляд Богородицы, трижды наложила крестное знамение.

— Оленька, остановись.

— Нет, Дарья Алексеевна. Не сейчас.

Она не знала, того, что знала я. Нам нужна была поддержка местного купечества.

«-не кусать губы, властвовать и верить самой в это»!

И вот я слышу уже его дыхание и поднимаю голову, вновь встречаясь с настороженным взглядом мужчины. Положа ручку на большой уже живот, смотрю, не отрываясь. Держу паузу. И тишина вокруг становится осязаемой.

— Миледи? Ваше сиятельство, в добром ли здравии, вы и ваша семья?

Он совсем слегка склонил голову в приветствии.

— В добром, но не совсем ваше степенство Владимир Афанасьевич: Сашенька вот приболел внучок княгини Соколинской. Хочу привет вам передать от неё, да благодарность и поклон земной за дочь, воспитанную в строгости и учтивости Анастасию Владимировну — княгиню нашу вдовствующую. Бабушка с Сашенькой осталась дома, а мы вот на службу пожаловали. Не знакомо здесь всё, не оставьте без своей поддержки, ваше степенство, благодарность наша будет безмерной.

Последние слова, они вылетели как бы невзначай и были совсем тихими, но Владимир Афанасьевич расслышал. Он словно взглядом очертил вокруг нас пространство и люди вокруг стали будто ближе и разговоры приутихли. И он словно выше стал и плечи расправил. Я слегка облокотилась рукой на локоток княгини Анастасии. И это не укрылось от внимательного взора её отца.

И я вдруг поняла, как ем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.